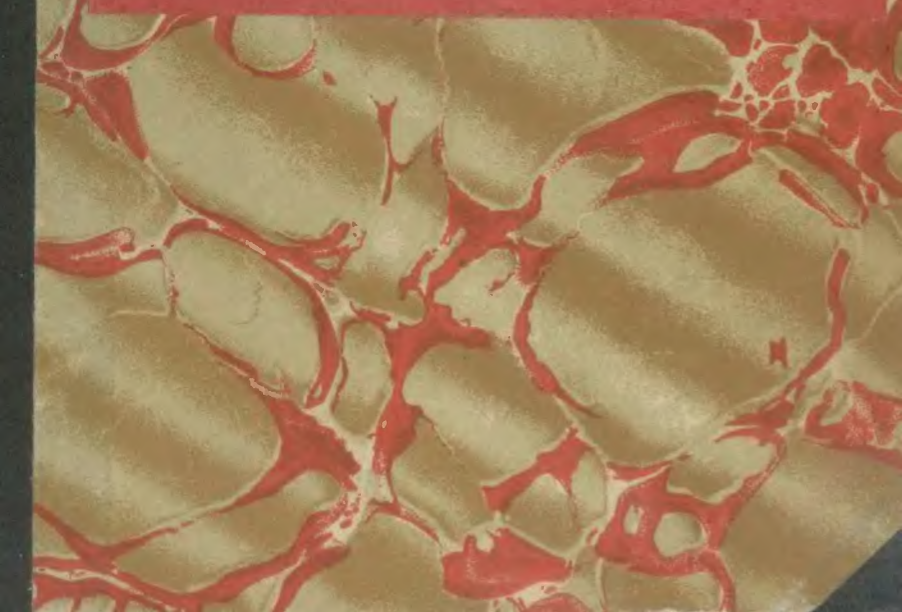
АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОСОЛОНЬ

П О С О Л О Н Ь

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОСОЛОНЬ

ВОЛШЕБНАЯ РОССІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТАИРЪ
ПАРИЖЪ
MCMXXX

С. П. Ремизовой Довгелло.

Волшебная Россія — земляная-подземная-надземная — была, есть и будетъ, пока свѣтитъ солнце надъ большой русской землей, и не разъ скажется она въ словѣ, пока жива человѣческая рѣчь и смотрятъ на міръ дѣтскія глаза.

Бѣленькій монашекъ, вы его знаете, онъ ходитъ по домамъ весной, весенній вѣстникъ, далъ мнѣ зеленую вѣтку, и съ этой вѣткой я пошелъ по русской землѣ посолонь (посолнцу), какъ идетъ солнце — съ весны на зиму.

По «красочкамъ» (по цвѣтамъ) вышелъ я въ первые весенніе дни. Эти небесныя звѣздочки пестрымъ ковромъ свѣтились мнѣ по дорогѣ. На лужайкѣ я наткнулся на Кострому: на моихъ глазахъ она и чай пила и несли ее хоронить, а ужъ что было, когда ожила — и правда, «мала куча да не совсѣмъ!» едва выбрался, попилъ ключевой воды и дальше пошелъ. Берегу зеленую вѣточку! Попалъ я въ кругъ мышекъ, помогъ имъ кулекъ тащить съ костяными зубами, за зиму набросали имъ подъ печку ребятишки: «на тебѣ мышка зубъ костяной, а дай мнѣ желѣзный». Послѣ мышекъ «гуси-лебеди»: я встрѣтилъ волка, онъ зубы точилъ ѣсть гусей, на шумъ мы бросились вмѣстѣ посмотрѣть, въ чемъ дѣло — и тутъ-то вотъ гуси на него и напали. Исщипаннаго волка я провожалъ въ лѣсъ — у бѣдняги чуть хвостъ не оторвали. На Кукушечій праздникъ — древній обрядъ «кумовства» я куковалъ вмѣстѣ съ кукушкой, отличить никакъ нельзя, всю «судьбу» перепуталъ. А вечеромъ я былъ на балу у лисы: звѣри меня приняли по-пріятельски, привязали мнѣ на грудь

дощечку съ надписью «у лисы балъ» и всю ночь я ходилъ съ ними «по-горамъ и по-доламъ». Такъ справили проводы весны.

Въ первые лѣтніе дни я встрѣтилъ Калечину-Малечину, скакалъ съ ней на одной ножкѣ. Проходя селомъ, ночью наткнулся на «Чернаго пѣтуха», очень было страшно, меня вѣдь никто не знаетъ и могли принять за «Коровью смерть», но все обошлось благополучно. Послѣ этого я ходилъ съ бабушкой и Петькой на богомолье, недалеко — въ Косино (подъ Москвой). Въ Купальскую ночь (лѣтній солоноворотъ) въ полночь я видѣлъ, какъ расцвѣлъ папоротникъ—волшебный цвѣтокъ папоротника называется «свѣты-цвѣтъ» и въ его свѣтѣ въ лѣсу такое творилось, самъ чортъ зачесалъ затылокъ отъ удовольствія. Какъ-то застигла меня Воробьиная ночь — безконечная, всю ночь молнія, и только подъ утро ударилъ дождь, а зато какое это было чудесное утро! По окончаніи жатвы я справлялъ дожинки — завивалъ васильками «бороду». Лѣто кончилось встрѣчей съ Чуромъ и Кикиморой.
летъ птицъ, и свадьбы — богатая осень На Воздвиженье

Наступило «бабье лѣто» — ясные осеніе дни — отлетъ птицъ, и свадьбы — богатая осень. На Воздвиженье помогалъ бабушкѣ рубить капусту и съ Петькой запускали змѣевъ. Въ ненастье попалъ я въ теплую избу на курьи именины — «троецыпленницу». А самую глухую осень провелъ въ башнѣ у царевны Копчушки, тутъ я познакомился и съ Соломино-вороминой и съ Кощей и съ шудами-да-лудами, перями-да-мерями.

Какъ-то утромъ ко мнѣ постучалась Снѣгурочка, принесла на пальчикахъ первый снѣжокъ, а моя зеленая вѣтка — одинъ прутикъ остался. Наступила зима — Корочуново царство, я его встрѣтилъ въ полѣ — это была моя послѣдняя встрѣча, конецъ пути. Зиму я зазимовалъ въ башнѣ у бѣленькой Зайки: вся зайкина исторія прошла на моихъ глазахъ. Котофей Котофеичъ намъ разсказывалъ сказки, а засыпали мы подъ медвѣжью колыбельную пѣсню. Когда колесо

солнца повернуло на лѣто (зимній солоноворотъ), я простился съ бѣленькой Зайкой и со всѣми ея пріятелями и вернулся домой.

Моя вѣтка опять зазеленѣла, смотрите: маленькіе листочки!

Paris
1929.

ВЕСНА—КРАСНА

МОНАШЕКЪ

Мнѣ сказали, — тамъ кто-то пришелъ, въ сѣняхъ стоитъ.

Вышелъ я изъ комнаты, а тамъ, гляжу, — монашекъ стоитъ.

— Здравствуй! — говоритъ и смотритъ на меня пристально, словно провѣряетъ что-то.

Маленькій монашекъ, бѣленькій.

— Здравствуй, что тебѣ надо?

— Такъ, по домамъ хожу, — подаетъ мнѣ вѣточку.

— Что это, монашекъ, никакъ листочки!

— Листочки, — и улыбается.

А я ужъ отъ радости не знаю, что и дѣлать: вдругъ — комната, рамы — и эта вѣтка съ зелеными, совсѣмъ-совсѣмъ крохотными масляными листочками.

— Хочешь, монашекъ, баранокъ турецкихъ, у насъ тутъ на углу пекутъ?

— Нѣтъ.

— Чего же тебѣ, молочка хочешь?

— Нѣтъ.

— Ну, яблочковъ?

— Медку бы съѣлъ немножко.

— Медку... Господи, монашекъ!.. я тебя гдѣ-то видѣлъ...

Монашекъ улыбается.

Крѣпко держу зеленую вѣтку — листочки выглядываютъ.

— Моя вѣтка — мои и листочки! —

Монашекъ стоитъ, улыбается.

КРАСОЧКИ

— Динь-динь-динь...
— Кто тамъ?
— Ангелъ.
— Зачѣмъ?
— За цвѣтомъ.
— За какимъ?
— За незабудкой.

Вышла Незабудка, заискрились синіе глазки. Принялъ Ангелъ синюю крошку, прижалъ къ теплому бѣлому крылышку и полетѣлъ.

— Стукъ-стукъ-стукъ...
— Кто тамъ?
— Бѣсъ.
— Зачѣмъ?
— За цвѣтомъ.
— За какимъ?
— За ромашкой.

Вышла Ромашка, протянула бѣлыя ручки. Пощекоталъ Бѣсъ вертушку, подхватилъ себѣ на мохнатыя лапки и убѣжалъ.

— Динь-динь-динь...
— Кто тамъ?
— Ангелъ.
— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.
— За какимъ?
— За фіалкой.

Вышла Фіалка, кивнула голубенькой головкой. Приголубилъ Ангелъ черноглазку и полетѣлъ.

— Стукъ-стукъ-стукъ...
— Кто тамъ?
— Бѣсъ.
— Зачѣмъ?
— За цвѣтомъ.
— За какимъ?
— За гвоздикой.

Вышла Гвоздика, зарумянились блѣдныя щечки. Бѣсъ ее въ охапку и убѣжалъ.

Опять звонилъ колокольчикъ — прилеталъ Ангелъ, спрашивалъ цвѣтъ, бралъ цвѣточекъ. Опять колотила колотушка — прибѣгалъ Бѣсъ, спрашивалъ цвѣтъ, забиралъ цвѣточекъ.

Такъ всѣ цвѣты и разобрали.

Сѣли Ангелъ и Бѣсъ на пригоркѣ въ солнышко: Бѣсъ со своими цвѣтами налѣво, Ангелъ со своими цвѣтами направо.

Тихо у Ангела. Гладятъ тихонько цвѣточки бѣлыя крылышки, дуютъ тихонько на перышки. Уговоръ не смѣяться, а кто засмѣется, тотъ пойдетъ къ Бѣсу.

Ангелъ смотритъ сурьезно.

— Въ чемъ ты грѣшна, Незабудка? — исповѣдуетъ плутовку.

Незабудка потупила глазки, губки кусаетъ — вотъ разсмѣется.

Налѣво у Бѣса такое творится, будь кисель-кисе-

лемъ и то засмѣешься. Поджигалъ Бѣсъ цвѣточки: самъ мордочку строитъ — цвѣточки мордочку строятъ; самъ дѣлаетъ моську — цвѣточки дѣлаютъ моську; самъ рожицы корчитъ — цвѣточки рожицы корчатъ; мяукаютъ, кукукаютъ, юлой юлятъ и такъ-то и этакъ-то — вотъ какъ!

Незабудка разинула ротикъ и прыснула.

— Иди, иди къ Бѣсу! — закричали цвѣточки.

Пошла Незабудка налѣво.

Тихо у Ангела. Гладятъ тихонько цвѣточки бѣлыя крылышки, дуютъ тихонько на перышки.

А налѣво гуготня — Бѣсъ тѣшится.

Ангелъ смотритъ сурьезно, исповѣдуетъ:

— Въ чемъ ты грѣшна, Фіалка?

Насупила бровки Фіалка, крѣпилась-крѣпилась, не вытерпѣла и улыбнулась.

— Иди, иди къ Бѣсу! — кричали цвѣточки.

Пошла Фіалка налѣво.

Такъ всѣ цвѣточки, какіе были у Ангела, не могли удержаться и расхохотались.

И стало у Бѣса могое-множество и бѣлыхъ и синихъ — цѣлый лужокъ.

Высоко стояло на небѣ солнышко, играло по лужку зайчикомъ.

Тутъ прибѣжало откуда-то семь бѣсенятъ и еще семь бѣсенятъ и еще семь. И такую возню подняли, такого рогача-стрекоча задавать пустились — кувыркались, скакали, пищали, бодались, плясали да такъ, что и сказать невозможно.

Цвѣточки туда же, за ними — и! какъ весело — только платьица развѣваются синенькія, бѣленькія,

Кружились-кружились. Оголтѣли совсѣмъ бѣсенята, полѣзли мять цвѣточки да тискать, а гдѣ подъ-шумокъ и щипнуть, ой-ой какъ!

Измятые цвѣточки ужъ едва качаются. Попить запросили.

Ангелъ поднялся съ горки, поманилъ бѣлымъ крылышкомъ темную тучку. Приплыла темная тучка, улыбнулась. Пошелъ дождикъ.

Цвѣточки и попили досыта.

А Бѣсенята тѣмъ временемъ въ кусты попрятались. Бѣсенята дождика не любятъ, потому что они и не пьютъ.

Ангелъ увидѣлъ, что цвѣточкамъ довольно водицы, махнулъ бѣлымъ крылышкомъ, сказалъ тучкѣ:

— Будетъ, тучка, плыви себѣ.

Поплыла тучка. Показалось солнышко.

Ангелята явились, устроили радугу.

А цвѣточки схватились за руки да бѣгомъ горѣлками съ горки —

Гори-гори ясно,
Чтобы не погасло...

Очухались бѣсенята, вылѣзли изъ-подъ кустика да сломя голову за цвѣточками. А ужъ не догнать — далеко. Покрутились-повертѣлись, показали ангелятамъ шишики да и разсыпались по полю.

Тихо летѣли полемъ птицы, возвращались изъ теплой сторонки.

Бѣсенята ковырялись въ землѣ, курлыкали — птичекъ считали, а съ ними и Бѣсъ — зажига рогатый.

КОСТРОМА

Чуть только лѣсъ одѣнется листочками и теплое небо завьется бѣлесыми хохолками, сброситъ Кострома свою колючку-ежовую шубку, протретъ глазыньки да изъ овина на всѣ четыре стороны, куда взглянется, и пойдетъ себѣ.

Идетъ она по талымъ болотцамъ, по вспаханнымъ полямъ да гдѣ-нибудь на зеленой лужайкѣ и заляжетъ: лежитъ-валяется, брюшко себѣ лапкой почесываетъ — брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Любитъ Кострома попраздновать, блинковъ поѣсть да кисельку клюквеннаго со сливочками да съ пѣночками, а такъ она никого не ѣстъ, только представляется: поймаетъ своимъ желтенькимъ усикомъ мушку какую, либо букашку, пососетъ язычкомъ медовыя крылышки, а потомъ и выпуститъ — пускай ихъ!

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Еще любитъ Кострома съ малыми ребятками повозиться, поваландаться: по сердцу ей лепуны-щекотуньи махонькіе. Знаетъ она про то, что въ колыбелькахъ дѣется, и кто грудь сосетъ и кто молочко хлебаетъ, зоветъ каждое дите по имени и всѣхъ отличить можетъ.

И всѣ отъ мала до велика величаютъ Кострому пѣсенкой — на то она и Кострома-Костромушка.

***

Лежитъ Кострома, валяется, разминаетъ свои бѣлыя косточки, брюшкомъ прямо къ солнышку.

Запримѣтятъ гдѣ ребятишки ея рожицу да айда гурьбой взапуски. И скачутъ пичужки пестренькія, бѣгутъ бѣгомъ, тянутся ленточкой и чувыркаютъ-чивикаютъ, какъ воробушки.

А нагрянутъ на лужайку, возьмутъ другъ-дружку за руки да кругомъ вкругъ Костромушки и пойдутъ плясать.

Пляшутъ-и-пляшутъ, поютъ пѣсенку.

А она лежитъ, лежона-нѣжона, нѣжится, валяется.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаетъ?

— Спитъ.

И опять закружатся-завертятся, ножками топаютъ-притоптываютъ, а голосочки, что бубенчики, и звенятъ и заливаются — не угнаться и птицѣ за такими свистульками.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаетъ?

— Встаетъ.

Встаетъ Кострома, подымается на лапочки; обводитъ глазыньками, поводитъ желтенькимъ усикомъ, прилаживается: кого бы ей напередъ поймать.

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаетъ?

— Чешется.

Такъ кругъ-за-кругомъ ходятъ по-солнцу вкругъ Костромушки, играютъ, пѣсенку, допытываютъ: что Кострома подѣлываетъ?

А Кострома и попила и поѣла и въ баню пошла и изъ бани вернулась, сѣла чай пить, чаю попила, прикурнула на-немножечко, встала, гулять собирается...

— Дома Кострома?

— Дома.

— Что она дѣлаетъ?

— Померла.

— —

Померла Кострома, померла! — и подымается такой крикъ и визгъ, что сами звѣри-звѣрюшки, какіе вышли было изъ-за ельничковъ на Костромушку поглазѣть, лататы на попятный — вотъ какой крикъ и визгъ.

И бросаются всѣ взахлестъ на мертвую, поднимаютъ ее къ себѣ на руки и несутъ хоронить къ ключику.

— Померла Кострома, померла!

Идутъ-и-идутъ, несутъ мертвую — несутъ Костромушку, поютъ пѣсенку.

Вьется пѣсенка, перепархиваетъ золотымъ жукомъ со цвѣтка по травушкѣ, повѣваетъ вѣтеркомъ, расплетаетъ у дѣвочекъ коски, машетъ ленточками и звенитъ-жужитъ, откликается далеко за тѣмъ синимъ лѣсомъ.

Поле проходятъ, полянку, лѣсокъ-за-лѣскомъ, проходятъ калиновый мостъ, вонъ и овражекъ, вонъ ключикъ — и бѣжитъ и недвиженъ — сѣрая искорка-пчелка — —

И вдругъ раскрываетъ Кострома свои мертвые глазыньки, пошевеливаетъ желтенькимъ усикомъ — амъ!

— — —

Ожила Кострома, ожила! — съ крикомъ и визгомъ роняютъ на земь Костромушку да кто куда — вразсыпную.

Мигомъ вскочила Костромушка да бѣгомъ-бѣгомъ, догнала, переловила всѣхъ, возятся — стогъ изъ цвѣточковъ! — хохоту-хохоту, пискъ, визготня — щекочетъ, козочку дѣлаетъ, усикомъ водитъ, бодаетъ, сама поддается — попалась! Гляньте-ка, гляньте-ка! какъ забарахтались! — повалили Костромушку, салазки загнули, щиплютъ, щекочутъ — мала-куча-да-не-совсѣмъ — и! разсыпался стогъ изъ цвѣточковъ.

—Ожила Кострома, ожила!

***

Вырвалась Костромушка да проворно къ ключику — припала къ ключику, насытилась и опять на лужайку пошла.

И легла на зеленую, на прохладную: лежитъ, развалилась, валяется, лапкой брюшко почесываетъ — брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Тамъ распаханныя поля зеленей зеленятся, тамъ въ синемъ лѣсѣ изъ норъ и норей выходятъ, идутъ и текутъ по чернымъ утолокамъ, по пробойнымъ тропамъ Божіи звѣри, тамъ на гибломъ болотѣ въ красномъ ивнякѣ Лѣснь-птица гнѣздо вьетъ, тамъ за болотомъ, за лѣсомъ Егорій кнутомъ ударяетъ — — пѣсенка вьется, перепархиваетъ со цвѣточка по травушкѣ, пестрая пѣсенка-ленточка —

А надъ полемъ-и-полемъ, лѣсомъ-и-лѣсомъ прямо надъ Костромушкой небо — церковь хлѣбная, калачомъ заперта, блиномъ затворена.

КОШКИ-И-МЫШКИ

Путались мышки въ полѣ. Тащили кулекъ съ костяными зубами: не мало ихъ за зиму попало отъ ребятъ въ норку. А теперь приходила пора за зубъ костяной отдавать зубъ желѣзный. А много-ли надо зубовъ, мышки не знали.

Путь имъ лежалъ полемъ въ молоденькій березнякъ. Тамъ подъ «заячьими ушками» — ландышами, у Громовой стрѣлки могли онѣ хорошо примоститься и обдумать нелегкое дѣло. Ни Громовая стрѣлка, ни бѣлыя «заячьи ушки» не выдадутъ мышекъ.

Прошелъ вечоръ дождикъ съ громомъ да съ молніей, и жарынь, что твое лѣто.

Подвигались мышки не споро.

Одна мышка впереди шла, казала дорогу хвостикомъ — свистуха отчаянная, дурила всѣмъ мышкамъ голову.

— Никого я не боюсь, — егозила егоза, подшаркивала розовой лапочкой, — самому коту на лапу наступлю, ищи-свищи, вывернусь!

Пыхтѣли мышки, диву давались да отговоръ сказывали: накличетъ еще бѣды, ногъ не соберешь.

А ужъ Котъ-Котонай и идетъ со своей Котофеевной, пыжитъ сѣдые усищи, поетъ пѣсенку.

Мышка на него:

— Кто ты такой?

— Да я Котъ-Котонай! — удивился котъ.

— А я тебя не боюсь.

— Чего меня бояться, — завелъ Котонай сладко зеленые глазки, — я ничего худого не сдѣлаю.

— А тебѣ меня не поймать!

— Ну, это еще посмотримъ.

— И не смотрѣвши...

Но ужъ котъ наершился, прицѣлилъ глазъ: хотѣлъ на мышку броситься.

А мышка стала на пяточки, поджала хвостикъ промежъ лапокъ, пошевеливаетъ хвостикомъ.

— Нѣтъ, — говоритъ, — такъ этого не полагается! Ты сядь вотъ тутъ на камушекъ и сиди смирно, а намъ давай твою Котофеевну и пускай она меня ловитъ.

Потянулся Котъ-Котонай, мигнулъ Котофеевнѣ. Пошла Котофеевна къ мышкамъ. Самъ усѣлся на камушекъ, задралъ заднюю лапу вверхъ пальцемъ, запряталъ мордочку къ себѣ въ брюшко, сталъ искаться: блоховатъ былъ котъ — строковатъ Котонай, пѣлъ пѣсенку.

— Мы съ тобой, кошка, станемъ въ середку, а онѣ пускай за лапки держатся и пускай вокругъ насъ вертятся; я — куда хочу, туда могу выскочить, а тебѣ будетъ вдвое воротъ, вотъ эти да эти, ну: разъ, два, три — лови!

Пискнула мышка, да съ кона отъ кошки жигъ! — закружилась.

Кошка за мышкой, мышка отъ кошки. Кошка налѣво, мышка направо. Кошка лапкой хвать мышку, а мышка: — брысь, кошка! — да за ворота, — что, кошка, съѣла? — Крутится-вертится-мечется кошка.

Крутятся-кружатся-вертятся мышки, держатся крѣпко за лапки, да дальше по полю — да дальше по травкѣ — да дальше по кочкамъ. —

Заманиваетъ мышка-плутовка кошку подъ «заячьи ушки».

—Гдѣ ты, котъ, гдѣ Котонай? — Котофеевна кличетъ.

Потеряли совсѣмъ Кота-сѣдоуса изъ виду.

Блоховатъ былъ котъ — строковатъ Котонай, пѣлъ пѣсенку.

Кошка изъ кона въ ворота: — берегись, мышка, поймаю! — мышка бѣгомъ, сиганула — живо-два — да въ конъ.

Кошка за мышкой, мышка отъ кошки. Крутятся-кружатся мышки. Хитрая мышка, плутиха, вотъ поддается, ужъ прыгнула кошка... стой! — березнякъ, «заячья ушки», Громовая стрѣлка.

Туда-сюда, глянь, а мышекъ и нѣтъ, канули мышки.

Изогнула сердито Котофеевна хвостикъ, надула брезгливо красненькій ротикъ, язычокъ навострила: «тутъ онѣ гдѣ-то, а гдѣ, не поймешь!»

— Чтобъ васъ нелегкая! — и пошла Котофеевна.

Шла искать Котоная, курлыкала.

Вянули вѣтры, пыхало зноемъ.

А мышки оскалили зубки, взялись за зубы.

Полкулька растеряли въ дорогѣ — эка досада! — спроситъ съ нихъ Громовая стрѣлка: не дастъ имъ желѣзные зубы.

«Заячьи ушки» — бѣлая стѣнка — загораживали мышекъ.

И тихо качались березки, осыпали на мышекъ золотыя сережки, висли прохладой.

ГУСИ - ЛЕБЕДИ

Еще до разсвѣта, когда черти бились на-кулачки и собиралась заря въ восходъ взойти и вскидывалъ вѣтеръ шолковой плеткой, вышелъ изъ лѣса волкъ въ поле погулять.

Канули черти въ оврагъ, занялась заря, выкатилось въ зорькѣ солнце.

А подъ солнцемъ рай-дерево распустило свой сиреневый медовый цвѣтъ.

Гуси проснулись. Попросились гуси у матери въ поле полетать. Не перечила мать, отпустила гусей въ поле, сама осталась на озерѣ, сѣла яйцо нести. Несла яйцо, не замѣтила, какъ ужъ день подошелъ къ вечеру.

Забезпокоилась мать, зоветъ дѣтей:

— Гуси-лебеди, домой!

Кричатъ гуси:

— Волкъ подъ горой.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Утку щиплетъ.

— Какую?

— Сѣрую да бѣлую.

— Летите, не бойтесь...

Побѣжали гуси съ поля. А волкъ тутъ-какъ-тутъ. Переняль все стадо, потащилъ гусей подъ горку. Ему, сѣрому, только того и надо.

— Готовьтесь, — объявилъ волкъ гусямъ, — я сейчасъ васъ ѣсть буду.

Взмолились гуси:

— Не губи насъ, сѣрый волкъ, мы тебѣ по лапочкѣ отдадимъ по гусиной!

— Ничего не могу подѣлать: я — сѣрый волкъ.

Пощипали гуси травки, сѣли въ кучку, а ужъ солнышко заходитъ, домой хочется.

Волкъ въ тѣ поры точилъ себѣ зубы: иступилъ съ утками.

А мать, какъ почуяла, что неладное случилось съ дѣтьми, снялась съ озера да въ поле. Полетала по полю, покликала, видитъ — перышки валяются, да слѣдомъ прямо и пришла къ горкѣ.

Стала она думать, какъ ей своихъ найти — у волка были тамъ и другіе гуси — думала, думала и придумала: пошла ходить по гусямъ да тихонько за ушко дергать. Который гусь пикнетъ, тотъ ея — матернинъ, а который закукурекаетъ, не ея — волковъ.

Такъ всѣхъ своихъ и нашла.

Ужъ и обрадовались гуси, содомъ подняли.

Бросилъ волкъ зубы точить, побѣжалъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Тутъ-то они на него, на сѣраго, и напали. Схватили волка за бока, поволокли на горку, разложили подъ рай-деревомъ, да такую баню задали, не приведи Богъ.

— Вы мнѣ хвостъ-то не оторвите! — унималъ гусей волкъ, отбрыкивался.

Пощипали-таки его изрядно, уморились, да опять на озеро: пора и спать ложиться.

Поднялся волкъ, не солоно хлебавши, пошелъ въ лѣсъ.

Возныла темная туча, покрыла небо.

А во тьмѣ бѣлыя томновали на лугу древяницы и травяницы, поливали одолень-траву.

Вылѣзли на берегъ водяники, поснимали съ себя тину, сѣли на колоды и поплыли.

Шелъ сѣрый волкъ, спотыкался о межу, думалъ-гадалъ о Иванѣ-царевичѣ.

На озерѣ гуси во снѣ гоготали.

КУКУШКА

Давнымъ-давно прилетѣлъ куликъ изъ-за моря, принесъ золотые ключи: замкнулъ холодную зиму, отомкнулъ землю, выпустилъ изъ неволья воду, траву, теплое время.

Размыла рѣчка пески, подмыла берегъ, подплыла къ орѣшенью — и ушла назадъ въ берега. Расцвѣла яблонь въ бѣлый цвѣтъ — поблекли цвѣты, опадалъ цвѣтъ.

Изъ зари въ зарю перекатилось солнце, повѣяли нѣжные вѣтры, пробудили поле. Сторожилъ куликъ поле — ранняя птичка — подчищалъ носокъ.

По полю гурьбой шли дѣвочки, рвали запашные васильки, закликали кукушку: кукушечье-горюшечье на виловатой соснѣ соскучилась, не сидѣлось въ бору, поднялась въ луга —

По дубравѣ дорожка лежитъ — дѣвочки свернули на дорожку: подъ широкимъ лопухомъ несли траву-кукушку, плели вѣнки.

За дубравой на красѣ стоитъ гора-круча: на горѣ противъ солнца стоитъ береза — обливалась росой кудрявая береза.

Посадили дѣвочки «кукушку» на березу. Заломили бѣлую, заплели вѣнкомъ. Схватились рука-объ-руку и пошли вкругъ «кукушки»:

— Кукушечка боровая, чего въ бору не сидѣла?

— Воли нѣту, воды нѣту.

— Гдѣ же воля?

— Пошла воля по лугамъ.

— Гдѣ вода?

— Пошла вода по болотамъ.

— Лети, кукушечка, лети боровая: въ лугахъ птицы поютъ, соловей свищетъ.

Сѣли дѣвочки на проваляную траву, поѣли лепешекъ. Цѣловались — покумились другъ съ дружкой. И въ вѣнкахъ тронулись къ рѣчкѣ.

Тамъ раздѣлись и съ берега вошли въ воду — по водѣ пустили вѣнки.

Плыли вѣнки, куковала кукушка.

Кукушка - кукушка
сколько годовъ
мнѣ осталось жить?

Ушли, обнявшись, дѣвочки съ рѣчки, закатилось солнце.

Вышла изъ бора старая старуха Ворогуша: пошла съ костылемъ по полю — преклонялось поле, доцвѣталъ хлѣбъ. Перехожая звѣздочка перешла къ горѣ-кручѣ, заблистала синимъ василькомъ.

Плыли вѣнки, куковала кукушка.

Кукушка - кукушка!
сколько годовъ
мнѣ осталось жить?

Жаръ-жаромъ заря не гасла.

Въ высокой травѣ — въ пѣтушкахъ — всю ночь до третьихъ пѣтуховъ стрекоталъ кузнецъ-чуриканъ.

У ЛИСЫ БАЛЪ

У лисы балъ.
— Я песъ.
— Я басъ.
— Я баранъ.
Это ноты.
Барабанъ.

Трамъ-тамъ-тамъ.
Трамъ-тамъ-тамъ.

По высокимъ горамъ,
по зеленымъ доламъ
чинно шествуемъ на балъ.
Разбреда-емся,
собира-емся,
переходимъ ровъ и валъ.
Оселъ, козелъ,
олень да левъ
медвѣдюшка —
звѣри страшные,
звѣри важные,
самъ съ усамъ,
Самъ съ рогамъ.

Трамъ-тамъ-тамъ.
Трамъ-тамъ-тамъ.

У лисы балъ.
— Я песъ.
— Я басъ.

— Я баранъ.
Это ноты.
Барабанъ.

Трамъ-тамъ-тамъ.
Трамъ-тамъ-тамъ.
Тамъ, тамъ,
Тамъ.

ЛѢТО КРАСНОЕ

КАЛЕЧИНА-МАЛЕЧИНА

Ку-ри-ца со двора,
Калечина въ ворота.

Заберется Малечина въ гибкій плетень,
тоненько комарикомъ пѣсню заведетъ,
ждетъ:
«не покличетъ ли кто Калечины погадать о вечерѣ?»

У Калечины одна — деревянная нога,
у Малечины одна — деревянная рука,
у Калечины - Малечины одинъ глàзъ —

маленькій, да удаленькій.
— Калечина - Малечина,
сколько часовъ до вечера?

Скокъ Калечина - Малечина съ плетня,
подберется вся — прыгъ-прыгъ-прыгъ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

Да юркъ въ плетень. Пригорюнится,
тоненько комарикомъ пѣсенку ведетъ,
ждетъ:
«не покличетъ ли кто Калечину погадать о вечерѣ?»

У Калечины семь братовъ —
у Малечины семь вѣтровъ,
а восьмой неродной — вихорь витной —
миленькій, да постыленькій.

— Калечина - Малечина,
сколько часовъ до вечера?

Вечеромъ врывается, крутитъ вихрь въ лѣсу,
вечеромъ Калечинѣ весело въ виру.
Ночка по небу лучинки зажжетъ,
темная темную нитку прядетъ...

Ку-ри-ца въ ворота —
Калечина со двора.

ЧЕРНЫЙ ПѢТУХЪ

Отъ недѣли до недѣли подоспѣло лѣто.

Послѣдняя отлетная птичка прилетѣла до витого гнѣздышка. Зацвѣли бѣлые и алые маки; голубые цвѣточки шелковаго льна моремъ разлились по полю; бѣлая греча запорошила прянымъ снѣгомъ безъ конца пути. Встали по тыну золотые подсолнухи; сухимъ золотомъ -стрѣлками затеплилась липа, а серебряные овсы и алатырное жито раскинулись и вдаль и вширь, обошли они лѣса и овраги, заняли округъ небесную синь и потонули въ жужжаньи и сыти до-жатвенной жажды.

Съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ травки на травку день до вечера перелетаетъ пчелка, несетъ праздники.

И не упасть первой росѣ, а ужъ щелкаетъ и звонко хлопаетъ кнутъ, звякаютъ коровьи колокольчики — го-

нятъ стадо. А за стадомъ высоко, какъ дымъ, подымается пыль по улицѣ.

И онѣ, чахлыя и заморенныя — Коровья смерть да Веснянка-Подосенница съ сорока сестрами старухой въ бѣломъ саванѣ пробѣгаютъ по селу, кличутъ на-голосъ.

Много онѣ натворили бѣдъ — съѣшь ихъ волкъ! То подъ тыномъ прикинется — Подтынница; то на дворѣ пристягнетъ — Навозница; то заскочитъ съ веретена въ пряху — Веретенница; то выскочитъ съ болотной кочки — Болотница: имъ бы портить скотину, вынимать румянецъ, вкладывать стрѣлы, крючить пальцы и трясьмя трясти.

И не гулянье отъ нихъ ребятишкамъ: не вѣкъ же голопузымъ носить на шеѣ змѣинаго выползка.

Но и нечисть знаетъ чередъ.

Собирается она зноемъ въ полдень къ вѣдьмаку Пахому — Пахома изба на краю села: тамъ ей попить, тамъ ей поѣсть!

Въ курникѣ пѣтухъ взлетаетъ на насѣстъ и, схватившись, какъ шальной, кричитъ по селу. Кричитъ цѣлыя ночи, несетъ змѣиные спорыши, напѣваетъ на голову отъ недѣли до четверга.

Самъ Пахомъ объ эту пору въ печуркѣ возится, стряпаетъ изъ ребячьяго сала свѣчу — этой свѣчей наведетъ колдунъ мертвый сонъ на человѣка и на всякую Божію тварь. Джурка, Пахомова дочка, не смыкая глазъ, летаетъ перепелкой, собираетъ «золотой грибъ».

Такъ отъ недѣли до четверга.

***

Въ четвергъ въ полночь подымается на ноги все село.

Съ шумомъ врываются въ Пахомовъ курникъ, чадятъ зажженными метлами, ловятъ чернаго пѣтуха.

Изловили пѣтуха и съ пѣтухомъ отправляются на другой край села.

Брюхатая Алена нагая верхомъ на рябиновой палкѣ съ мутовкой на плечѣ впереди всѣхъ съ горящимъ уголькомъ, а за ней двѣнадцать съ распущенными волосами въ бѣлыхъ рубахахъ съ серпами и кочергами въ рукахъ, и другія двѣнадцать въ черныхъ юбкахъ съ чернымъ пѣтухомъ.

А за ними ватагой и старъ и малъ.

Шумя и качаясь, вышли за село, запалили уголькомъ сложенный въ кучу наземъ, трижды обнесли пѣтуха вокругъ кучи. Тутъ выхватила Алена пѣтуха и, высоко держа надъ головой черноперагo, пустилась по селу, забѣгая къ каждой избѣ мимо всѣхъ клетей съ края на край.

Съ крикомъ и гиканьемъ гонятся за ней и бѣлыя и черныя:

— А, ай, ату сгинь-пропади, черная немочь!

Рвется пѣтухъ, наливаются кровью глаза, колотится черное сердце.

Обѣжавъ все село, бросила Алена пѣтуха въ тлѣющій наземъ.

Кинули за нимъ хвороста, сухихъ листьевъ — и вспыхнулъ костеръ: съ трескомъ взвились листья и неслись, жужжа, какъ красные жуки, неслись красныя перья, завивались въ косицы, и красная голова пѣла зимовыя пѣсни.

— Сгинь-сгинь-пропади, черная немочь!

Скачутъ вкругъ костра хороводомъ и черныя и бѣлыя, притоптываютъ, приговариваютъ, звенятъ косами, бьютъ въ чугуны, пока не ухнетъ красная голова и ужъ ни одно не зашипитъ красное перышко.

***

Сонной сохой по селу протянулась дорога, бѣлая отъ высокаго мѣсяца. На мѣсяцѣ все по-прежнему подымалъ на вилы Каинъ Авеля.

Шатаясь, шелъ по вымершему селу вѣдьмакъ Пахомъ, хватался за верею, дыхалъ гарнымъ пѣтушинымъ дыхомъ.

У Аленина двора со двора въ ночевку бѣжитъ котъ, ударилъ его Пахомъ посередь живота, сѣлъ, подкатилъ, какъ мѣсяцъ, къ окну, глазомъ надѣлъ на Алену «хомутъ», шепталъ въ ея слѣдъ:

— Чтобъ у нея, у миленькой, и спинушка и брюшенько краснымъ опухомъ окинулись и съ зудомъ.

Притрепался вѣдьмакъ, помануль зарю и изсякъ, какъ дымъ: волю снимать, неволю накладывать.

Не дождалась Джурка отца, поужинала. Поужинавъ, обернулась въ галочку — полетѣла за рѣчку росицу пить.

Занялась заря.

БОГОМОЛЬЕ

Петька, мальчонка дотошный, шаландать куда гораздый, увязался за бабушкой на богомолье.

То-то дорога была. Для Петьки вольготно: гдѣ скокомъ, гдѣ взапуски, а бабушка старая, ноги больные, едва духъ переводитъ.

И страху же натерпѣлась она съ Петькой и опаски — пострѣлъ того и гляди шею свернетъ, либо куда въ нехорошее мѣсто ткнется, мало ли! Ну, и смѣху было:

въ жизнь не смѣялась такъ старая, тряхонула на старости лѣтъ старыми костями. Умора давай разныя разности выкидывать: то медвѣдя, то козла начнетъ представлять, то кукуетъ по-кукушечьи, то лягушкой заквакаетъ. И озорничалъ немало: напугалъ бабушку до-смерти.

— Нѣтъ, — говоритъ, — сухарей больше, я всѣ съѣлъ, а червяковъ, хочешь, я тебѣ собралъ, вотъ!

«Вотъ тебѣ и богомолье — полпути еще не пройдено, Господи!»

А Петька поморочилъ, поморочилъ бабушку да вдругъ и подноситъ ей полную горсть не червяковъ, а земляники, да такой земляники, всѣ пальчики оближешь. И сухари всѣ цѣлы-цѣлехоньки.

Скоро пѣсня другая пошла. Уморились странники. Бабушка все молитву творила, Петька «Господи помилуй» пѣлъ.

Такъ и добрались шажкомъ-да-тишкомъ до самаго монастыря.

И прямо къ утренѣ попали. Выстояли они утреню, выстояли обѣдню, пошли къ мощамъ да къ иконамъ прикладываться.

Петькѣ все хотѣлось мощи посмотрѣть, что тамъ внутри находится, приставалъ къ бабушкѣ, а бабушка говоритъ:

— Нельзя, грѣхъ!

Закапризничалъ Петька. Бабушка и такъ и сякъ, крестикъ ему на красненькой ленточкѣ купила, ну, помаленьку и успокоился. А какъ успокоился, опять за свое принялся. Потащилъ бабушу на колокольню колоколъ посмотрѣть. Ужъ лѣзли, лѣзли, и конца не видно, ноги подкашиваются. Насилу вскарабкались.

Петька, какъ колокольчикъ, заливается, гудитъ — колоколъ представляетъ. Да что — ухватился за верев-

ку, чтобы позвонить. Еще, слава Богу, монахъ оттащилъ, а то долго ли до грѣха.

Кое-какъ спустились съ колокольни, усѣлись въ холодкѣ закусить. Тутъ старичокъ одинъ странникъ житіе пустился разсказывать. Петька ни одного слова мимо ушей не проронилъ, вѣкъ бы ему слушать.

А какъ свалила жара, снова въ путь тронулись.

Всю дорогу помалкивалъ Петька, крѣпкую думу думалъ: поступить бы ему въ разбойники, какъ тотъ святой, о которомъ странникъ-старичокъ разсказывалъ, грѣхъ принять на душу, а потомъ къ Богу обратиться — въ монастырь уйти.

«Въ монастырѣ хорошо, — мечталъ Петька, — ризы-то какія золотыя, всякій Божій день лазай на колокольню, никто тебѣ уши не надеретъ, и мощи смотрѣлъ бы. Монаху все можно, монахъ долгогривый».

Бабушка охала, творила молитву.

КУПАЛЬСКІЕ ОГНИ

Закатное солнце, прячась за тучу, заскалило зубы — брызнулъ дробный дождь. Притупилъ дождь косу, прибилъ пыль по дорогѣ и закатился съ солнцемъ на ночной покой.

Коровы, положа хвостъ на спину, не мыча прошли; не пыль — тучи мухъ провожали скотъ съ поля домой.

На болотѣ болтали лягушки-квакушки.

И «дикая кошка» — желтая иволга унесла на клювѣ вечеръ за шумучій боръ, тамъ разорила гнѣздо соловью, сѣла ночевать подъ черной смородиной.

Теплыми звѣздами опрокинулась надъ землей купальская чарая ночь.

Изъ тѣсныхъ могилъ, изъ темныхъ погребовъ встало Навье.

Плавали по полю воздушные корабли; Кудеяръ-разбойникъ стоялъ на кормѣ, помахивалъ краснымъ платкомъ; катили съ погостовъ погребальныя сани; сами ведра шли на рѣчку по воду; въ чащѣ разставлялись столы, убирались скатертями — и гремѣлъ въ болотныхъ огняхъ Навій пиръ.

Криксы-вараксы скакали изъ-за крутыхъ горъ, лѣзли къ попу въ огородъ, оттяпали хвостъ попову кобелю, затесались въ малинникъ, тамъ подпалили хвостъ, играли съ хвостомъ.

У развилистаго вяза растворялась земля — выходили изъ-подъ земли на свѣтъ посмотрѣть зарытые клады. И зарочныя три головы молодецкихъ и сто головъ воробьиныхъ и кобылья холка и кошачій усъ подмаргивали зеленымъ глазомъ — плакались.

Бросилъ Чортъ свои кулички, скучно: небо заколочено досками, не звонитъ колокольчикъ: помянулось рогатому погулять по купальской ночи — безъ него и ночь не въ ночь. Забралъ Чортъ своихъ чертенятъ, глянулъ на четыре стороны, да какъ гокнется о земь — посыпались искры изъ глазъ.

И потянулись на чортовъ зовъ съ рѣчного дна косматыя русалки; приковылялъ дѣдъ Водяной, старый хрѣнъ кряхтѣлъ да осочимъ корневищемъ помахивалъ — чтобъ ему пусто!

Выползла изъ-подъ дуба-сороковца, изъ-подъ яраго руна сама змѣя Скоропея: переваливаясь, поползла на своихъ гусиныхъ лапахъ, лютыя всѣ двѣнадцать головъ — пухотныя, рвотныя, блевотныя, тошнотныя, волдырныя и рябая и ясная катились мѣсяцемъ. Скликнула-вызвала Скоропея своихъ змѣй-змѣнышей, и онѣ

— домовыя, полевыя, луговыя, лозовыя, подтынныя, подрубежныя — приползли изъ своихъ норъ.

Зачесалъ Чортъ затылокъ отъ удовольствія.

Тутъ прискакала на ступѣ Яга. Встала Яга хороводницей. И водили хороводъ не по нашему.

— Гушъ-гушъ! хай-хай! обломи тебя обломъ! — отмахивался да плевалъ заплутавшійся въ лѣсу Фалалей, неподтыканный старикъ съ мухой въ носу.

А имъ и горя нѣтъ. Защекотали подъ елкой косоглазую Аришку, втопили въ болото Рогулю — пошатаешься! — ненарокомъ задавили зайчонка.

Пошла заюшка собирать подорожникъ: авось поможетъ!

Съ грѣхомъ пополамъ перевалило за полночь — уцѣпились непутные, не пускаютъ ночь: она, купальская, колыхала теплыми звѣздами, лелѣяла.

Свѣти-цвѣтъ — купальскій цвѣтокъ — горѣлъ и сіялъ звѣздочкой.

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

И бродили въ ночи нагія бабы — глазъ бѣлый, сѣрый, желтый, зобатый — худыя думы, темныя рѣчи.

У Ивана-царевича въ высокомъ терему сидѣлъ въ гостяхъ попъ Иванъ, судили-рядили, какъ русскому царству быть, говорили заклятскія слова. Заткнувъ ладонь за семишелковый кушакъ, игралъ царевичъ насыпнымъ перстенькомъ, у Ивана-попа изъ-подъ ворота торчалъ козьей бородой чортовъ хвостъ.

— Приходи вчера! — улыбался царевичъ.

А далекимъ-далеко гулкимъ походомъ гнался сѣрый волкъ, несъ отъ Кощея живую воду и мертвую.

Доможилъ - домовой толкалъ подъ ледящій бокъ — гладилъ Бабу-Ягу. Притрушенная папоротникомъ, задрала ноги Яга: привидѣлся ей на купальской зарѣ молодой сонъ.

Лѣшій415 кралъ дороги въ лѣсу да посвистывалъ — тѣшилъ мохнатый свои совьи глаза.

За горами — за долами по синему камню бѣжитъ вода — тамъ въ дремливой лебедѣ сорока-щектуха загоралась жаръ-птицей. По рѣкѣ тихой поплыней плывутъ двѣнадцать грѣшныхъ дѣвъ — бѣлый камень алатырь, что цвѣтъ, томно свѣтится въ ихъ тонкихъ перстахъ.

И восхикала лебедью алая Вытарашка, раскинула крылья зарей — не угнать ее въ черную печь — знобитъ, неугасимая, горячую кровь, истомленное сердце купальскимъ огнемъ.

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

Валили валомъ густыя облака, не изникали — имъ смѣты нѣтъ. За облаками возили копы — и туча шла за тучей, какъ за копой тяжелая копа по полю, поскрипывали колеса.

Вѣтромъ повѣяло бъ, грянулъ бы громъ! — не вѣяли вѣтры, не крапнулъ дождь.

Ни звѣринаго потопу, ни змѣинаго пошипу.

Въ тихихъ заводяхъ лебеди пѣли.

И разомкнулось тридевять золотыхъ замковъ, раскуталось тридевять дубовыхъ дверей — туча за тучу зашла — затрещало, загикало, свистѣло, гаркало.

Червонные воробушки — ночные полуночники — выпорхнувъ, кинулись летать по небу.

Ковалъ кузнецъ воробьиную свадебку, ковалъ крѣпко-на-крѣпко, вѣчно-на-вѣчно — не разсушитъ солнцемъ, не размочить дождемъ, не раскинетъ вѣтеръ, не разскажутъ люди.

Ковалъ кузнецъ вѣковой вѣнецъ.

И стала передъ воробушкой чужая сторона — не изюмомъ, горемъ усаженная, не травой, слезами покрытая.

Узлюлекнула воробушка:

Понеситесь вы, вѣтры, съ высокихъ горъ!
Подуйте, вѣтры, на звонки-колóколы!
Вы ударьте, звонки-колоколы, по сырой землѣ,
раздвоите вы сыру-землю на могилѣ матери!
Вы сшибите, звонки-колоколы, гробову-доску:
разомкните руки матери,
раскройте глаза ея,
поставьте ее на ноги!

— Не придетъ ли она, не прилетитъ ли къ моему дню и часу великому! —

Летали червонные, прятались-тулились подъ небесныя ракиты и калиновые мосты, нагуливались воробушки до-любви.

Раскунѣжились, пошли плясать въ присядку, квасили, жарили другъ дружку по носамъ. Одинъ воробей въ трубу скокнулъ, другой въ колодецъ упалъ, третій воробей не вѣсть что надѣлалъ.

И падали, кто какъ попало, безхвостые, базклювые, съ неба на землю — навалили горы воробьевыя. И ничего-то горы не родили — родили горы одинъ бѣлъ-горючъ-камень.

Заныло сердце, какъ малое дите:

Родимая моя матушка — — !
Что же ты ко мнѣ не подшатнешься?
Призагуньте, призамолкните —
разступитесь, пропустите!

— Подшатнись-ка ты, посмотри на меня... —

Засвирило небо, красно, что жаръ.

Раскаченъ-жемчугъ — васильковая слеза — катится съ лица на грудь, съ груди на траву. Перекати-поле унесло слезу. Не разжалила она сердце матери.

Знать отволила я мою волю,
отнѣжила мою нѣгу,
открасовала дѣвичью красоту!

Сердце матери оборотливо: обернется — дастъ великое благословеніе.

— И раскрылась могила — стоитъ мертвая —

— — — — — — — — — — — — — — — —

А тамъ разбили сорокъ сороковъ, тридцать три бочки — хлынуло пиво-медъ пьяное-распьяное.

Всѣ поля и луга, лѣса, перелѣски, заборы и крыши до корня смочены.

Первые пѣтухи пропѣли — полночь прошла, и вторые пѣтухи пропѣли — передъ зарей, и третьи пѣтухи пропѣли — на самой зарѣ.

А они, неугомонные, справляли великій запой, хмельные ворушили — вили гнѣздо ремезово.

Догорѣла страстная свѣча, закурились избы — волокомъ отъ трубы до трубы стлались книзу сизые дымы.

Поросятки-викуны рылись подъ грушей въ сладкихъ падалкахъ, а ихъ была цѣлая груда — непочатый край.

БОРОДА

Съ горки на горку, отъ ветлы до ветлы примчался ильинскій олень, окунулъ рога въ рѣчкѣ — стала вода холоднѣе.

Тынъ заростаетъ горькой полынью, не видать перелаза. Въ садахъ наливается яблоко: охота поспѣть ему къ Спасову дню. И шумя висятъ, призаблекнувши, листья; отягченныя клонятся никлыя вѣтви.

Щебетливая птичка научаетъ дитятъ перелетному лету: одинъ у ней ладъ на всѣ прилучья — скоро-имъ-въ-путь-опять! Дожидаетъ студеныхъ дней рябина; нарядная, опустила она свои красныя бусы до колѣнъ къ землѣ.

Шумный колосъ стелетъ по нивѣ сухое время. На проходѣ страда. Подоспѣли дожанки. Дожинаютъ и вяжутъ послѣдній снопъ. Кличутъ на «бороду».

И потянулся народъ — бѣлый макъ — по селу на жнивье.

А Борода стоитъ — развѣвается, золотая, разукладная: много янтаря въ ней, много усика долгаго, тонкаго, остраго, какъ серпъ

— Завивать, завивать, бородушку! —

Разогнули солому, посыпаютъ земли — пусть и она, сырая-мать-земля, покроетъ ее материнской пеленой —

на красное годье,
на новое лѣто,
на веселый дородъ..

— — — —

— Нивка, нивка, отдай мою силку! —

Причитаетъ-приговариваетъ жнея въ длинной бѣлой рубахѣ съ серпомъ на плечѣ, и катается по жнивью и проситъ и молитъ свою нивку.

Несутъ межевые васильки, подвиваютъ васильками Бороду и кругомъ, какъ коверъ, васильки.

Собрала Борода людей вмѣстѣ, запалили солому, заварилась отжинная каша.

Нивка-нивка, отдай мою силку,
что я тебя жала, силку роняла!

И идутъ хороводомъ вокругъ Бороды, ведутъ долгія пѣсни, перевиваются долгія пѣсни пригудкой и опять на широкій разливной ладъ хороводы.

Сѣло за орѣшенью солнце, тучей одѣлась заря. А Борода въ василькахъ раскаляется.

Беретъ коновода плясъ: бросила Василиса серпъ, подсучила рукава, сбила подпояску и, вылетѣвъ изъ кона, пустилась въ плясъ.

Звенѣлъ ея голосъ, звенѣла пѣсня — катилъ Илья, громыхалъ на своей колесницѣ — и сбѣгался хороводъ, разбѣгался, отклонившись назадъ, запрокинувъ голову — это ласточки быстро неслись по землѣ, черкая крыльями.

Сѣдой ковыль, горкуя голубемъ, набирался гульбы, устилалъ, шевелилъ — шелъ по полю дальше и дальше за покосы, за болото, за зарю. Но зарей ничего такъ на слышно, только слышно — только слышно — только слышно — только чутко:

— Нивка, отдай мою силку! —

***

Отъ четырехъ птицъ — желѣзныхъ носовъ, изъ-за темныхъ коточинъ вышла молодая медвѣдица, посмотрѣла на Бороду, оглянулась... Купена-лупена стращала медвѣдицу тремя пальцами, ровно дите «рогатой козой».

Вындрикъ-звѣрь стремглавъ бѣжалъ за синее море — —

Горитъ Борода — горитъ хороводъ.

ЧУРЪ

От березы къ тремъ дубамъ доломъ черезъ боръ
къ грановитой соснѣ —
на межѣ
чурка старая лежитъ,
въ чуркѣ — чуръ:
мордастенькій, кудластенькій
носокъ-сморчокъ,
а въ волосѣ, что рогъ,
торчитъ чертополохъ.

Эй ты, чуръ-чурачокъ-чурбачокъ,
Чуръ меня, чуръ!

Нуженъ чуру глазъ да глазъ, не проморгай:
что ни часъ, то бѣда; ни година, напасть
неминучая.
Воръ —
вырветъ чурку воръ! — Чуръ защурился да хвать...

— Чуръ меня, чуръ!
А руки сведены и сохнутъ, какъ ковыль:
забудешь воровать.

На чуркѣ чуръ заводитъ зоркій глазъ.
Сердечный другъ, постой, не задремли...
Коса —
звенитъ коса, поетъ и машетъ, машетъ такъ —
лязгъ-лязгъ по чурбану! — Чуръ на дыбы да за косу...
— Чуръ меня, чуръ!
И вострая изломана, коса моя, коса,
Не размахивайся скоса.

На куракѣ свернулся чуръ, хоть чуточку всхрапнуть —
отъ зорь до зорь
и за лазореву звѣзду
на сторожѣ стоять
да спуску не давать:
безъ пальца рука,
безъ мизинца нога,
съ башкой голова.

Эй ты, чуръ-курачокъ-чурбачокъ,
— Чуръ меня, чуръ!

Кладъ присумнится, не рой,
чура̇ зови — знаетъ зарокъ...
Вонъ воронъ —
«крукъ» — крадется Корочунъ — каръ-каръ...
— Чуръ меня, чуръ!
Чуръ: чрр! — и «крукъ» за кругъ: крр-крр...
Спасибо, чуръ — чтобъ лопнулъ Корочунъ:
ни дна ему и ни покрышки.

КИКИМОРА

На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносымъ носомъ съ гримасою крещенской маски, затѣйливо Кикимора усѣлась и чиститъ бережно свое копытце.

Га! прыснулъ тонкій голосокъ, ха! ищи! а шапка вонъ на жерди... Хи-хи!.. хи-хи! А тотъ какъ чебурахнулся, споткнувшися на гладкомъ мѣстѣ...

Влюбленнымъ намяла я бока — Га! хи-хи-хи — я бабушкѣ за ужиномъ плюнула во щи, а дѣду въ бороду пчелу пустила. Аукнула - мяукнула Одэ подъ поцѣлуи, а пьяницу завѣяла кричащимъ сномъ и оголила...

Вся затряслась Кикимора, заколебалась, отъ хохота за тощіе животики схватилась.

Тьфу! ты, проклятая! — Га! ха-ха-ха...

И только пятки тонкія сверкнули за поле въ лѣсъ — Сплетать обманы — причуды сѣять — и до умору хохотать.

ОСЕНЬ ТЕМНАЯ

БАБЬЕ ЛѢТО

Унесъ жаворонокъ теплое время. Устудились озера.

Цвѣты, зацвѣтая пустыми цвѣтами, опадаютъ ранней зарей. Сорвана бурей верхушка елки. Завитая съ корня, опустила верба вялые листья. Высохла береза противъ солнца, сухая, небѣлая пожелтѣла.

Дуетъ вѣтеръ, надуваетъ погоду. Дождь на дворѣ, въ полѣ туманъ.

Поломаны, протоптаны луга, уколочены зеленые, вбиты колесами, прохлыснуты плеткой. Скоро минуетъ гулянье. Стукнулъ послѣдній красный денекъ.

Встало изъ-за лѣса солнце — не нажить такого — пріобсушило лужи, сгладило скучную расторопицу.

По полѣсью мимо избы бѣжитъ дорожка — мхи, шурша сырымъ серебромъ среди золота, кажутъ дорожку.

— Лѣсъ въ пожарѣ горитъ и горитъ —

Въ бѣломъ на бѣломъ конѣ въ вѣнкѣ изъ зеленой озими ѣдетъ по полю Егорій и сыплетъ и сѣетъ съ рукава бѣлъ-жемчугъ — изунизана жемчугомъ озимь. И дальше по лѣсу вмигъ загорается красный — солнце во лбу, огненный конь — раздаетъ Егорій звѣрямъ наказы.

— Лѣсъ въ пожарѣ горитъ и горитъ —

И птицы не знаютъ, не домекнуться пѣвуньямъ: летѣть имъ или вить новыя гнѣзда? И водные — лебеди — падаютъ грудью о воду, плывутъ — «вылынь — выплавь, весна!» — вьютъ волну и плывутъ.

Летитъ паутина.

Катитъ пенье косолапый медвѣдь, ворочитъ колоды: строитъ себѣ на зимовье берлогу — морозами всласть пососетъ онъ до самаго горлышка медовую лапу. Собирается зайчикъ линять и трясется, какъ листикъ: боится лисицы.

Померкло.

Заныааетъ полное сердце — пойти постоять за ворота!

Тихая рѣчка тихо гонитъ воды.

По вечеру плавно вдоль поля тянется стая гусей — улетаютъ въ чужую сторонку.

— Счастлива дорожка!

Далеко на селѣ пѣсня и гомонъ: свадьбу играютъ.

Хороша угода, хорошъ хмель зародился — золотой вѣнецъ.

Шумъ, гамъ — наступаютъ грудью другъ на друга, топаютъ ногами, машутъ руками, вонъ сама по себѣ отчаянно вертится сорви-голова молодуха — разгарчиво лицо, кровь съ молокомъ — вонъ дѣдъ подъ хмелькомъ съ печи сорвался...

Кипитъ разгонщица-каша. Валитъ дымъ столбомъ. Шумъ, гамъ, пѣсня.

А гдѣ-то за темною топью конь колотитъ копытомъ.

Скрипятъ ворота, грекаетъ дверьми — запираетъ Егорій небесныя ворота.

Тамъ катается по сѣнямъ послѣднее времячко, послѣдній часокъ, тамъ не свое житье-бытье испровѣдываютъ, тамъ плачутъ по русой косѣ, тамъ воля, такой не дадутъ, тамъ не можно думы разумать... есть глаза, почему они ясные, ненаглядные, не источатъ огненныхъ слезъ...?

Мать по-темному не поступитъ, вернетъ теплое время.

Сотлѣло сердце чернѣй земли.

— Вернитесь!

И звѣзды вбиваются въ небо, какъ гвозди — падаютъ звѣзды.

ПЛАЧЪ ДѢВУШКИ ПЕРЕДЪ ЗАМУЖЕСТВОМЪ

Солнце, высоко ты плаваешь въ синихъ сумрачныхъ рѣкахъ небесъ — тамъ волнистыя поля облаковъ неустанно бѣгутъ;
и ты, сынъ солнца, бѣлый свѣтъ, — ты озаряешь мать-землю;
и ты, ухо ночи, луна, — ты восходишь, идешь надъ землей, слѣдишь за ростомъ травъ, за шумомъ лѣса, за плескомъ рѣкъ и сномъ;
и ты, семицвѣтная радуга, быкъ-корова небесныхъ полей,—ты жадно пьешь рѣчную студеную воду —

пожелайте счастья мнѣ отъ матери земли!
сколько на небѣ осеннихъ звѣздъ;
пожелайте счастья мнѣ отъ свѣтлаго востока!
сколько бѣлыхъ цвѣтовъ земляники;
пожелайте счастья мнѣ отъ синихъ сумерокъ запада!

сколько алыхъ лепестковъ дикихъ розъ;
пожелайте счастья мнѣ отъ ледяного сѣвера!
сколько зеленыхъ цвѣтовъ смородины;
пожелайте счастья мнѣ отъ знойнаго юга!
сколько на нивѣ золотого зерна;
пожелайте счастья мнѣ отъ широкой рѣки!
сколько рыбъ на глубокомъ днѣ;
пожелайте счастья мнѣ отъ дремучаго лѣса!
сколько скрыто вольныхъ птицъ;
пожелайте счастья мнѣ отъ темнаго бора!
сколько зрѣетъ ягодъ въ бору;
пожелайте счастья мнѣ отъ топкихъ болотъ!
сколько сосенъ стоитъ кругомъ;
пожелайте счастья мнѣ, солнце! бѣлый свѣтъ!
радуга! луна!
пожелайте великимъ своимъ пожеланіемъ —
съ поверхъ головы до подножія ногъ.

ЗМѢЙ

Петьку хлѣбомъ не корми, дай только волю по двору побѣгать. Тепло, ровно лѣто. И ужъ закатится непосѣда, день-деньской не видать, а къ вечеру, глядишь, и тащится. Поѣлъ, помолился Богу да и спать — свернется суркомъ, только посапываетъ.

Помогалъ Петька бабушкѣ капусту рубить.

— Я тебѣ, бабушка, капустную муку сдѣлаю: будетъ намъ зимой пироги печь, — твердитъ таратора да рубитъ, что твой заправскій: такъ вотъ себѣ и бабушкѣ по пальцу отрубитъ.

А кочерыжки, какъ ни любилъ лакома, хряпалъ не очень много, а все прибиралъ: сложитъ въ кучку, вы-

ждетъ время и куда-то снесетъ. Бабушкѣ и невдомекъ, знай похваливаетъ, думаетъ себѣ — коровѣ носитъ.

Какой тамъ коровѣ!

Стоялъ у бабушки подъ кроватью старый-престарый сундучокъ, желѣзомъ кованный, хранила въ немъ бабушка смертную сорочку, туфли безъ пятокъ, саванъ, рукописаніе да вѣнчикъ — собственными руками старая изъ Кіева отъ мощей принесла, батюшки-пещерника благословеніе. Въ этотъ-то самый сундучокъ Петька и складывалъ кочерыжки.

«На томъ свѣтѣ бабушкѣ пригодятся, сковородку-то лизать не больно вкусно...».

Случилось на Воздвиженье, понадобилось бабушкѣ въ сундучокъ зачѣмъ-то, открыла бабушка крышку да такъ тутъ же на мѣстѣ отъ страха и сѣла.

А какъ опомнилась, наложила на себя крестное знаменіе, кочерыжки всѣ до одной изъ сундучка повыбрасывала, окропилась святой вдой, да силенъ, окаянный — змѣй треклятый.

Стали онѣ нечистыя, эти кочерыжки, представляться бабушкѣ въ сонномъ видѣніи: встанетъ передъ ней такая вотъ дубастая — и торчитъ цѣлую ночь, не отплюешься; притомъ же и духъ нехорошій завелся въ комнатахъ, какой-то капустный, и ничѣмъ его не выведешь, ни монашкой, ни скипидаромъ.

А Петька ума не приложитъ, куда изъ сундука кочерыжки дѣваются, нѣтъ-нѣтъ да и подложитъ:

«Пускай себѣ ѣстъ, коровѣ и сѣна по-горло!».

Думалъ пострѣлъ, съѣдаетъ ихъ бабушка тайкомъ на сонъ грядущій.

Бабушка на нечистаго все валила.

И не проходило дня, чтобы Петька чего-нибудь не напроказилъ, пристрастился гулена «змѣевъ» пускать:

понасажалъ ихъ тьму-тьмущую по всему саду, и много хвостовъ застряло за домъ.

Запускалъ онъ какъ-то разъ змѣя съ трещеткой, и пришла ему въ голову одна хитрая хватка:

«Ворона летаетъ, потому что у вороны крылья; ангелы летаютъ, потому что у ангеловъ крылья, и всякая стрекоза и муха — все отъ крыла, а почему змѣй летаетъ, крыльевъ у него никакихъ нѣтъ, а летаетъ!»

И отбился отъ рукъ мальчонка, ходитъ, какъ тѣнь, не ѣстъ, не пьетъ ничего.

Ужъ бабушка и то и другое — ничего не помогаетъ: двѣнадцать травъ не помогаютъ!

«А летаетъ змѣй потому, что у него дранки и хвостъ!» — рѣшаетъ, наконецъ, Петька и, недолго думая, прямо за дѣло: давно въ головѣ вертѣло у Петьки полетать подъ облаками.

Варила бабушка къ празднику калиновое тѣсто — удалась калина, что твой виноградъ, сокъ такъ и прыщетъ, и тѣсто выходитъ разваристое, халва да и только. Вотъ Петька этимъ самымъ тѣстомъ-халвой и вымазался, приклеилъ себѣ дранки, придѣлалъ сзади хвостъ изъ мочалокъ, обмотался ниткой, да и къ бабушкѣ:

— Я, — говоритъ, — бабушка, змѣй, на — тебѣ, бери клубокъ да пойдемъ, подсади меня, а то онъ такъ безъ подсадки летать не любитъ.

А старая трясется вся, понять ничего не можетъ, одно чувствуетъ, наущеніе тутъ бѣсовское, да такъ, какъ стояла простоволосая, не выдержала и предалась въ руки нечистому — взяла она обѣими руками клубокъ, пошла за Зміемъ подсаживать его окаяннаго.

Хочетъ бабушка молитву сотворить, а изъ-подъ дранокъ на нее ровно кочерыжка, хоть и малюсенькая,

такъ крантикомъ, а все же она, нечистая, — и запекаются отъ страха губы, отшибаетъ всю память.

Влѣзъ Петька на бузину.

— Разматывай! — кричитъ бабушкѣ, а самъ какъ сиганетъ и — полетѣлъ, только хвостъ зачиклечился.

Бабушка клубокъ разматывать разматывала, но что было дальше, ничего ужъ не помнитъ, — пала она тогда замертво и потопталъ ее Змій лютый о семи головъ ужасныхъ и такъ царапалъ ее кочерыжкой острой съ когтемъ и опачкалъ всю, ровно тѣстомъ, липкимъ чѣмъ то, а вкусъ — медъ липовый.

На Покровъ бабушка пріобщалась святыхъ тайнъ и Петьку съ собой въ церковь водила: прихрамывалъ мальчонка, колѣнку летавши отшибъ — хорошо еще, что на бабушку пришлось, а то бы всю шею свернулъ.

«Конечно, все дѣло въ хвостѣ, отращу хвостъ, хвачу на седьмое небо ужъ прямо къ Богу, либо птицей за море улечу, совью тамъ гнѣздо, снесусь...».

Петька усердно кланялся въ землю и, будто почесываясь, ощупывалъ у себя сзади подъ штанишками мочальный хвостикъ.

Бабушка плакала, отгоняла искушенія.

ТРОЕЦЫПЛЕННИЦА

Съ дерева листье опало, раздувается вѣтромъ. По полямъ ходитъ вѣтеръ, все поднимаетъ — несетъ холодъ и дождикъ.

Протяжная осень.

Запустѣли сады, улетаютъ послѣднія птицы. Пріунывши, висятъ сорныя гнѣзда.

Попрятались звѣри. Некому вѣсти принесть на хвостѣ: скрылся въ нору хомякъ, залегъ лежебока.

Намутили воду дожди, не состояться водѣ, рѣка — половодье. И по тинистымъ ямамъ, гдѣ раки зимуютъ, сонныя бродятъ водиники.

Протяжная осень.

Всѣ пути и дороги исхожены, невылазная грязь. Черти торятъ пути; не траву — трынъ-траву, очертя голову, косятъ да на межевомъ бугоркѣ, на черепкахъ въ свайку играютъ. Волей-неволей, безъ прилуки летаютъ стадами съ мѣста на мѣсто галки, падаютъ на-кось, кричатъ. Воробьи, гоняя собакъ, почувыркиваютъ.

Протяжная осень.

Бѣдовое время въ теплой избѣ. Въ свины-полдни, лишь засмеркалось, трубой ввалились въ избу непорочныя вдовы. На-глухо заперли двери. Бросили свои перекоры, прямо съ мѣста усѣлись за столъ.

На Хватавщину угощались вдовы блинами — поминали родителей; на Семикъ — собирали сохлые старые цвѣты. А теперь чередъ за курицей: не простая курица — троецыпленница — трижды сидѣла на яйцахъ, три семьи вывела — пятьдесятъ пять куръ, шестьдесятъ пѣтуховъ!

Чинно роспили вдовы бутылку церковнаго, поснимали съ себя подпояски, обмотали ими бутылку и пустую засунули Кузьмѣ за пазуху.

Долговязый Кузьма - Демьянъ, повязанный по-бабьи, пѣтухомъ пѣтушится, улещаетъ словами, подчуетъ.

И въ полномъ молчаніи не рѣжутъ — ломаютъ курицу, ѣдятъ по-звѣриному, чавкаютъ.

Такъ по косточкамъ разбираютъ всю троецыпленницу, да за яичницу. А она, глазунья, и трещитъ и прыщетъ на жаркой сковородкѣ, обливается кипящимъ душистымъ саломъ.

До-сыта долго ѣдятъ, наѣдаются вдовы. Съ заговоромъ вымоютъ руки, и до послѣдней пушинки все: косточки, голову, хвостъ, перья и воду соберутъ въ корчагу.

Зажигаются свѣчи.

Мокрыми курицами высыпаютъ вдовы съ корчагой на дворъ. Вырыли яму, покрыли корчагу онучей, закапываютъ курочку. И всѣ, какъ одна, не спѣша съ пережевкой, съ перегнуской затянули надъ могилкой куриную пѣсню.

Пѣсней молятъ троецыпленницу.

Тутъ Кузьма, не снимая платка, избоченился: не подкузмитъ — сѣдатый песъ — вьетъ изъ себя веревки, хочешь — пляши на немъ, только держись.

И разводятъ бабы бобы, кудахчутъ, какъ куры, алалакаютъ — обобьетъ долговязый всѣ себѣ шпоры: колко курье перо, широки середышки...

Обдуваетъ холоднымъ вѣтромъ, помачиваетъ.

Вцѣпляется бѣсъ въ ребро, подаетъ Водяной человѣчій голосъ. Темь, ни зги. Скоро пѣтухъ запоетъ.

Мольба умолкаетъ. Въ избѣ тушатъ огни.

Непогода. Ненастье.
— Ты не жди...

На задворкахъ щенята трепали онучу — потроши-

ли священныя перья. Растянувшись бревномъ, гналъ до дому Кузьма, кукурекалъ. Карга Катерина въ куриной слѣпотѣ, увязая въ грязи, ползла на карачкахъ.

А дождь такъ и сѣетъ и сѣетъ — —

Вольному волю,
спасенному рай,
чорту болото.

НОЧЬ ТЕМНАЯ

Не въ трубы трубятъ — свиститъ свистень, шумитъ вѣтеръ, усбушевался: такъ не шумѣла листьями липа, такъ не мели метлами ливни.

Хунды-трясучки шуршали подъ крышей.

Не гавкала старая шавка: свернувшись, хоронилась въ сторожкѣ у сѣдого Шандыря. Шандырь-шептунъ пускалъ по вѣтру нашепты, сторожилъ, отгонялъ отъ башни злыхъ хундовъ.

Въ башнѣ шелъ пиръ: взбунтовались ухваты, заплясала сама кочерга; пери да мери, шуды да луды — всѣ шуты и шутихи задавали плясъ, скакали по горницѣ, инда отъ топота прыгалъ полъ, ходуномъ ходила половица.

Блѣденъ, какъ мѣсяцъ, сидѣлъ за столомъ Иванъ-царевичъ. За шумомъ и непогодой не было слышно, сказалъ онъ хоть слово, вздохнулъ ли, посмотрѣлъ ли хоть разъ на царевну Копчушку.

Въ сердце царевны уложилъ вѣтеръ всѣ ея мысли. Нехорошій приглазился сонъ царевнѣ, но теперь не до сновъ, только глазки сверкаютъ: ждали царевича долго, не годъ и не два, темные слухи кутали башню —

каркалъ Кокъ-Кокоряшка: «умеръ царевичъ!» — а вотъ и дождались, прилетѣлъ ясный соколъ.

Всѣмъ заправляла Коза: извѣстно, Коза — на всѣ руки, не занимать ей ума, и угостить и позабавить и хохотать мастерица.

А вѣтеръ шумѣлъ и бѣсился, свистѣлъ, сѣкъ тучи, стрекалъ звѣзду о звѣзду, заволакивалъ темно, гнулъ угрюмо, уныло густой садъ — сухую былинку, колотилъ прутья о прутья.

Ходила Коща вокругъ башни, подслушивала.

Плотно затворены ставни — чуть видная щелка: въ щелкѣ — мѣсяцъ, покажется блѣдный, западетъ и играетъ мертвый на мертвомъ.

Давнымъ давно на серебряномъ озерѣ у семи коловъ лежитъ сѣрый волкъ, отгрызли у сѣраго хвостъ — не донесъ до царевича воду! — и рядомъ въ хрустальныхъ кувшинчикахъ нетронута, живая и мертвая: не придетъ ли кто, не выручитъ ли сѣраго? А Иванъ-царевичъ за крѣпкими стѣнами — ужъ ночь прошла — за крѣпкими стѣнами задавили!

Пронюхаетъ Коза, догадается... скажетъ царевнѣ, вспрыснетъ царевну: «съ гуся вода, съ лебедя вода...». Тутъ Коща поперхнулась, крикнула Соломину-воромину. Соломина-воромина тутъ-какъ-тутъ. Сѣла Коща на корявую да къ щелкѣ. Отыскала сучокъ, хватила безымяннымъ пальцемъ сучокъ — «украла языкъ» у Козы:

— Какъ сукъ не ворочается, какъ безымянному пальцу имя нѣтъ, такъ и языкъ не ворочайся во рту у Козы!

И въ мигъ онѣмѣла Коза, испугалась, бросила башню, ушла въ горы —

черви выточили горы; червей поклевали птицы; птицы улетѣли за море — пропала Коза, и никто не знаетъ, что съ Козой и гдѣ она колобродитъ рогатая.

А Коща вильнула хвостомъ и улизнула: ей вездѣ мѣсто!

Кончился пиръ.

Пери да мери, шуды да луды — всѣ шуты и шутихи влежку валялись. Хунды-трясучки трясли и трепали сѣдого Шандыря. Мяукала кошкой шавка отъ страха.

Сѣлъ царевичъ съ царевной Копчушкой, поѣхали.

Ѣдутъ.

А ночь-то темная, лошадь черная.

Ѣдетъ-ѣдетъ да пощупаетъ: тутъ ли она?

Выглянетъ мѣсяцъ — мѣсяцъ на небѣ прядетъ-прядетъ...

Проѣхали гремучъ-виръ проклятый

«Милая, — говоритъ, — моя, не боишься ли ты меня?»

«Нѣтъ, — говоритъ, — не боюсь».

Проѣхали чортовъ логъ.

А ночь-то темная, лошадь черная.

«Милая, — говоритъ, — моя, не боишься ли ты меня?»

«Нѣтъ, — говоритъ, — не боюсь...» — а сама ни жива, ни мертва.

У семи коловъ на серебряномъ озерѣ, гдѣ сѣрый волкъ лежитъ, какъ обернется царевичъ: зубы оскалилъ мертвый — бѣлый — блѣдный — въ мѣсяцѣ мѣсяцъ —

«Милая, — говоритъ, — моя, не боишься ли ты меня?»

«Нѣтъ...»

А ночь темная, лошадь черная.

— Амъ!!!

Съѣлъ.

ЗИМА ЛЮТАЯ

СНѢГУРКА

Она не стучалась, не спрашивала, шибко растворила мои двери, совсѣмъ еще крохотная съ бѣленькими волосками.

— Вставай! — крикнула, а синіе глазки такъ и играли, снѣжинки.

— Снѣгурка!

— Снѣгурка.

— Ты меня помнишь?

— Алалей.

— Ты мнѣ принесла...

— Морозу! — и на пальчикахъ бѣлый сверкнулъ у Снѣгурочки первый снѣжокъ, а глазки такъ и играли, снѣжинки.

— Снѣгурка, ты помнишь, какъ ночами я носилъ тебя, ты помнишь... а я тогда... ты возьмешь меня? Мы поѣдемъ шибко-шибко съ горки на горку топъ-топъ...

— Вотъ какъ возьму! — и она протянула свои свѣтлыя ручки и, крѣпко обнявъ меня, прижимала носикъ и губки къ моимъ губамъ.

— А кого мы возьмемъ?

— Сѣраго волка.

— А еще?

— Вѣдмедюшку.

Я забралъ крошку къ себѣ на руки, поднесъ къ окну посмотрѣть.

Шелъ снѣгъ — бѣлый — первый.

— Шатается, — показала пальчикомъ, вытянула губки, — шатается...

— А когда перешатается, мы покатимъ на санкахъ.

— По бѣленькой травкѣ.

— И мѣсяцъ...

— Мѣсяцъ въ бѣленькомъ платочкѣ. Гулять! — и она твердо спрыгнула на ножки.

— Такъ ты не забудешь?

— Не забуду.

— Прощай.

— Прощай, Алалей.

И такъ же шибко захлопнулись двери — Снѣгурка скрылась.

Шелъ снѣгъ — бѣлый — первый.

КОРОЧУНЪ

Дунуло много — буйны вѣтры
Всѣ цвѣты привозблекли, свернулись.
Вдарило много — люты морозы.

Среди поля весь въ хлопьяхъ драковитый дубъ, какъ бѣлый цвѣтокъ.

Катятъ и сходятся пухомъ снѣговыя тучи, подползаетъ метелица, мететъ во-всю, бьетъ глаза — заслѣпляетъ: ни входу, ни выходу.

И вѣтренникъ, вставая вихремъ, играетъ по-полю, врывается клубами въ теплую избу: не отворяй дверь на морозъ!

Царствуетъ дѣдъ Корочунъ.

Въ бѣлой шубѣ, босой, потряхивая бѣлыми лохмами, тряся сивой большой бородой, сердитый, ударяетъ дубинкою въ пень — и звенятъ злющія зюзи, скребутъ коготками, ажъ воздухъ трещитъ и ломается.

Царствуетъ дѣдъ Корочунъ.

Коротитъ дни Корочунъ — дней не видать, только вечеръ и ночь.

Звонкія ночи.

Звѣздныя ночи, ясныя — все видно въ полѣ.

Щелкаютъ зубомъ голодные волки. Прячется, плачетъ въ ивнякѣ Коляда.

Эхъ, добраться бы до нея да за горлышко — не родилось бы красное солнце, не валяться бы лѣто сѣдому подъ гнилой колодой, не каркать!

И ходитъ медвѣдемъ по лѣсу злой Корочунъ и реветъ — не попадайся!

А изъ-за пустынныхъ болотъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, почуя голосъ, гонятся къ нему звѣри безъ попяту, безъ завороту.

Непокорнаго — палкой, такъ что сѣкнетъ на-двое кожа. На измѣнника — семихвостная плетка, семь подхвостниковъ : разъ хлеснетъ — семь рубцовъ, другой хлеснетъ — четырнадцать.

И сыплетъ и сыплетъ снѣгъ.

Люты морозы — глубоки снѣги.

Не скоро Свѣту родиться — далекъ солноворотъ. Хорошо медвѣдю въ теплой берлогѣ, и въ голову не приходитъ перевернуться на другой бокъ.

А дни все темнѣй и короче.

Ворочунъ-Корочунъ.

На «голодную» кутью ты не забудь бросить дѣду первую ложку: онъ кутью любитъ. А будешь рядиться — нарядись медвѣдемъ: медвѣдемъ не тронетъ.

И! разворчался, ходитъ по крышѣ, топаетъ, мѣсяцъ катаетъ, стучитъ неугомонный.

Старый котъ Котофей, сладко курлыкая, коротаетъ Корочуново темное время — разсказываетъ сказки.

ЗАЙКА

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ высокой бѣлой башенкѣ на самомъ на верху жила-была Зайка.

Въ башенкѣ горѣли огни, и было въ ней свѣтло и тепло и уютно.

Лишь только солнце подымалось до купола и въ саду Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ появлялся, приходилъ къ Зайкѣ старый котъ Котофей Котофеичъ. Впрыгивалъ Котофей въ кроватку и бережно бархатной лапкой будилъ спящую Зайку.

Просыпались у Зайки синіе глазки, заплетала Зайка свою свѣтлую коску. Котофей Котофеичъ пѣлъ пѣсни.

Такъ день начинался.

Зайка скакала, бѣленькая плясала. Съ ней скакала Лягушка-квакушка съ отбитою лапкой, плясали двѣ Бѣлки-мохнатки. А гадкій Зародышъ садился на корточки въ уголъ, хлопалъ въ ладошки да звонилъ въ серебряный колокольчикъ.

То-то веселье, то-то потѣха!

И обѣдать готово, а Зайку за столъ не усадишь.

Завязывалъ Котофей Котофеичъ Зайкѣ салфетку, и принималась Зайка кушать зайца жаренаго да козу паленую, а на загладку «пупки Кощея», такіе сладкіе, такіе вкусные — малиновые и янтарные — весь ротикъ облипнетъ.

Тутъ Лягушка-квакушка себѣ мухъ ловила, а Бѣлки-мохнатки орѣшки грызли.

Но вотъ заходило за домикъ Барабаньей-Шкурки красное солнце, проходила мимо башенки старуха Буроба — проносила Буроба огромный мѣшокъ за плечами.

Не дай Богъ повернетъ Буроба въ башенку! — подымется наверхъ по лѣстницѣ, возьметъ Зайку въ мѣшокъ, унесетъ съ собою да и съѣстъ.

Которыя дѣти спать не ложатся,
Буроба въ мѣшокъ собираетъ!

Котофей Котофеичъ ужъ охаживалъ кроватку, усатой мордочкой грѣлъ пуховую зайкину думку, сонъ нагонялъ.

Зайка зѣвать начинала, просилась въ кроватку.

Выползалъ изъ ямки Червячокъ: росъ Червячокъ, распухалъ, надувался, превращался въ огромаднаго, страшнаго червя, потомъ опадалъ, становился маленькимъ и червячкомъ уползалъ къ себѣ въ ямку.

Въ окнѣ показывался Кучерище, подпиралъ Кучерище скулы кулаками, ѣлъ зайкины игрушки.

А Зайка расплетала свою свѣтлую коску, скидывала съ себя платьице и чулочки да въ кроватку бай-бай ложилась.

И подымался изъ-за угла гадкій Зародышъ, залѣзалъ въ фонарикъ, дулъ въ огонекъ — и огонекъ становился огонечкомъ съ ноготокъ зайкинъ,

Васютка, сынишка Кучерищевъ, затягивалъ въ трубѣ тонко пѣсенку, сонную пѣсенку.

Такъ вечеръ кончался, ночь начиналась.

Ночью нерѣдко Зайка ловила рыбку.

И чихалъ же на утро старый котъ Котофей Котофеичъ, не пѣлъ пѣсенъ.

А бѣдная Зайка замирала отъ страха: по лѣстницѣ шлепала-топала старуха Буроба съ огромнымъ мѣшкомъ за плечами — пробиралась Буроба наверхъ къ Зайкѣ.

Которыя дѣти по ночамъ ловятъ рыбку,
Буроба въ мѣшокъ собираетъ!

По праздникамъ, когда Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ пѣлъ голосистѣй, а Курочка-кудахточка несла золотое яичко, и солнышко ярче и свѣтлѣе свѣтило въ башенку, вылѣзалъ изъ отдушника кумъ Котофея Котофеича — Чучело-чумичело.

Чучело-чумичело до самаго обѣда ходилъ на головѣ передъ Зайкой — всѣ животики надрывала себѣ Зайка отъ хохота — а послѣ обѣда Чучело усаживался на шестокъ вмѣстѣ съ Котофеемъ Котофеичемъ, и у нихъ разговоръ начинался.

Прислушивалась Зайка, а понимать ничего не понимала.

Чучело-чумичело все разсказывалъ о крысахъ да о мышахъ да о мышатахъ маленькихъ. А Котофей Котофеичъ себѣ подъ носъ мурлыкалъ.

Разъ Котофей Котофеичъ говоритъ куму:

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, бѣда мнѣ съ Зайкой да и только! Самъ видишь, обносилась вся,

локотки продраны, чулочки всѣ въ дыркахъ, а какія были кружевца на штанишкахъ, давно отъ нихъ и помину нѣтъ, всѣ обшаркались.

— Эхъ, кумъ, кумъ, — отвѣчалъ укоризненно Чучело, — чего жъ ты загодя не сказалъ: приходилъ ко мнѣ Волчій Хвостъ, предлагалъ кубышку съ золотомъ, да на что мнѣ золото, я и безъ золота — Чучело.

— Можетъ, опять придетъ...? — замурлыкалъ Котъ, — ни зайца у насъ жаренаго, ни козы паленой, ничего нынче на обѣдъ не было, а одними «пупками Кощея» сытъ не будешь, да и «пупковъ» всего ничего осталось.

Призадумался Чучело-чумичело да и говоритъ Котофею:

— Такъ ты, кумъ, вотъ что, какъ пойдешь ужотко за мышами, загляни ко мнѣ въ отдушникъ, тамъ я тебѣ пошепчу что-то.

Рано легла баиньки Зайка, а глазки все не спали — глядѣли, а ушки все не спали — слушали.

То Червячокъ изъ ямки покажется.

То Васютка въ трубѣ запищитъ.

— Велите дать говядинки! говядинки! — пищалъ изъ трубы Васютка.

Такъ Зайку все и разгуливало.

Ужъ Котофей Котофеичъ всѣ свои пѣсни перепѣлъ, всѣ сказки поразсказалъ, а Зайка все ворочается, перекладывается то на одинъ бочокъ, то на другой.

— Спи, дѣточка, а то люди ночь разберутъ! — уговаривалъ Котъ.

Только когда Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ прокукурекалъ полночь, а въ домикѣ Барабаньей Шкурки труба закурилась, Зайка засопѣла носикомъ и завела далеко-далеко свои синіе глазки: прямо на прудъ... ловить рыбку.

А Котофей Котофеичъ прыгъ съ кроватки да тихонько къ отдушнику.

Покликалъ Котъ Чучелу-чумичелу. Высунулъ Чучело мурло изъ отдушника. И шептались они долгое время.

**
*

На утро Котофей Котофеичъ не чихалъ, не пѣлъ пѣсенъ, а снаряжалъ свою Зайку въ путь-дорогу.

Говорилъ Котъ Зайкѣ:

— Зайка бѣленкая, отправляйся, моя курнопяточка, въ темный лѣсъ, иди все прямо-прямо, и будетъ тебѣ избушка Бабы-Яги. Заглянуть къ Ягѣ въ окошко можно, а входить не входи въ избушку. Яга тебя безъ шапки-невидимки замѣтитъ и съѣсть захочетъ. Ты иди лучше мимо избушки наискосокъ по тропинкѣ, пролѣзай черезъ шиповникъ, не бойся, пальчиковъ не оцарапаешь. Такъ-то, Зайка, такъ-то бѣленькая! Встрѣтитъ тебя птица Гагана, поздоровайся съ птицей: она тебѣ птичьяго молочка дастъ. Покушаешь молочка и снова въ путь трогайся. Къ полночи придешь къ подземелью, не туркайся въ дверь, а залѣзай прямо на дерево и жди, что будетъ. Пройдетъ мимо дерева слѣпышка Листинъ, прошуршитъ листьями, не бойся: онъ не страшный, онъ только пугать любитъ. Пролетитъ мимо дерева Сорока-бѣлобока, проскачетъ Коза-рогатая, ты не бойся: больно Коза не забодаетъ — жди, что дальше будетъ. Выйдутъ изъ подземелья двѣнадцать черныхъ разбойниковъ, ты слушай, что станутъ говорить разбойники, заруби ихъ слова себѣ на носикѣ, а когда пропадутъ разбойники, спускайся въ подземелье и скажи то, что они говорили.

Простилась Зайка съ Котофеемъ Котофеичемъ, простилась съ Лягушкой-квакушкой, простилась съ Бѣлками-мохнатками, простилась съ гадкимъ Зародышемъ и и Червячкомъ изъ ямки.

Всѣ дружно проводили Зайку до самой послѣдней ступеньки, назадъ въ башенку вернулись, и занялся всякъ своимъ дѣломъ.

Лягушка-квакушка мухъ ловила; Бѣлки-мохнатки орѣшки грызли; Зародышъ въ ладошки хлопалъ да звонилъ въ серебряныи колокольчикъ; Червячокъ выползалъ изъ ямки, росъ, надувался, превращался въ огромаднаго, страшнаго червя, потомъ опадалъ, становился маленькимъ и червякомъ уползалъ въ ямку.

А Котофей Котофеичъ по башенкѣ съ топорикомъ похаживалъ, приводилъ все въ порядокъ, подшивалъ и подглаживалъ, а то заберется въ Зайкину кроватку и тамъ лапкою гостей замываетъ.

Каждый вечеръ всѣ въ кружокъ садились, пили чай — дули на блюдечко да Зайку вспоминали.

Васютка, сынишка Кучерищевъ, въ трубѣ скучалъ-насвистывалъ.

— Зайка, Зайка, вернись-перевернись! — насвистывалъ изъ трубы Васютка.

Кучерище въ окнѣ игрушки ѣлъ.

Какъ сказалъ старый котъ Котофей Котофеичъ, такъ все и вышло.

Не успѣла Зайка оглянуться въ лѣсу, какъ попался ей Медвѣдь-съ-Мужикомъ: Медвѣдь съ Мужикомъ стояли на палочкѣ, ковали желѣзо, пѣли пѣсни. Поздоровалась Зайка съ Медвѣдюшкой и дальше пошла. Шла Зайка, шла и видитъ: стоитъ избушка на курьихъ нож-

кахъ, на собачьихъ пяткахъ. Заглянула Зайка въ окошко, а въ избушкѣ Баба-Яга спитъ, распустила длинныя уши: одно ухо вмѣсто подушки, а другимъ, какъ одѣяломъ, съ головкою покрыта. Показала Зайка пальчиками носъ Бабѣ-Ягѣ да скорѣе наискосокъ по тропинкѣ. Выпорхнула изъ шиповника птица Гагана, ударила о земь краснымъ крыломъ. Поздоровалась Зайка съ Гаганой, взяла у птицы кувшинчикъ съ птичьимъ молочкомъ, выпила молочко и дальше тронулась въ путь.

Вотъ видитъ Зайка подземелье, подходитъ къ двери — а дверь изъ человѣчьихъ костей и скрипитъ и свѣтится. Забоялась Зайка да скорѣе на дерево. Вскарабкалась, ждетъ — навострила ушко.

Прошелъ слѣпышка — Листинъ, прошуршалъ листьями; пролетѣла Сорока-бѣлобока, проскакала Коза-рогатая; упала съ неба сестричка-звѣздочка. И растворилась дверь изъ человѣчьихъ костей — задрожали у Зайки поджилки — и двѣнадцать черныхъ разбойниковъ вышли изъ подземелья и сказали разбойники въ одинъ голосъ:

Чучело-чумичело,
Гороховая-куличина,
подай челнокъ,
заметай шестокъ!

И тотчасъ дверь подземелья закрылась.

Постояли разбойники, позѣвали на мѣсяцъ и сказали разбойники въ одно слово:

Чучело-чумичело,
Гороховая-куличина,
подай челнокъ,
заметай шестокъ!

И тотчасъ дверь подземелья раскрылась.

А какъ только пропали разбоиники, спрыгнула Зайка съ дерева да всѣ слова разбойничьи и повторила.

Тутъ дверь раскрылась, и Зайка вошла въ подземелье.

Видитъ Зайка огромный хрустальный залъ, по угламъ банки, въ банкахъ золотыя рыбки плаваютъ. Хотѣла Зайка хоть одну рыбку поймать да одумалась. Подошла къ семивинтовому столу. На семивинтовомъ столѣ — черная шкатулка, на черной шкатулкѣ — шитое разноцвѣтными шелками полотенце, а по полотенцу бѣленькая Мышка-хвостатка бѣгаетъ. Поздоровалась Зайка съ Мышкой-хвостаткой — подала ей Мышка золотой ключикъ. Приняла Зайка золотой ключикъ, отперла шкатулку. А какъ открыла крышку, глазенки такъ и забѣгали: вся шкатулка до самаго верху была полна бисерными кошельками. Взяла Зайка одинъ кошелекъ съ голубенькими цвѣточками— очень ужъ кошелекъ ей понравился — хотѣла его въ сумочку положить, а изъ кошелька золото орѣшками и посыпалось. Схватилась Зайка подбирать золото, а двѣнадцать черныхъ разбойниковъ встали со своего мѣста да всю шкатулку Зайкѣ и отдали.

Чучело-чумичело,
Гороховая куличина,
подай челнокъ,
заметай шестокъ!

— сказала Зайка по-разбойничьи.
Дверь раскрылась.
И Зайка была такова.

*
* *

Вся башенка поднялась на ноги, когда Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ прокричалъ, что бѣленькая Зайка домой бѣжитъ!

Всѣ спустились по лѣстницѣ внизъ и на порогѣ встрѣтили Зайку.

Зацѣловали бѣленькую, задушили курнопяточку: такъ были ей рады.

А Зайка едва духъ переводитъ, закраснѣлась, запыхалась вся — штанишки спустились, по землѣ волокутся, а волоски взбились хохликомъ.

Подала Зайка шкатулку Котофею Котофеичу и говоритъ:

— Вотъ тебѣ, Котъ, находка: разбирайся!

А сама сѣла присѣсть да, какъ убитая, тутъ же на мѣстѣ и заснула. И спала цѣлыхъ три дня и три ночи безъ просыпу.

Вышелъ изъ отдушника Чучело-чумичело, сталъ ходить на головѣ передъ Зайкой. Видитъ Чучело: не обращаетъ Зайка на него вниманія, — пошушукался съ Котофеемъ Котофеичемъ и опять въ отдушникъ забрался.

Котофей Котофеичъ загребъ золото, сталъ считать. И день считалъ, и другой считалъ, все со счета сбивается — ничего не выходитъ.

Побѣжалъ Котъ къ Барабаньей-Шкуркѣ за мѣрой.

— Дай, — говоритъ, — мѣрку мнѣ на минутку.

— А зачѣмъ вамъ мѣра? — спрашиваетъ Барабанья-Шкурка.

— «Кощеевы пупки» считать.

— Хорошо, — ухмыльнулась Барабанья-Шкурка, — дамъ я вамъ мѣру, только смотрите, не затеряйте.

А сама думаетъ:

«Тутъ дѣло нечисто: кто жъ это «пупки Кощеевы» мѣрой считаетъ — «пупки» въ бакалейной въ коробкахъ на фунты продаются!»

И чтобы вѣрнѣе дознаться, что Котъ будетъ мѣрять, намазала Шкурка дно у мѣры липкимъ медомъ.

Взялъ Котофей Котофеичъ Шкуркину мѣру и домой въ башенку.

Ужъ мѣрялъ Котъ, мѣрялъ-мѣрялъ — конца краю не видно. А какъ вымѣрялъ до послѣдняго золотого, отнесъ мѣру Барабаньей-Шкуркѣ, накупилъ разныхъ платьецевъ и игрушекъ, нарядилъ Зайку и сѣлъ себѣ тихомолкомъ гостей замывать.

Тутъ пошелъ такой въ башенкѣ плясъ, не плясали, а бѣсновались.

Больше всѣхъ отличилась Лягушка-квакушка — до того дошла Квакушка, что подъ вечеръ еще одну лапку себѣ отбила и осталась всего о двухъ лапкахъ заднихъ.

Ну и Чучело-Чумичело, нечего сказать, постарался — Чучело лицомъ въ грязь не ударилъ: ходивши на головѣ, мозоль себѣ натеръ на самомъ носу.

То-то веселье, то-то потѣха!

А Барабанья-Шкурка не моргала. Какъ принесъ ей Котофей Котофеичъ мѣру, Шкурка всю мѣру во всѣ глаза оглядѣла и на самомъ донышкѣ нашла золотой: прилипъ къ меду.

И порѣшила Шкурка развѣдать, откуда такое богатство попало въ руки Зайкѣ.

Много годовъ живетъ на свѣтѣ Барабанья-Шкурка, сундуки у ней до верху золотомъ завалены, а такого золота отродясь ни глазомъ не видала, ни слухомъ не слыхала: не простое золото, а серебряное!

И стала она подсылать къ бѣленькой Зайкѣ двухъ своихъ жоговъ-подручныхъ: Артамошку-гнуснаго да Епифашку-скуснаго.

⁂

Носъ крючкомъ, голова сучкомъ, брюшко ящичкомъ, а все само жилиное и толкачикомъ — такіе эти были Артамошка съ Епифашкой.

Въ первый разъ пришли они чуть свѣтъ въ башенку. Въ другой разъ — въ сумерки, въ третій разъ — поздно вечеромъ. И повадились: и днюютъ и ночуютъ, отбоя нѣтъ.

Придутъ они въ башенку, разсядутся на кухнѣ и клянчаютъ: немытые, нечесаные — страсть и взглянуть.

Разжалобили они Зайку. Пробовала Зайка посылать имъ грибковъ и щавелику — не помогаетъ: все свое тянутъ, все клянчаютъ. Еще больше разжалобили. И стала Зайка ихъ въ комнаты пускать.

А какъ влѣзли они въ комнаты, тутъ ужъ ничѣмъ ихъ не выживешь.

Зайка скачетъ, бѣленькая пляшетъ, а они мороками бродятъ, все трогаютъ, все нюхаютъ, а то въ игры свои играть примутся: либо угощаютъ другъ дружку мордой объ столъ, либо въ окно выбрасываются — такіе эти были Артамошка съ Епифашкой.

Остерегалъ Зайку старый котъ Котофей Котофеичъ:

— Ой, Зайка, ой, бѣленькая, не водись ты съ этими полосатыми! Охъ, эта шатія шатается, не будетъ прока, помяни ты мое слово... съ Буробой они знаются, тетенькой ее величаютъ, самъ слышалъ, тоже и башмачокъ твой намедни сожрали, да то ли еще натворятъ!

А Зайка хохочетъ:

— Старый ты, старый ворчунъ, все бы тебѣ ворчать, пошелъ бы да лучше мышекъ потопталъ!

— Не могу я больше мышекъ топтать, — грустно вздыхалъ Котофей Котофеичъ и снова принимался журить Зайку.

Разъ сѣла Зайка въ ванночку мыться. Котофей Котофеичъ головку ей мылилъ, банныя пѣсни пѣлъ. И случись такой грѣхъ: попало ѣдкое мыло Коту въ глазъ.

Пошелъ Котофей Котофеичъ въ кухню глазъ промывать, а Артамошка съ Епифашкой воспользовались да къ Зайкѣ:

— Разскажи да разскажи, Заинька, откуда бисерные такіе кошельки у тебя разноцвѣтные да откуда золото такое не простое, а серебряное?

Зайка все язычкомъ и выболтала.

Вернулся изъ кухни Котофей Котофеичъ, а Артамошки съ Епифашкой и слѣдъ простылъ.

И съ той поры сгинули они изъ глазъ, полосатые, словно никогда ихъ и земля не носила.

Призналась Зайка Котофею Котофеичу.

Встревожился Котофей Котофеичъ.

— Пропали мы, пропали пропадомъ! — одно твердилъ старый Котъ.

Проснется Зайка ночью попить, покличетъ Котофея Котофеича, а его нѣтъ у кроватки: Котофей Котофеичъ цѣлыми ночами напролетъ перешептывался съ Чучелой-чумичелой — куму свое горе повѣрялъ.

Всякій праздникъ, какъ всегда, вылѣзалъ изъ отдушника Чучело-чумичело, ходилъ до обѣда на головѣ передъ Зайкой, а послѣ обѣда, сидя на шесткѣ съ Котофеемъ Котофеичемъ, оба объ одномъ разсуждали и на разные лады умомъ разскидывали, какъ изъ бѣды Зайку выпутать: не спроста приходили полосатые, надѣлаютъ они дѣловъ, не оберешься.

— Пропали мы, пропали пропадомъ! — твердилъ старый Котъ.

⁂

Артамошка съ Епифашкой потирали себѣ руки отъ удовольствія: такъ ловко провели они Зайку и носикъ ей натянули курносенькій.

Получили жоги въ награду отъ Барабаньей-Шкурки старую собачью конурку на съѣденіе. Засѣли въ конурку, лакомились да облизывались.

А Барабанья-Шкурка, не долго думая, снарядилась въ походъ за шкатулкой: добывать себѣ черную шкатулку съ не простымъ, а съ серебрянымъ золотомъ.

И случилось съ ней то же, что и съ Зайкой.

Пришла Шкурка въ полночь къ подземелью, влѣзла на дерево. Вышли изъ подземелья двѣнадцать черныхъ разбойниковъ, постояли разбойники, позѣвали на мѣсяцъ, сказали заклинаніе и скрылись.

Чучело-чумичело,
Гороховая-куличина,
подай челнокъ,
заметай шестокъ!

— повторила Барабанья-Шкурка разбойничьи слова.

Дверь раскрылась, и Шкурка вошла въ подземелье.

Обошла она весь хрустальный залъ, все переглядѣла и все перетрогала, забрала съ семивинтового стола черную шкатулку да къ двери.

А дверь не раскрывается.

И барабанила Барабанья - Шкурка, колотила въ дверь — а дверь не раскрывается: забыла впопыхахъ разбойничье заклинаніе!

А разбойники встали со своего мѣста, окружили Шкурку да всю ее и измяли.

И превратилась Барабанья-Шкурка въ кожу. А изъ кожи сапоговъ да башмаковъ понадѣлали, и пошла Шкурка по мостовымъ шмыгать да ноги натирать — пропала Шкурка пропадомъ!

**
*

Именины Зайки совпали съ извѣстіемъ — мухи разсказывали, что Барабанья-Шкурка въ кожу превратилась.

Бѣгалъ Котофей Котофеичъ въ домикъ Барабаньей-Шкурки, но никого не нашелъ въ домикѣ: Артамошка съ Епифашкой въ лѣсъ улизнули и тамъ свили гнѣздо себѣ, живутъ-поживаютъ, творятъ пакости и народъ смущаютъ.

Три дня праздновали въ башенкѣ именины, и пиръ горой шелъ.

На третій день, когда Кучерище объѣлся игрушками, а Чучело-чумичело голову потерялъ, прокралась незамѣтно въ башенку старуха Буроба да и за суматохой все добро и поклала себѣ въ мѣшокъ.

И лишилась Зайка серебрянаго золота и черной шкатулки и бисерныхъ кошельковъ.

Только на утро хватились — туда-сюда, да видно ужъ чему быть, того не миновать.

Ну хоть бы тебѣ что: какъ въ воду кануло!

Мрачный ходилъ Котофей Котофеичъ, завязывалъ ножку у стола и снова принимался пропажу искать!

— Можетъ, — мурлыкалъ, — завалилось куда!

И съ отчаянія Котъ обмиралъ на минутку и опять ходилъ мрачный.

Ночью покликалъ Котофей Котофеичъ Чучелу-чумичелу. Чучело долго не отзывался.

— Трудно тебѣ, кумъ, безъ головы-то? — соболѣзновалъ Котъ.

— Страсть трудно, не приведи Богъ.

— А я тебѣ, кумъ, мышиной мази принесъ, ты себѣ помажь шею : оно и пройдетъ.

— Мажусь, не помогаетъ.

— А у насъ, кумъ, несчастье.

— Слышалъ.

— Подумай, кумъ, выручи.

— Ладно.

Отошелъ Котъ отъ теплаго отдушника, обошелъ вдоль и поперекъ всю башенку, потрогалъ засовы — крѣпко ли держатся? Успокоился и замурлыкалъ.

Въ окнѣ сидѣлъ Кучерище, давился — больше не ѣлъ игрушекъ.

Покатывался со смѣху гадкій Зародышъ — катался въ фонарикѣ.

И шалилъ огонекъ: то вспыхнетъ, то не видать.

А по лѣстнитцѣ шлепала-топала старуха Буроба съ огромнымъ мѣшкомъ за плечами, шарила въ потемкахъ Буроба, мѣтила въ башенку, подымалась на пальчики, подступала тихонько къ двери, отмыкала волшебнымъ ключомъ тяжелый засовъ, пріотворяла дверь...

— Кисъ-кисъ! — плакала Зайка отъ страха.

Которыя дѣти любятъ поплакать,
Буроба въ мѣшокъ собираетъ!

Много ломалъ голову Котофей Котофеичъ съ Чучелой-чумичелой: жалко имъ было бѣленькую Зайку, не

было у нея ни кошельковъ бисерныхъ, ни зайца жаренаго, ни козы паленой, ни «пупковъ Кощея», и личико стало такое грустненькое, глазки заплаканы.

И порѣшили Котофей съ Чучелой: итти опять Зайкѣ къ подземелью и продѣлать все, что въ первый разъ дѣлала, и тогда все будетъ: и черная шкатулка, бисерные кошельки, будетъ и золото не простое, а серебряное.

— Только смотри, Зайка, будь осмотрительна! — напутствовалъ Котъ свою Зайку.

Не тутъ-то было.

Шагу не сдѣлала Зайка, попала въ бѣду.

Ну, заглянула въ окошко къ Ягѣ, ну и хорошо, итти бы ей себѣ дальше, нѣтъ, не утерпѣла. Захотѣлось ей поближе посмотрѣть. Отворила она дверку да шасть въ избушку. И это бы ничего, съ полбѣды, а то возьми да и ущипни Ягу за ушко. Яга проснулась, Яга осерчала, сѣла Яга въ ступу да за бѣленькой Зайкой мигомъ въ погоню.

Боже ты мой, чего только не натерпѣлась, бѣдняжка! И съ дороги-то Зайка сбилась и сумочку потеряла и наголодалась и продрогла вся. Спасибо, Коза-рогатая на пути попалась, а то хоть ложись да помирай, вотъ какъ! Шла Коза бодать, примѣтила подъ кустикомъ Зайку, накормила Зайку молочкомъ, взяла къ себѣ на закорки да на дорогу и вынесла.

Вотъ она какая Коза-рогатая!

Шла Зайка, шла, пришла къ подземелью, влѣзла на дерево, вышли двѣнадцать черныхъ разбойниковъ сердитые-пресердитые, сказали заклинаніе и скрылись.

Чучело-чумичело,
Гороховая куличина,

подай челнокъ,
заметай шестокъ!

— сказала Зайка по-разбойничьи.

И когда растворилась дверь, и Зайка попала въ подземелье, захлопала Зайка въ ладошки отъ радости: все, какъ стояло, такъ и осталось стоять на своемъ мѣстѣ — и семивинтовой столъ и черная шкатулка и банки съ золотыми рыбками.

Узнала Зайку Мышка-хвостатка, бросилась къ Зайкѣ съ золотымъ ключикомъ. Взяла Зайка у Мышки ключикъ, и захотѣлось ей напередъ рыбку поймать: только одну, самую маленькую. А поймала Зайка рыбку — Буроба тутъ-какъ-тутъ.

— А, — говоритъ, — попалась!

Тутъ Зайка сложила ручки крестикомъ да бултыхъ въ банку прямо къ рыбкамъ.

И рыбкой поплыла.

***

Двѣнадцать родилось молодыхъ мѣсяцевъ, и одинъ за другимъ двѣнадцать ясныхъ они рождались слѣва: съ лѣвой стороны показывались мѣсяцы, рогатые, старому коту Котофею Котофеичу. И Котъ вздыхалъ тяжко.

Не доброе предвѣщали мѣсяцы: не было Зайки, не возвращалась бѣленькая къ себѣ въ башенку.

И бросили Бѣлки каленые орѣшки грызть, поскакали въ лѣсъ разыскивать Зайку, — но и Бѣлокъ не было, не возвращались мохнатки въ башенку.

И усѣлась въ Зайкиной кроваткѣ Лягушка-квакушка подъ Зайкиной думкой, квакала.

— Кисъ-кисъ! — кто-то кликалъ, какъ Зайка, въ долгія ночи.

— Чучело-чумичело-гороховая-куличина, выручи! — мяукалъ жалобно Котофей Котофеичъ, не отставалъ отъ Чучелы.

Но Чучело, измазаный мышиной мазью, безъ головы ничего не могъ выдумать.

— У меня, кумъ, что-то вродѣ мышиной головки пробивается, и я боюсь, ты меня поймаешь и съѣшь.

— Да не съѣмъ, — клялся Котъ, — провалиться мнѣ на мѣсяцѣ, не съѣмъ тебя, только выручи!

— Ладно.

Не ладно было въ башенкѣ, пусто: ни стрекотни, ни говора, ни смѣха.

Только Васютка, сынишка Кучерищевъ, свистѣлъ въ трубѣ, пересвистывалъ визгливо.

И ночь приходила, приникала къ окну темными лохмами, застила свѣтъ, а Котофей Котофеичъ все сидѣлъ у окна, пригорюнившись, глядѣлъ на дорогу.

Въ окнѣ сидѣлъ Кучерище.

Привязался Котъ къ Кучерищу, а Кучерище къ Коту. Оба въ оба глядѣли.

— Надоумь меня, Демьянычъ! — мяукалъ Котъ.

Кучерище ощеривался:

— Дай сроку, Котофеичъ, все устроится.

И молча выползалъ Червячокъ изъ ямки: росъ Червячокъ, распухалъ, надувался, превращался въ огромаднаго, страшнаго червя, потомъ опадалъ, становился маленькимъ и червячкомъ уползалъ къ себѣ въ ямку.

— Кисъ-кисъ — кто-то кликалъ, какъ Зайка, изъ ночи грустно и жалостно.

Огонечекъ въ фонарикѣ таялъ.

⁂

Раннимъ-рано, еще Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ себѣ не примаслилъ головки, вышелъ Котофей Котофеичъ изъ башенки выручать свою Зайку.

Всю дорогу по наущенію Кучерищи Демьяныча и Чучелы-чумичелы шелъ Котъ степенно, заводилъ умныя рѣчи. Никого не обошелъ онъ, со всякимъ хлѣбъ-соль кушалъ. Встрѣтились Коту по дорогѣ два Козла-барана, ударялись Козлы-бараны другъ о друга стычными лбами — Котъ и Козловъ не забылъ, помяукалъ бодатымъ. Переночевалъ ночь у Бабы-Яги, съ Ягой крысьи хвостики ѣли. Посидѣлъ часокъ-другой у Артамошки съ Епифашкой, осмотрѣлъ ихъ гнѣздо, похитрилъ чуточку.

— Зайка теперь рыбкой плаваетъ, доловилась! — ехидничали полосатые.

— А я ее съѣмъ! — подзадорилъ Котъ.

— Анъ не съѣшь!

— Анъ съѣмъ, и очень просто съѣмъ.

— Да какъ же ты ее съѣшь? Разбойники ее караулятъ!

— Ну и пускай себѣ караулятъ.

— Развѣ что Коза..., — почесался Артамошка.

— Конечно, Коза! — подхватилъ увѣренно Котъ, будто зная, въ чемъ дѣло.

— А дастъ ли Коза холодненькую водицу? — усумнился Епифашка.

— За водицей дѣло не станетъ, Гагана обѣщала! — сказалъ Артамошка.

Слово за слово, всю подноготную Котъ и вывѣдалъ.

Насулили ему Артамошка съ Епифашкой золотыя

горы, пошли Кота проводить, да на другую дорогу и вывели: не къ подземелью, а нарочно опять къ башенкѣ.

Вотъ они какіе, полосатые!

Ужъ и плуталъ Котъ, плуталъ, только на осьмую ночь пришелъ къ подземелью.

Все, какъ водится, вышли двѣнадцать черныхъ разбойниковъ, сказали разбойники заклинаніе и скрылись.

Чучело-чумичело,
Гороховая куличина,
подай челнокъ,
Заметай шестокъ!

— сказалъ Котъ по-разбойничьи, и вошелъ въ подземелье.

Вошелъ Котъ въ подземелье и хвостъ поджалъ.

Неласково встрѣтили Кота двѣнадцать черныхъ разбойниковъ.

— Иди, — сказали разбойники, — по добру, по здорову домой, пока цѣлъ, нѣтъ у насъ тутъ для тебя никакой корысти.

— А Зайка? — замяукалъ Котъ.

— Зайка! — заартачились разбойники, — не отдадимъ мы тебѣ Зайку никогда, и выкинь ты это изъ головы вонъ, — Зайка у насъ рыбкой плаваетъ, и мы на ней всѣ женимся: такая она бѣленькая, бѣляночка.

— Ну, вы меня хоть чаемъ угостите, а я вамъ сказку скажу, — будто сдался Котъ.

Согласились разбойники, велѣли самоваръ подать, а сами разсѣлись вкругъ Кота, рты разинули.

Котъ пилъ въ прикуску, передыхалъ, сказывалъ.

Разсказывалъ Котъ длинную исторію о какихъ-то китайскихъ яблочкахъ, запутанную безъ конца, безъ начала.

Разбойники и заснули.

А какъ заснули разбойники, опрокинулъ Котъ чашку на блюдечко да и пошелъ по банкамъ ходить — искать Зайку.

— Кисъ-кисъ! — покликала Зайка.

Котофей Котофеичъ и догадался, выловилъ Зайку лапкой, обернулъ въ платочекъ да себѣ въ карманъ и сунулъ.

А разбойники дрыхнутъ, ничего не видятъ, ничего не слышатъ.

Тутъ загребъ Котофей Котофеичъ въ охапку черную шкатулку, сказалъ заклинаніе и поминай, какъ звали.

— Э-эхъ! — укорялъ дорогой Котъ свою Зайку-рыбку.

— Да я, Котофей Котофеичъ, только одну хотѣла рыбку поймать, самую маленькую.

— Ну и стала рыбкой, прости Господи! — чихалъ Котъ, не унимался.

Зайка едва духъ переводила, такъ прытко стремился Котъ въ башенку.

И только, когда сестричка-звѣздочка съ елки на путниковъ глянула, сѣлъ Котъ посидѣть немножко.

Вынулъ Котофей Котофеичъ платокъ, развернулъ, покликалъ Козу-рогатую.

Прибѣжала Коза-рогатая, дала Зайкѣ-рыбкѣ холодненькой водицы — и превратилась Зайка-рыбка въ настоящую бѣленкую Зайку.

Пободала Коза Зайку, сказала путникамъ:

— Опасность, друзья мои, миновала: разбойники ошалѣли отъ гнѣва, пустились въ погоню, да не въ ту сторону.

— Ну, спасибо тебѣ, Коза-рогатая, — благодарилъ Котъ, — заходи когда къ намъ Зайку пободать.

— Хорошо, зайду когда-нибудь, — отвѣчала Коза, — да лучше вотъ что, я васъ сейчасъ до дому провожу.

Такъ втроемъ и отправились: котъ Котофей, Зайка да Коза-рогатая.

Много было страху и опаски: и съ дороги сбивались, и погоня чуялась, и топали шаги Буробы.

Артамошка съ Епифашкой попали въ просакъ и въ отместку Коту козни строили.

**
*

А какая это была радость, когда достигли путники башенки.

И пошелъ въ башенкѣ дымъ коромысломъ.

Снова плясъ, снова смѣхъ, снова пѣсни.

Прибѣжали Бѣлки-мохнатки, притащили кулекъ каленыхъ орѣховъ, вылѣзъ изъ отдушника Чучело- чумичило, прискакала Лягушка-квакушка о двухъ заднихъ лапкахъ, выползъ Червячекъ изъ ямки, явился и самъ Волчій Хвостъ, улыбался поджаро, болтался.

А гадкій Зародышъ сѣлъ на корточки въ уголъ, ударилъ въ ладошки — и начались хороводы.

Водили-водили, изъ силъ выбились.

Подъ конецъ Коза всѣхъ перебодала и опять въ лѣсъ — за кленовымъ листочкомъ, только ее и видѣли. А Чучелу-чумичелу чуть было Котофей Котофеичъ не съѣлъ: такая у Чучелы соблазнительная мышиная мордочка выросла!

— Э-эхъ, кумъ, — пенялъ Коту Чучело, — не говорилъ ли я тебѣ, что ты меня съѣсть захочешь?!

Котъ извинялся.

Кучерище сидѣлъ въ окнѣ, ѣлъ игрушки, головой поматывалъ.

То-то веселье, то-то потѣха!

Насилу Зайку спать въ кроватку уложили, такъ разрѣзвилась — изъ рукъ вонъ.

И три дня пировали въ башенкѣ.

На четвертый день утромъ приступилъ старый котъ Котофей Котофеичъ къ Зайкѣ, тронулъ ее лапкой и сказалъ ей:

— Отпусти меня, Зайка, отпусти бѣленькая, изъ башенки по свѣту погулять: выходилъ я тебя, Зайка, выняньчилъ, пора и на волю мнѣ.

Утерла Зайка слезки себѣ пальчикомъ, погладила по шорсткѣ Котофея Котофеича и говоритъ:

— Какъ же я безъ тебя жить буду, Котофей Котофеичъ, меня Буроба съѣстъ.

— Не съѣстъ, Зайка, не съѣстъ, бѣленькая, гдѣ ей! Ну, а придетъ ягая, ты только покличь, я и вернусь въ башенку.

Поцѣловала Зайка Кота въ мордочку, вытащила изъ новой сумочки любимый свой бисерный кошелечекъ съ павлиномъ и подарила на память Котофею Котофеичу.

— Голубушка ты моя бѣленькая... Заинька! — прослезился растроганный Котъ.

Такъ и покинулъ Котофей Котофеичъ башенку, пошелъ съ палочкой по свѣту гулять.

А Зайка, какъ осталась одна въ башенкѣ, надѣла себѣ золото на пальчики, взяла у Зародыша красную «афту», размазала ее на дощечку и стала свой портретъ писать: вернется Котофей въ башенку, она ему портретъ и отдастъ.

— Афта-афта! — гавкалъ въ трубѣ собачонкой Васютка, сынишка Кучерищевъ, стерегъ башенку.

Пѣтушокъ-золотой-гребешокъ на зарѣ по зарѣ распѣвалъ.

И играло солнце надъ башенкой такъ весело, весеннее.

МЕДВѢДЮШКА

Среди ночи проснулась Аленушка.

Въ дѣтской душно. Нянька Власьевна храпитъ и задыхается. Лампадка нагорѣла: красное пламя то вспыхнетъ, то погаснетъ.

Никакъ не можетъ заснуть Аленушка: ей страшно и жарко.

«Папа пришелъ сегодня поздно, — вспоминается ей, — я собиралась ложиться спать, онъ и говоритъ: «Смотри, Аленушка, на небо, звѣзда упадетъ!» И мы съ мамой долго стояли, въ окно глядѣли. Звѣзды такія маленькія, а золотой воды въ нихъ много, какъ въ брошкѣ у мамы. У окна холодно, тамъ долго нельзя стоять. Когда идешь съ папой къ ранней обѣднѣ, тоже холодно и колоколъ звонитъ. А звѣздъ много на небѣ, всѣ онѣ разговариваютъ, только не слыхать. Дядя говоритъ, что летаетъ къ нимъ и ночью слушаетъ, какъ онѣ поютъ тонко-тонко. Днемъ ихъ нѣтъ, спятъ. Тоже и я полечу, только бы достать золотыя крылья. А папа подошелъ и говоритъ: «Аленушка, звѣзда упала!» И золотая ленточка горѣла на небѣ и пропала. Холодно теперь звѣздочкѣ, гдѣ-нибудь лежитъ и плачетъ...»

Аленушкѣ такъ страшно, заныла:

— Попить, няня, по-пи-ть!

И когда нянька подаетъ ей кружку, она жадно пьетъ, вытягивая губки.

Аленушка свернулась калачикомъ и заснула.

Она летитъ куда-то, попадаются ей навстрѣчу звѣздочки, протягиваютъ свои золотыя лапки, сажаютъ ее

къ себѣ на плечи и кружатся, а мѣсяцъ гладитъ ее по головкѣ и тихо шепчетъ на самое ушко:

«Аленушка, а Аленушка, вставай! солнышко проснулось, вставай, Аленушка!»

Аленушка щуритъ глаза, а все будто летитъ.

— Что тебя не добудишься, вставай скорѣй! — это мама, она наклонилась надъ кроваткой, щекочетъ Аленушку.

***

А звѣздочка долго летала и упала въ лѣсъ, въ самую чащу, гдѣ старыя ели сплетаются мохнатыми вѣтвями, и солнцу нѣтъ пути.

Проснулся густой сизый дымъ, поползъ по небу — кончилась ночь. Вышло солнце изъ своего хрустальнаго домика, нарядное, въ парчевой шапочкѣ.

Прозрачная синеглазая звѣздочка лежитъ у заячьей норки на мягкихъ иглахъ, вдыхаетъ морозъ.

А солнце походило-походило надъ лѣсомъ и домой. Поднялись тучи — стало смеркаться. Дребезжащимъ голосомъ затянулъ вѣтеръ-ворчунъ зимнюю пѣсню. Глухая метель прискакала — кричитъ. Снѣгъ заплясалъ.

Дремлетъ звѣздочка и кажется ей, она летитъ въ хороводѣ съ золотыми подругами, имъ весело, онѣ хохочутъ, какъ Аленушка. И ночь нянькой Власьевной глядитъ на нихъ.

***

Выставляли рамы.

Цѣлый день стоитъ Аленушка у раскрытаго окна.

Какіе-то чужіе люди проходятъ мимо окна, ломо-

вые трясутся на колесахъ, вонъ плетется возъ съ матрацами, столами, кроватями — на дачу переѣзжаютъ.

А небо голубое, чистое.

— Мама, а когда мы поѣдемъ?

— Уберемся, сложимъ все и поѣдемъ дальше, чѣмъ прошлымъ лѣтомъ!

Мама шьетъ халатикъ Сережѣ, и ей некогда.

«Поскорѣй бы уѣхать!» — томится Аленушка.

На игрушки и смотрѣть не хочется — деревянныя — зиму напоминаютъ!

Долго накрываютъ на столь, стучатъ тарелками. Долго обѣдаютъ. Аленушкѣ и кушать не хочется. Приходитъ дядя — Федоръ Иванычъ — говоритъ съ мамой о какихъ-то стаканахъ, смѣется, дразнится.

Аленушка слоняется изъ угла въ уголъ, заглядываетъ въ окна, капризначаетъ, даже животикъ разболѣлся.

Не дожидаясь папы, уложили ее въ кроватку.

Сквозь сонъ слышитъ Аленушка, какъ за чаемъ въ столовой толкуютъ объ отъѣздѣ — въ дремучій лѣсъ, «гдѣ деревья даже въ домѣ растутъ, надъ крышей растутъ»...

Высокая зеленая елка, ярко освѣщенная разноцвѣтными свѣчками, въ бусахъ и пряникахъ, идетъ на нее; крадутся изъ темныхъ угловъ медвѣди — бѣлые и черные въ серебряныхъ ошейникахъ съ бубенцами и барабанами; падаютъ, летаютъ звѣздочки... «А гдѣ та?» — «Дядя сказалъ, что выростетъ изъ нея такая же дѣвочка, какъ я, или звѣрушка». — «И что это за звѣрушка?»

— Ну, что, Аленушка, какъ твой животикъ? — это папа, онъ тихонько наклонился надъ ней и креститъ.

— Нѣтъ! — сонно пищитъ Аленушка.

— Выздоравливай скорѣе, дѣточка, на дачу завтра ѣдемъ: горы тамъ высокія, а лѣса дремучіе!

Аленушка перевернулась на другой бокъ, крѣпко обняла подушку и засопѣла.

Какъ-то сразу замолкли вихри и разлившіяся рѣки задремали.

Зардѣлись почки, кое-гдѣ выглянули шелковые листья. Сѣдыя каменныя вѣтки — оленій мохъ — зазеленѣлись, разнѣжились; поползли на цѣпкихъ зеленобархатныхъ лапкахъ разноцвѣтные лишаи; медвѣжья ягода одѣлась восковыми цвѣточками.

Птицы прилетѣли, въ гнѣздахъ запищали маленькія дѣтки.

Проснулась у заячьей норки звѣздочка, вся покрылась шерстью, на лапкахъ выросли острые коготки, и стала она толстенькимъ кругленькимъ медвѣжонкомъ.

Хорошо медвѣжонку прыгать по пнямъ и кочкамъ, ломать сучья, наряжаться цвѣтами. Скоро онъ научится рычать.

— Сидите, дѣтки, въ гнѣздахъ, — учитъ мать, — медвѣдюшка ходитъ, укуситъ не укуситъ, а страху наберетесь большого.

Цѣлыми днями бродитъ медвѣжонокъ по лѣсу, а то ляжетъ гдѣ-нибудь на солнышкѣ и смотритъ: какъ муравьи за своей работой копошатся, какъ цвѣточки и травки живутъ, мотыльки рѣзвятся.

Полежитъ, поотдохнетъ и опять бродитъ, и кудакуда не заходитъ: разъ чуть въ болотѣ не завязъ, насилу отъ мошекъ отбился — и смѣялись незабудки, поддразнивали, а то повстрѣчалъ чудовище... птицы сказали, «охотникъ».

— Человѣка остерегайся, глупышъ! — долбилъ дятелъ, — они тебя цѣпью стянутъ. Вонъ скворца изло-

вили, за рѣшоткой теперь, воли не даютъ. Леталъ къ нему — «живъ, пищитъ, корму вдосталь, да скучно!» У нихъ все вотъ такъ.

А медвѣжонку и горя мало, прыгаетъ да гоняется за жуками. Только когда багровѣетъ небо и сѣрые туманы идутъ дозоромъ и мѣсяцъ выходитъ надъ соннымъ лѣсомъ, засыпаетъ онъ, гдѣ попало, и до утра дрыхнетъ.

Какъ-то заблудился. А ночь шла темная и душная. Птицы и звѣри ни гу-гу — норки и гнѣзда какъ вымерли. Ходилъ-ходилъ, орать принялся — голоса не подаютъ. Хотѣлъ ужъ подъ хворостъ лечь да вспомнился дятелъ.

«Еще сцапаютъ, пойду лучше!»

Пронесся долгій, урчащій гулъ и листья затряслись. Голубыя змѣйки прыгали на крестахъ елей, и что-то трескалось и билось у старыхъ рогатыхъ корней.

Какъ угорѣлый, пустился медвѣжонокъ, бѣжалъ-бѣжалъ, исцарапался, духъ перевести не можетъ, хвать — голоса, огонекъ.

«Птичье гнѣздо!» — подумалъ.

А огонекъ разгорался, голоса звенѣли.

Раздвинулъ кусты и видитъ: огромный свѣтлый залъ полонъ чудовищъ. Ѣдятъ и что-то лопочутъ.

— Ты, Аленушка, — говоритъ мама, — одна въ лѣсъ не ходи, тамъ тебя медвѣди съѣдятъ. Ѳедоръ Иванычъ намедни пошелъ на охоту, а ему медвѣжонокъ навстрѣчу, крохотный, съ тебя!

— Папа, — обрадовалась Аленушка, — поймай ты мнѣ этого медвѣжонка, я играть съ нимъ буду!

А медвѣжонокъ, какъ услыхалъ, зарычалъ и вышелъ.

—Смотрите, смотрите, — кричала мама, — вонъ медвѣжонокъ!

Тутъ всѣ бросились изъ-за стола, папа супъ пролилъ.

— Медвѣдюшка, иди, иди къ намъ! — ужинать съ нами! — прыгала Аленушка.

И онъ подошелъ, нюхнулъ — очень ужъ понравилась ему бѣленькая дѣвочка. Аленушка усадила его рядомъ съ собой, гладила мордочку, тыкала въ носъ бѣлый хлѣбъ, а онъ ласково смотрѣлъ въ ея свѣтлые глазки: очень усталъ и напугался.

— Ну, вотъ и медвѣжонокъ у тебя, играй съ нимъ. А теперь отправляйся въ кроватку, и такъ ужъ засидѣлась.

— И онъ со мной?

— Нѣтъ ужъ, иди одна, его къ кусту папа привяжетъ.

Мама сердилась на папу за супъ. И Аленушка, едва сдерживая слезы, пошла въ дѣтскую.

Долго не спалось ей, все она думала о медвѣжонкѣ: какъ вмѣстѣ въ лѣсъ будутъ ходить, какъ ягоды сбирать — бояться некого, никто не съѣстъ!

— Медвѣдюшка, миленькій мой медвѣдюшка, бѣдненькій! — шептала Аленушка, засыпая.

***

Какъ проснется Аленушка, прямо бѣжитъ къ медвѣжонку, отвяжетъ его и чего-чего только не дѣлаетъ: и тискаетъ и надѣваетъ папину старую шляпу и садится верхомъ или водитъ за лапу и разговариваетъ.

Онъ все понимаетъ, только говорить не можетъ, рычитъ.

Такъ незамѣтно проходятъ дни.

Съ Аленушкой хорошо медвѣжонку, а привязанный онъ тоскуетъ, вспоминаетъ птицъ, звѣрей.

Подошла осень, захолодѣли ночи. Изрѣдка стали топить печи.

Медвѣжонокъ слышалъ, какъ папа и мама разговаривали объ отъѣздѣ домой, да и Аленушка брала его за лапу, гладила, цѣловала въ мордочку.

— Скоро одинъ останешься, — говорила она, — папа и мама не хотятъ тебя брать: ты кусаться будешь.

А сегодня мама сказала Аленушкѣ, чтобы она не очень-то водилась съ медвѣжонкомъ.

— Ѳедоръ Иванычъ вонъ погладилъ твоего медвѣдюшку, а онъ его за носъ цапъ.

«Ужъ не удрать ли въ лѣсъ!» — раздумывалъ медвѣжонокъ, и такъ ему тоскливо и чего-то больно.

Собирались уѣзжать.

Вечеромъ пріѣхали гости, и мама играла на рояли.

Когда же Ѳедоръ Иванычъ запѣлъ, началъ медвѣжонокъ подвывать, разсвирѣпѣлъ, оборвалъ ошейникъ да прямо въ залъ.

Всѣ страшно перепугались, словно пожара какого, бросились ловить медвѣжонка, а когда поймали, тяпнулъ онъ папу за палецъ.

Тутъ всѣ закричали, забранились.

— Мой медвѣдюшка, не троньте его! — кричала Аленушка.

А его связали и потащили.

— Куда вы дѣли моего медвѣдюшку? — всхлипываетъ Аленушка, вытягивая длинно свои оттопырки-губки.

— Ничего, дѣточка, Христосъ съ тобой! — утѣшаетъ Власьевна, — въ лѣсъ его пустятъ ходить : тамъ ему способнѣе будетъ. Спи, Аленушка, спи, завтрашній день домой покатимъ, игрушки-то поди соскушнились по тебѣ!

— Не надо мнѣ игрушковъ, медвѣдюшка мой, какіе вы всѣ-ѣ!

И слезы такъ и бѣгутъ.

***

Частыя звѣзды осеннія тихо перелетаютъ и льются по небу.

Мѣсяцъ куда-то ушелъ.

Трещатъ сучья, улетаютъ листья, гудятъ.

— Медвѣдюшка идетъ, прячьтесь! — перекликаются птицы и звѣри.

Съ шумомъ раздвигая вѣтви, выходитъ медвѣдь: на шеѣ оборванная веревка, торчатъ клоки шерсти, насупился.

Такъ подходитъ онъ къ берлогѣ, разрываетъ хворостъ, спускается въ яму:

— Спать залягу да поотдохну малость!

Скоро по всему лѣсу раздается храпъ: медвѣдь лапу сосетъ — спитъ.

Стаями выпархиваютъ птицы и улетаютъ въ теплыя страны, оставляя гнѣзда до весны.

— —

Лампадка защурилась, пыхнула и погасла.

Сѣрый утренній свѣтъ тихомолкомъ подползъ къ двойнымъ рамамъ оконъ, заглянулъ украдкой въ дѣтскую — и ночь посѣдѣла и медленно побрела по потолку и стѣнамъ, и по угламъ встали тѣни — мутные столбы.

Котофей Котофеичъ приподнялся на своихъ бѣлыхъ подушечкахъ-лапкахъ, изогнулся и, сладко зѣвнувъ, прыгнулъ въ кроватку.

Аленушка испуганно затаращила заспанные глаза: не медвѣдюшка ли это съѣсть ее?

Власьевны нѣтъ. На кухнѣ глухо стучатъ и ходятъ.

Котъ подвернулъ лапки, вытянулъ усатую мордочку и запѣлъ.

Теперь совсѣмъ не страшно.

«Господи, — мечтаетъ Аленушка, — хоть бы Рождество поскорѣй, а тамъ и Пасха, къ заутренѣ пойду, хорошо какъ!»

Ея опухшія за ночь губы не улыбаются, а лицо свѣтло смѣется, словно старые волхвы въ золотыхъ коронахъ идутъ со звѣздою, большущую тащатъ елку въ пряникахъ.

ЗАЙЧИКЪ ИВАНЫЧЪ

Жили-были три сестры, — какъ одна, красавицы и шустрыя-прешустрыя, не знали надъ собой страха.

Старшую звали Дарьей, середнюю Агафьей, а меньшую Марьей.

Изба ихъ стояла у лѣса. А лѣсъ былъ такой огромный, такой частый: ни пройти, ни проѣхать.

День-деньской безъ умолку шумѣлъ лѣсъ, а придетъ ночь, загорятся звѣзды, и въ звѣздахъ гудитъ грозно, волнуется.

Много страховъ водилось въ лѣсу, а сестрамъ любо: забѣгутъ куда — аукаютъ, передразниваютъ птицъ, и въ домъ не загонишь до ночи.

Такія веселыя, такія проворныя, такія безстрашныя — Дарья, Агафья и Марья.

Какъ-то старшая — Дарья мела избу, свалился съ полки клубокъ, покатился по полу да за дверь. Схватилась Дарья да за клубкомъ. А клубокъ катится, закатился въ лѣсъ, пошелъ по кочкамъ скакать, по хворосту — привелъ въ самую чащу и сталъ у берлоги.

А изъ берлоги Медвѣдь.

И какъ увидѣлъ Медвѣдь Дарью, зубы оскалилъ, высунулъ красный языкъ, вытянулъ лапы съ когтями:

— Хочешь, — говоритъ, — моей женой быть, а не то я тебя съѣмъ!

Согласилась Дарья и осталась у Медвѣдя.

Вотъ живетъ она себѣ, поживаетъ, ходитъ съ Медвѣдемъ по лѣсу, показываетъ ей Медвѣдь разныя диковинки.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Растворилъ Медвѣдь первую клѣть — тамъ серебро рѣкой льется. Растворилъ Медвѣдь вторую клѣть — тамъ живая вода ключомъ бьетъ.

Говоритъ Медвѣдь Дарьѣ:

— А третью клѣть я не покажу тебѣ и ходить въ нее я не велю, а не то я тебя съѣмъ.

Цѣлый день нѣтъ Медвѣдя, уйдетъ куда на добычу, а Дарью одну оставитъ.

Ходитъ Дарья у запертной клети — заглянуть страсть хочется.

Сторожилъ клѣть Зайчикъ Иванычъ.

Пробовала Дарья съ Зайчикомъ заговаривать, да отмалчивался безхвостый — хвостикъ Медвѣдь зайцу для примѣты отъѣлъ — все молчитъ, поводитъ малиновымъ усомъ, уплетаетъ малину.

И не разъ вгорячахъ пхала Дарья Зайчика по чемъ ни попало, таскала за серебряныя ушки. А отляжетъ отъ сердца, примется его цѣловать, а то и въ плясъ пустится. Зайчику — потѣха, мяучитъ. И самъ когда-то гораздъ былъ, да лапки уходились — не выходитъ.

Разъ Зайчикъ Иванычъ и прикурни на солнышкѣ, замѣтила Дарья да въ клѣть. Отворила дверцу и чуть не убилась — въ глазахъ помутнѣло: въ огромной клѣти кипѣло настоящее золото. Захотѣлось Дарьѣ потро-

гать золото, сунула она палецъ — и сталъ палецъ золотымъ.

Пришелъ Медвѣдь, принесъ малины. Сѣли за столъ. Пьютъ чай.

Медвѣдь и говоритъ:

— Что это, Дарья, у тебя золотой палецъ?

— Да такъ себѣ, — отвѣчаетъ Дарья, — золотой сдѣлался.

Тутъ Медвѣдь всталъ изъ-за стола и съѣлъ Дарью, а косточки въ уголъ бросилъ.

Тосковали сестры. Рыскали по лѣсу, по птичьи-посиничьи кликали, звали сестру. Хоть бы голосъ подала — не слышитъ.

И годъ прошелъ и другой прошелъ — ни духу, ни слуху.

Какъ-то середняя — Агафья подметала избу, сронила клубокъ. Покатился клубокъ. Пошла за клубкомъ. Шла-шла и забрела въ самую чащу. Остановился клубокъ. Глядь — Медвѣдь.

Сталъ Медвѣдь на дыбы, щелкнулъ зубами:

— Хочешь, — говоритъ, — моей женой быть, а не то я тебя съѣмъ!

Ничего не подѣлаешь, осталась Агафья жить у Медвѣдя.

Водитъ ее Медвѣдь по лѣсу, деревья выворачиваетъ, медомъ пичкаетъ и всякія медвѣжьи шутки выкидываетъ.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Растворилъ Медвѣдь первую клѣть и вторую клѣть — глазѣла Агафья на серебро и на живую воду.

— А третью клѣть я не отворю тебѣ, — говоритъ

Медвѣдь, — и ходить въ нее я не велю, а не то я тебя съѣмъ.

Ума не приложитъ Агафья, какъ бы такъ клѣть посмотрѣть, чтобы Медвѣдь не узналъ. А тутъ этотъ Зайчикъ Иванычъ трется, глазъ не сводитъ. Подходила Агафья къ Зайчику, щекотала ему малиновый усъ, а Зайчикъ и въ усъ не дуетъ: мяучитъ себѣ по-зайчиному — ни слова путнаго.

Выбѣжалъ однажды Зайчикъ Иванычъ на закатъ полюбоваться, а Агафья стукъ въ клѣть. А какъ взглянула, остолбенѣла да и ткни палецъ въ золото — и сталъ палецъ золотымъ.

Охала и ахала Агафья: какъ быть, увидитъ Медвѣдь — съѣстъ живьемъ. Побѣжала къ Зайчику. Сидѣлъ Зайчикъ Иванычъ, напѣвалъ себѣ подъ-носъ, штаны чинилъ. Выхватила Агафья у Зайчика заплатку, перевязала себѣ золотой палецъ.

Вотъ пришелъ Медвѣдь, приволокъ орѣховъ полонъ коробъ. Сѣли за столъ.

— Что это у тебя, Агафья, съ пальцемъ? — спрашиваетъ Медвѣдь.

— Ничего, — говоритъ Агафья, — набередила, вотъ и обвязала тряпочкой.

— Давай вылѣчу.

Поднялся Медвѣдь, развязалъ тряпку — а подъ тряпкой золотой палецъ.

И съѣлъ Медвѣдь Агафью, а косточки въ уголъ бросилъ.

Убивалась Марья.

— Сестры, сестрицы мои! — куковала Марья по-кукушечьи.

И только лѣсъ шумитъ.

Такъ годъ прошелъ и другой прошелъ. Нѣтъ сестеръ.

Какъ-то подметала Марья полъ, скатился клубокъ — покатился въ лѣсъ. Пошла Марья за клубкомъ и шла, какъ сестры, до самой берлоги.

Выскочилъ изъ берлоги Медвѣдь, зарычалъ, ощетинился:

— Хочешь, — говоритъ, — моей женой быть, а не то я тебя съѣмъ!

Не сразу далась Марья, заупрямилась. Диву дался Медвѣдь и полюбилъ ее пуще всѣхъ сестеръ.

Ходитъ косматый по лѣсу, собираетъ для Марьи цвѣты, вѣнки плететъ. А выйдетъ гулять съ ней, про всякую травку ей разсказываетъ, всякія берложныя хитрости выкладываетъ. А то ляжетъ на спину, перекатывается, медвѣжьи пѣсни поетъ. Зайчику въ знакъ своего удовольствія мордочку медомъ вымазалъ.

У Медвѣдя теремъ. Въ терему три клѣти.

Все показалъ Медвѣдь Марьѣ — и серебро и живую воду. А въ третью клѣть не повелъ.

— И ходить въ эту клѣть я тебѣ не велю, а не то я тебя съѣмъ!

— Съѣмъ! Съѣлъ одинъ такой! — передразнила Марья, а сама думаетъ, какъ бы этакъ Медвѣдя провести?

А Зайчикъ Иванычъ мигаетъ ей глазомъ — Зайчикъ Иванычъ въ Марьѣ души не чаялъ.

Бывало, уйдетъ Медвѣдь, а Марья къ Зайчику:

— Зайчикъ-Заинька, научи меня, сѣренькій, какъ мнѣ быть: чую, погибли мои сестры, погибну и я — съѣстъ меня Медвѣдь!

И Зайчикъ Иванычъ подопрется лапкой, лопочетъ что-то по своему.

Такъ и проводили дни: сядутъ гдѣ на крылечкѣ и сидятъ рядкомъ, горе горюютъ.

Разъ Зайчикъ лучину щипалъ, самоваръ пить собирались.

А какъ примется Зайчикъ что дѣлать, такъ ужъ на цѣлый годъ надѣлаетъ: такая у него повадка.

Зайчикъ весь дворъ лучиной закидалъ.

Марья помогала Зайчику. И такая тоска на нее напала, пошла бродить по терему. Постояла, поплакала надъ костями сестеръ да и туркнись въ запретную клѣть. И ослѣпило ее золото, да не сплоховала Марья: опустила лучинку въ золото — а лучинка, какъ жаръ, горитъ.

— Сестры, сестрицы мои! — все поняла Марья.

Запрятала она золотую лучинку въ красный сафьяновый башмачокъ, отдала башмачокъ Зайчику, а Зайчикъ пошелъ въ погребъ за молокомъ и сунулъ башмачокъ въ свою старую норку.

Пришелъ Медвѣдь. Сѣли брагу пить. И все честь-честью, по-хорошему.

Пораскидывалъ умомъ Зайчикъ Иванычъ, горе горюя съ Марьей на крылечкѣ.

Разъ и говоритъ Зайчикъ:

— Не умѣю я по-человѣчьему сказывать, а то бы сказалъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Бродитъ Марья по терему, заглядываетъ то въ одну, то въ другую клѣть. И пришло ей на умъ счастье попробовать. Набрала она полонъ ротъ живой воды, вспрыснула сестрины кости — и встала передъ ней Агафья жива-живехонька.

Что дѣлать, куда дѣвать сестру? Она къ Зайчику: такъ и такъ, говоритъ.

— Хорошо, — говоритъ Зайчикъ, — сію минуту.

Взялъ Зайчикъ Агафью за руку да въ дупло и запряталъ, а самъ нанесъ ей туда и грушъ и яблокъ и всякихъ печеній. И дѣло съ концомъ.

Пришелъ Медвѣдь, сталъ къ Марьѣ ластиться. А Марья и говоритъ:

— Рычунъ, мой рычунъ, сдѣлай ты мнѣ, что я тебя попрошу.

— А ты напередъ скажи, что тебѣ сдѣлать, а то ты, можетъ, третью клѣть посмотрѣть хочешь, такъ я тебя съѣмъ.

— Отецъ завтра именниникъ, хочу пироговъ ему испечь, а ты снеси.

— Это можно, пеки.

Обрадовалась Марья да скорѣе на кухню пироги печь. Напекла пироговъ, взяла мѣшокъ, посадила въ мѣшокъ Агафью, покрыла Агафью пирогами. Говоритъ Агафьѣ :

— Сядетъ Медвѣдь посидѣть, станетъ мѣшокъ развязывать, а ты и скажи:

Не садись, муженекъ,
на пенекъ —
все вижу, все слышу.

Чуть только солнце взошло, взвалилъ Медвѣдь мѣшокъ себѣ на плечи да и въ путь-дорогу.

Полднемъ вздумалось Медвѣдю поотдохнуть маленько, свалилъ онъ мѣшокъ на земь, сталъ развязывать —

Не садись, муженекъ,
на пенекъ —
все вижу, все слышу.

— какъ закричитъ Агафья изъ мѣшка.

Вскочилъ Медвѣдь, повелъ ухомъ:

«Ишь, — подумалъ, — и голосъ же у Марьи, все видитъ, и сѣсть тебѣ не полагается!»

Пустился дальше. И, какъ добѣжалъ до избы, шваркнулъ мѣшокъ у калитки да во всѣ лопатки домой.

Долго ли, коротко ли, а годъ прошелъ.

Вспрыснула Марья сестрины кости — и встала передъ ней Дарья жива-живехонька. Тутъ опять къ Зайчику. Заперъ Зайчикъ Дарью въ чуланъ.

А вечеромъ Марья говоритъ Медвѣдю:

— Мать именниница, испеку я ей пироговъ въ день ангела, снеси ты ей, косолапушка.

А сама Дарьѣ шепнула:

— Какъ разсядется Медвѣдь, ты ему крикни:

Не садись, муженекъ,
на пенекъ —
все вижу, все слышу.

Такъ все и случилось. Сѣлъ было Медвѣдь посидѣть, сталъ мѣшокъ развязывать, вдругъ слышитъ голосъ:

Не садись, муженекъ,
на пенекъ —
все вижу, все слышу.

Оторопѣлъ да скорѣе въ путь. А какъ добѣжалъ до калитки, брякнулъ мѣшокъ и домой.

**
*

— Зайчикъ - Заинька, научи меня, сѣренькій, что мнѣ дѣлать, не могу больше у Медвѣдя жить: хочу къ сестрамъ!

А Зайчикъ Иванычъ и радъ бы что посовѣтовать, да сказать-то ничего не можетъ. А ужъ такъ привязался — такъ привязался онъ къ Марьѣ, ни на-шагъ отъ себя не отпуститъ. Прямо влипъ.

Что наработалъ за долгую зиму, все отдалъ Марьѣ, какіе бисерные кошельки понанизалъ, всѣ ей отдалъ. Лѣтомъ къ Медвѣжьему дядѣ Топтыгѣ за тридевять земель скакалъ, выпросилъ у Топтыги хрустальную туфельку и жемчуговъ горстку, все Марьѣ отдалъ.

Пришла весна. И когда зачирикали птицы и полѣзли изъ почекъ листочки, чтобы на бѣлый свѣтъ посмотрѣть, сказала Марья Зайчику:

— Ну, Зайчикъ Иванычъ, придумала! Уйду я отъ Медвѣдя.

Насупился Зайчикъ.

А Медвѣдь спрашиваетъ:

— Что это ты такая веселая?

— А какъ мнѣ веселой не быть: отца съ матерью во снѣ видѣла. Испеку я имъ пироговъ, отправлю завтра гостинцу. Ты еще дрыхнуть будешь, а я затворюсь въ терему, подымусь на вышку, буду слѣдить за тобой, какъ въ путь тронешься, буду пѣсни пѣть.

Легъ Медвѣдь спозаранку. Напекла Марья пироговъ, позвала Зайчика:

— Прощай, Зайчикъ Иванычъ, прощай, Заинька!

Насупился Зайчикъ, не пускаетъ, уцѣпился лапками за передникъ — на глазахъ слезы.

И вдвоемъ коротали они послѣднюю ночь. Разсказывалъ Зайчикъ заячью повѣсть, какъ Медвѣдь выгналъ его изъ родимой норки, пришибъ Зайчиху...

И плакалъ Зайчикъ Иванычъ, и о какихъ-то лисятахъ сквозь слезы поминалъ — онъ ли ихъ съѣлъ, они ли дѣтей его слопали, понять мудрено.

На разсвѣтѣ юркнула Марья въ мѣшокъ, обложилась пирогами. Отнесъ Зайчикъ Иванычъ мѣшокъ къ берлогѣ, заперъ теремъ, а самъ сѣлъ на крылечкѣ караулить.

И когда Медвѣдь съ своей ношей скрылся изъ глазъ, запрятался Зайчикъ Иванычъ въ свою старую норку, вынулъ изъ кованнаго ларчика красный сафьяновый башмачокъ, поставилъ къ себѣ на столъ и залился горькими слезами.

А Медвѣдь шелъ-шелъ, задумалъ присѣсть, развязалъ мѣшокъ

Не садись, муженекъ,
на пенекъ —
все вижу, все слышу.

— закричала Марья.

— Слышу, слышу! — рявкнулъ Медвѣдь и во всю прыть помчался.

А какъ добѣжалъ до калитки, шлепнулъ мѣшокъ и однимъ духомъ назадъ въ свою берлогу.

То-то радость была. Снова вмѣстѣ — три сестры — Дарья, Агафья и Марья. Пошли распросы да росказни. До полночи глазъ не сомкнули.

А въ полночь весь въ звѣздахъ загудѣлъ лѣсъ, заволновался. И поднялась небывалая буря — изба ходуномъ пошла, срывало ставни, дубастило въ крышу, а вѣковыя деревья, какъ былинку, пригибало къ землѣ, выворачивало съ корнемъ и подбрасывало высоко надъ лѣсомъ.

Это — онъ, Медвѣдь, крушилъ и ломалъ свою пустую берлогу, сворачивалъ бревна, разбрасывалъ въ щепы высокій покинутый теремъ.
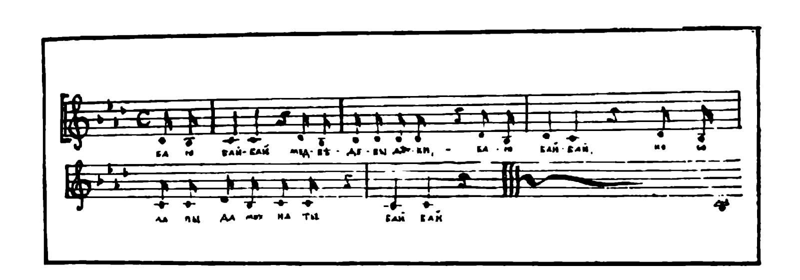
МЕДВѢЖЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю бай-бай, медвѣдевы дѣтки, — баю бай-бай,
Косолапы да мохнаты, бай-бай.

Батя медъ ушелъ искати, — баю бай-бай,
Мама ягоды сбирати, бай-бай.

Батя тащитъ соты-меды, — баю бай-бай,
Мама ягодокъ лукошко, бай-бай.

Кто оленюшкѣ, кто медвѣдюшкѣ, — баю бай-бай,
Въ лѣсѣ колыбель повѣсилъ, бай-бай —
Вышли воины удалые, — баю бай-бай,
Небаюканы, нелюлюканы, бай-бай.

КОТОФЕЙ КОТОФЕИЧЪ

Котофей Котофеичъ все хмурился. Сентябремъ смотрѣли подслѣповатые добрые его глаза. Угрюмо ходилъ онъ по башнѣ. Ужъ мы и такъ и сякъ, ничего не дѣйствуетъ: все не такъ, все не по немъ. По ночамъ, случалось, ни на минуту глазъ не заведетъ, всю ночь просидитъ съ Тигромъ и Птицей. Тигръ — желѣзныя ноги, веревочный хвостъ, и глазатая Птица — безъ головы одинъ клювъ, — вѣрные звѣри таинственно перемигивались со своимъ взлохмаченнымъ другомъ.

Наступали теплые дни. Таялъ снѣгъ. Байбакъ проснулся, вышелъ изъ норки, началъ свистать. На ранней зарѣ мы ходили къ озеру съ круглымъ хлѣбомъ встрѣчать весну.

— Да не случилась ли какая бѣда съ бѣленькой Зайкой?

— Вы догадались: съ Зайкой случилась большая бѣда.

— Старуха Буроба?

— Похуже.

— Кто же? — Горынь-змѣй!

— Пострашнѣе.

— Одноглазое Лихо?

— Оно самое: надо итти выручать Зайку.

— И мы съ тобой.

— Нѣтъ, нѣтъ, васъ еще не доставало! Уму-разуму наберитесь, тогда и вамъ дѣло найдется, а пока что,

оставайтесь въ башнѣ, я одинъ пойду. Коза-лубяные-глаза за вами посмотритъ.

— Что жъ, Коза? Коза и одна посидитъ: кленовыхъ листочковъ у нея много.

Но Котъ мимо ушей пропустилъ, самъ съ собой курлыкалъ. У печки появилась вербовая палочка и сапоги, а это означало, что близокъ тотъ день, когда Котофей Котофеичъ покинетъ башню.

На Алалея — такъ когда-то въ устахъ Лейлы прозвучало «Алексѣй» — съ горъ потекла вода, и Щука, пробивъ хвостомъ ледъ, вышла изъ озера, и прямо въ башню.

За послѣдніе дни у Кота появилась такая похватка: сколько ты его ни проси, къ гостямъ не выходитъ, или ужъ выйдетъ, когда гости за шапки возьмутся. И на этотъ разъ произошло тоже.

Намъ пришлось занимать Щуку. Коза — лубяные глаза хлопотала по хозяйству: старалась, какъ получше угостить рѣдкую гостью. Разговоръ не клеился. Къ счастью сама Щука, промолчавшая зиму, распустила свои голубыя крылья и очень легко разговорилась: она разсказала о Осетрѣ и Утрапъ-рыбѣ — которая голова рыбамъ, и какъ эта Утрапъ-рыба никакъ не можетъ Ерша съ хвоста съѣсть; еще разсказывала о озерѣ, о морѣ — въ какихъ она моряхъ плавала и сколько чудесъ перевидала.

— На Морѣ-Океанѣ, — сказала Щука, — туда все сходится.

Мы только рты разѣвали отъ удивленія: ничего подобнаго мы никогда не слышали.

И когда Щука, наѣвшись плотвичками и окунями, очутилась по своему щучьему велѣнью у себя на озерѣ, мы прямо къ коту.

— Котофей Котофевичъ, — сказали мы въ одинъ

голосъ, — отпусти насъ къ Морю-Океану, хочется намъ поглядѣть на свѣтъ Божій.

— И думать нечего, — отрѣзалъ Котъ, — къ Морю-Океану! Да знаете ли вы, къ Морю-Океану еще никто путно не добирался, а если и добирались, плохо приходилось.

— Мы только взглянемъ и сейчасъ же вернемся.

— Вернемся! — передразнилъ Котъ, — вернувшихся смѣльчаковъ разъ два и обсчелся, да и оттуда вы взяли, будто есть гдѣ-то на свѣтѣ Море-Океанъ.

— А намъ Щука сказала.

Котъ заворочалъ глазами и бросился тщательно насъ осматривать: пересчиталъ наши пальцы, уши, глаза.

— Это такой народъ, щука! — курлыкалъ Котъ, видя все на своемъ мѣстѣ цѣлымъ и невредимымъ, — живо, что ни попадетъ, отхряпаетъ, старая пожируха! А Море-Океана никакого нѣтъ!

— Нѣтъ есть... за Кощеевымъ царствомъ.

— Ну, хорошо есть, только что жъ изъ этого? Хотите, чтобы васъ разрубили на мелкія части? хотите, чтобы у васъ вынули сердце и печень? Хотите, чтобы повырѣзали изъ вашей спины ремней? хотите, чтобы отрѣзали вамъ пальцы? хотите, чтобы выкололи вамъ глаза? хотите, чтобы привязали васъ къ лошадиному хвосту и размыкали по полю? хотите, чтобы васъ отдали на съѣденіе звѣрямъ? хотите, чтобы васъ закопали въ землю живьемъ или превратили въ камень, вы этого хотите?

— Нѣтъ, не хотимъ.

— А Баба-Яга? Небось, не откажется покататься да поваляться на вашихъ косточкахъ! А попадетесь Залѣсной безрукой бабѣ, да ужъ та васъ, не мигнувъ, сцапаетъ.

— А который царь Горохъ воевалъ съ грибами, мы его, Котофей Котофеичъ, увидимъ?

Тутъ понялъ Котъ, что всѣ его увѣщанія напрасны и два дня не разговаривалъ.

Мы бродили по башнѣ сами не свои: Море-Океанъ не выходило у насъ изъ головы, а изъ всѣхъ страховъ смущала лишь одна Залѣсная безрукая баба. Коза приняла въ насъ самое горячее участіе и старалась расположить Кота, чтобы Котъ заговорилъ.

На третій день подъ конецъ обѣда Котъ заговорилъ. А мы, воспользовавшись наступившей перемѣной, такъ пристали къ Коту и такъ приставали до самаго вечера, что онъ далъ согласіе.

— Хорошо, я согласенъ, — сдался, наконецъ, Котъ, — вы пойдете къ Морю-Океану, только подождите немного, я подумаю.

Наступила ночь, а Котъ все думалъ. И Козѣ долго пришлось съ нами возиться, чтобы насъ уложить спать. Но мы не могли успокоиться. И такое охватило нетерпѣніе, что рѣшили, не глядя на ночь, итти къ Коту и умолять его отпустить насъ непремѣнно завтра.

У Кота горѣлъ огонекъ.

Не слышно мы подошли къ двери и, тихонько пріоткрывъ, ужъ готовы были тутъ же на порогѣ, ставъ на колѣни, выкрикнуть нашу послѣднюю просьбу, но то, что предстало нашимъ глазамъ, такъ насъ поразило, что не пискнувъ, мы пристыли къ мѣсту.

Не комната Кота, а вершина горы и на горѣ дубъ, а подъ дубомъ Котофей Котофеичъ и съ нимъ Черный Орелъ и Бѣлая Сова.

— Хорошо, — говорилъ Котъ, — я у Одноглазаго вырву его единственный глазъ, Лихо потеряетъ всю свою силу и Зайка будетъ внѣ опасности.

Орелъ, разинувъ красный клювъ, одобрилъ Кота.

— А что ты скажешь о затѣѣ итти къ Морю-Океану?

Услышавъ о себѣ, мы перестали дышать и такъ вытянулись, что вотъ-вотъ сорвемся въ пропасть.

— Надо обладать медвѣжьей силой, волчьими зубами, соколиными крыльями, рыбьей быстротой, рысьими когтями! — отчеканилъ Орелъ.

— Откуда же такое взять? — безпомощно прокурлыкалъ Котъ.

— Затѣя пустая! — сказалъ Орелъ.

— Очень ужъ пристаютъ... горе мнѣ съ ними.

И на это Орелъ нетерпѣливо приподнялъ черныя крылья.

— Я ужъ и самъ не знаю, — продолжалъ Котъ, — какъ имъ безъ меня однимъ итти? Легко сказать, къ Морю-Океану.

— Пускай себѣ идутъ, — вступилась Сова, — доберутся.

— Сомнѣваюсь! — и Орелъ раскрылъ свой клювъ.

— Опасность большая, — сказала Сова, — но разъ они такъ просятся, надо исполнить!

Въ глазахъ у насъ позеленѣло, а сердце такъ запрыгало отъ радости и, ужъ не помня себя, мы очутились въ своей комнатѣ и сладко заснули.

Ужъ солнце высоко сіяло изъ-за лѣса, когда насъ разбудила Коза.

— Вставайте! — бодала Коза, — пора собираться въ дорогу: завтра вы идете къ Морю-Океану.

Услышавъ отъ Козы радостную вѣсть, мы такъ ее тискали безъ милосердія и такъ катались съ ней кубаремъ по полу, что Коза раза два и позаправду боднула, только не больно.

За обѣдомъ мы ѣли змѣиную кашу, чтобы понимать языкъ звѣрей, птицъ и цвѣтовъ, и прихлебывали

душистый наваръ изъ чудесныхъ травъ — Козы-варенье: Коза въ этихъ дѣлахъ большой мастеръ.

Потомъ мы пробовали примѣрять всякіе звѣриные наряды, повынесенные Козой изъ кладовыхъ, гдѣ не мало всякаго добра хранилось въ кованныхъ устюжскихъ сундукахъ. Но звѣриныя платья были пересыпаны отъ моли какимъ-то такимъ ѣдкимъ табакомъ, отъ котораго закружилась голова, и рухлядь унесли обратно.

Вечеръ прошелъ въ разговорахъ.

Коза долго толковала намъ, какъ итти, и что дѣлать, и чего не дѣлать, но мы, хоть и внимательно слушали, да какъ-то все изъ головы само-собой вылетало. И когда она кончила свои наставленія, мы поклялись, что исполнимъ ея козиный завѣтъ и ничего не будемъ дѣлать, чего не надо дѣлать, а всегда будетъ дѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать, — и въ подкрѣпленіе своихъ словъ съѣли по комочку земли. И Коза тоже съѣла немножко.

— Всѣ дороги ведутъ къ Морю-Океану, — сказалъ Котъ, одобривъ Козы-науку, — но есть три главныхъ пути: первый путь лежитъ волшебными странами, второй путь лежитъ широкими рѣками, третій путь лежитъ лѣсами, болотами, полями и рѣчками.

— Мы пойдемъ волшебными странами!

— Я такъ и зналъ, — Котъ съ досады заходилъ по башнѣ и закурлыкалъ жалобно, — нѣтъ, невозможно, такъ вы пропадете. Первые два пути для васъ закрыты: чтобы итти волшебными странами, надо умѣть ходить широкими рѣками, а до широкихъ рѣкъ надо пройти еще долгій путь, и безъ меня вамъ однимъ не справиться. Остается третій путь, по которому вы и отправитесь.

— А когда же волшебными странами?

— А тамъ увидимъ, когда! Да вотъ еще что: зайдите-ка къ Бѣлуну, дѣдъ васъ давно поджидаетъ. А случится зазимовать, остановитесь у моего стараго кума Копоула Копоуловича: Копоулъ котъ ученый, большой баутчикъ! — и пропѣвъ себѣ что-то пріятное подъ носъ, Котофей Котофеичъ ушелъ въ свою комнату: Котъ тоже собирался въ дорогу.

Когда заря вошла въ окошко башни, мы стали прощаться съ Козой.

— Смотрите жъ, будьте осторожнѣй: ты, Алалей, береги Лейлу, ты, Лейла, не покидай Алалея, да поскорѣй возвращайтесь! — кричала Коза вдогонку, когда спускались мы по ступенчатой лѣстницѣ изъ башни на волю.

Прошло не мало, прежде чѣмъ мы вышли на дорогу: Котъ все возвращался въ башню, забывая то одно, то другое: то будто Птицѣ чего-то не сказалъ, то у Тигра чего-то не допросился.

На распутьѣ дорогъ онъ еще разъ повторилъ свое наставленіе, и мы разошлись: Котъ пошелъ къ Лиху-Одноглазому выручать Зайку, а мы за тридевять земель — по русской землѣ — къ Морю-Океану.

ВОЛКЪ-САМОГЛОТЪ

Каково было наше чувство, когда нежданно-негаданно, еще не закончивъ и перваго дня своего завѣтнаго пути, очутились мы въ самомъ невозможномъ и печальномъ положеніи: мы попали въ брюхо къ Волку-самоглоту.

И случилось все это очень просто. Встрѣтивъ на полянѣ спящаго волка, мы не могли удержаться и, забывъ Козы-науку, не могли не потрогать страшнаго

волка. Мы погладили его по его сѣрой лоснящейся шерсткѣ, правда, совсѣмъ тихонько, да волкъ-то съ просонья — волкъ очень чувствительный! — не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, хапъ! — и проглотилъ.

Было бъ намъ слушаться Козу, строго исполнять даже и такое, чего Коза, отправляя насъ въ дорогу, захлопотавшись, сказать забыла... Шутка ли, вѣдь Волкъ-самоглотъ не простой волкъ — «дураку» волкъ гусли-самогуды изъ-за тридевять земель досталъ! И попасть такому въ брюхо — не шутка.

Я винилъ Лейлу, Лейла меня.

— Это ты все, Лейла, ты! Ну зачѣмъ понадобилось тебѣ гладить волчищу? Ну, посмотрѣли мы на него, постояли немножко, подули тихонько на шерстку, и итти бы себѣ тихо и смирно, и зачѣмъ было руками трогать?

— Нѣтъ, Алалей, это не я, это ты! Ты мнѣ и волка показалъ, ты меня и къ волку подвелъ, и тебя же перваго — нѣтъ ужъ, ты припомни! тебя перваго и проглотилъ волкъ, а меня за одно.

— И вовсе не за одно! Я хватился тебя, хотѣлъ закричать и какъ разъ въ эту самую минуту волкъ меня и сцапалъ: кого же перваго проглотилъ волкъ, меня или тебя?

— Тебя, Алалей.

— Я всегда виноватъ! Пропало наше дѣло, вотъ что.

— А давай, Алалей, подымемъ крикъ, будемъ топать, шумѣть, пищать: насъ услышатъ и освободятъ.

— Кто насъ услышитъ? И гдѣ тутъ потопаешь? Сама видишь: одна мякоть. Освободятъ? Кому это нужно! Вотъ ты бы не трогала волка...

— Ты меня, Алалей, совсѣмъ не любишь.

— Да если бы я былъ одинъ... попади я одинъ и не къ волку, а къ самому крокодилу, да я ни о чемъ бы и не думалъ, вѣдь я о тебѣ безпокоюсь.

— Мнѣ, Алалей, ѣсть хочется.

Я ничего не могъ отвѣтить: въ самомъ дѣлѣ, что достать Лейлѣ въ брюхѣ Самоглота? Всѣ углы были завалены всякой живностью, но все было въ самомъ неподходящемъ и несъѣдобномъ видѣ: горой свалены лежали козы, овцы, бараны, телята и тутъ же всякіе рога, копыта, клювы, хвосты, холки, гребни, бороды, гривы и тутъ же вещи совсѣмъ случайныя — рукавицы, валенки, трубки, часы съ кукушкой, немало стѣнъ холста и красный пузатый самоваръ.

Пошелъ дождикъ — шелъ дождикъ по-осеннему мелкій, а теплый, какъ лѣтомъ.

Самоглотъ все бѣжалъ — онъ бѣжалъ по своему волчиному дѣлу лѣсомъ и полемъ, и опять лѣсомъ и опять полемъ, черезъ логи, болота, овраги и овражки.

Ужъ затихли шаги солнца, ужъ вышелъ мѣсяцъ и соловей, высвистывая, запѣлъ свою пѣсню, когда пришла ночь и на волка: набѣгавшись всласть, грохнулся онъ на землю и захрапѣлъ.

Успѣвъ и промокнуть и обсушиться, мы понемногу освоились и, оправившись послѣ толчка, отброшенные на другой конецъ, пошли бродить, отыскивая хоть какой-нибудь свѣтикъ на волю. Послѣ долгихъ поисковъ въ лѣвомъ боку — Самоглотъ спитъ на правомъ! — отыскали мы въ родѣ слухового окошка.

Первая высунулась Лейла и тотчасъ спряталась за меня. — Что же это могло быть? Я посмотрѣлъ и, признаюсь, на минуту зажмурился — такъ было все это странно.

— Не бойся, Лейла, это они... самые. Къ нимъ

надо привыкнуть, Это совсѣмъ не люди, только не бойся.

И, крѣпко притиснувшись другъ къ другу, мы высунулись изъ волчинаго окошка вотъ на столечко.

Мѣсяцъ низко спустилъ рога и было видно, какъ днемъ.

Самоглотъ дрыхъ на курганѣ — на какой-то «шведской» могилѣ, а отъ могилы весь поемный берегъ до самой рѣчки раззыбался, кишмя киша нечистью.

И кого только не было: домовые, домихи, гуменные, банные, лѣсунки, лѣсовые, лѣшіе, листотрясы, корневые, дупляные, моховые, полевые, водяные, хлѣвники, чужаки, наброжіе и обломъ, костоломъ, кожедеръ, тяжкунъ, шатунъ, хитникъ, лядащикъ, голохвостъ, ярунъ, долгоносикъ, шпыня, куреха и шептунъ со своею шептухой.

Одни пыжились, словно куры при снoскѣ, и топорщились и таращились, другіе все въ припрыжку — и тряслись и качались, черно-кровные, черно-мазые, захлыщевые, забубенные, игрунки, скакунки, хороводники, третьи тихіе — тихоногіе — трава подъ ними не топчется, цвѣты не ломаются! — и полозомъ ползли вислогубые, вислоухіе, тонконогіе, и подземные изъ подземныхъ сырыхъ норъ.

Весна всѣхъ выгнала — весна выманила изъ зимнихъ закутъ — закружила — не спится, все манится.

Коротала нечисть весеннюю ночь. Съ чего началось, неизвѣстно, да разговоръ у нихъ ни съ чего и не начинается.

Лѣсовой хвалилъ лѣсъ:

— Хорошо въ лѣсу, — шумѣлъ Лѣсовой, такъ еловыя шишки шумятъ, — хорошо и легко. Ауку знаете? изба у него съ золотымъ мхомъ, вода у него круглый

годъ отъ весенняго льда, помело у него — лапа медвѣжья, бойко выходитъ дымъ изъ трубы и въ морозы тепло. А сосѣди Ауки — лѣсавки: старики и старушки, въ прошлогоднихъ листьяхъ сидятъ, а какъ осень подходитъ, завидятъ осеннія звѣзды, схватятся за руки, скачутъ по лѣсу, свистятъ на весь лѣсъ. Листинъ-слѣпышка весь въ листьяхъ, шуршитъ. Залѣсная баба — безрукая, а такъ и норовитъ тебя сцапать, худа, какъ былинка. А за озеромъ въ черничномъ бору Боли-бошка. А за лѣнивымъ болотомъ Болотнясникъ. А за березовымъ лѣсомъ вѣдьма Рогана: ночью ходитъ Рогана по лѣсу въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, кукуетъ. А о лютомъ звѣрѣ Корокодилѣ я ничего не знаю.

Потрескивалъ перелетный огонекъ: то вспыхнетъ, то голубѣется змѣйкой.

— Я Коровья-нога! — облизнувшись, сказалъ забубенный, — есть звѣрь котъ-и-левъ, есть онъ звѣрь самый страшный, усатый, а корокодилъ... я ничего не слыхалъ.

— А у насъ совсѣмъ по-другому, — пропищалъ Долгоносикъ, — насъ у Адама было дѣтей много. Разъ на Пасху приказалъ Богъ Адаму вывести всѣхъ насъ себѣ на показъ. Адамъ постѣснялся: совѣстно тащить такую ораву! — и взялъ съ собой только старшихъ — Кавелей, а мы дома остались. Мы и есть скрытые домашніе дѣти Адама.

— А мы падшіе духи, — прошипѣлъ тихоногій, — были мы очень надоѣдливы, дѣла не дѣлали, ходили по пятамъ за Богомъ, скулили, Онъ насъ и турнулъ съ неба.

— А мы бывшіе ангелы, погналъ насъ архангелъ. Сорокъ дней мы летѣли и, кто куда попалъ, тамъ и остался! — ввернулъ бывшій ангелъ, ни на что непохо-

жій: носъ — зарубка коромысла, ноги — завитокъ бересты, а легокъ, какъ шишка хмеля.

— Звѣрь котъ-и-левъ есть страшный, усатый... — облизывался забубенный Коровья-нога.

Въ волкѣ часы-кукушка прокуковали полночь.

Изъ прошлогодней соломы закурлыкалъ лядащій бѣсъ Соломонъ, притрушенный теплой соломой. И, какъ громомъ, ударило нечисть — по весеннему лугу прямо шла дочка-веснянка, Завутка, стала! звѣздою разсыпалась ея завивная коса, моргнула зарницей — и откликнулся лугъ, загудѣлъ, и весь берегъ защелкалъ, заахалъ и зааукалъ, застрекоталъ лѣсъ стрекозой.

Пошелъ хороводъ, закружился — —

Либо копыто, либо рога, либо еще Богъ знаетъ что, а можетъ, самъ звѣрь Котъ-и-левъ, кто-то по неосторожности наступилъ на лапу волку: волкъ какъ вскочитъ, фыркнулъ, да и былъ таковъ.

Едва успѣли отъ окна отскочить!

Мчался Самоглотъ, сломя голову — бѣжалъ лѣсомъ и полемъ, и опять лѣсомъ и полемъ, черезъ логи, болота, овраги, овражки.

Въ брюхѣ укачивало.

— Мнѣ, Алалей, жалко Зовутку.

— Имъ, Лейла, весело.

— Съѣстъ ее звѣрь-корокодилъ. И какъ это они насъ не замѣтили?

— Имъ не до насъ.

— А кому же до насъ, Алалей?

— Дождемся утра, заснетъ Самоглотъ и мы прямо въ окошко и выйдемъ на волю.

— Хоть бы утро скорѣе... я тебя люблю, Алалей, я тебя очень люблю!

— — —

И когда пришло утро, воспользовавшись волковой остановкой, мы выбросились изъ окна на волю и благополучно выбрались на тропинку: тропинка насъ доведетъ до Моря-Океана.

ВЕСЕННІЙ ГРОМЪ

Ангелы по мосту ѣдутъ.
— Бѣлые Божіи, куда вы поѣхали?

Стучатъ-топаютъ кони. Плавно катятъ бѣлыя сосновыя повозки. На повозкахъ возъ полевыхъ цвѣтовъ, цѣлый возъ кудрявыхъ молоденькихъ березокъ. Плавно катятъ колеса, не скрипятъ: смазаны дегтемъ.

И прямо по пути на грозный перекрестъ — тамъ расходятся дороги Солнца, Земли и Мѣсяца — твердо ступая, на глухихъ желѣзныхъ ногахъ, ихъ ведетъ поводырь: орлокрылая птица Главина. Долгіе волосы спущены ей на глаза, а изъ глазъ льются-летятъ стрѣлы.

Оттого такъ и гремитъ кругомъ.

Ангелы по мосту ѣдутъ.
— Бѣлые Божіи, куда вы поѣхали?

— А поѣхали мы, ангелы, со цвѣтами-колокольчиками и съ кудрявыми березками на седьмое небо къ Богу справлять Троицу.

РЕМЕЗЪ

Сбились съ пути. А дороги не знаемъ. Лѣсъ незнакомый. И ночь. Лучше бы намъ переждать у Ауки въ избушкѣ: тепло у Ауки! самъ Аука затѣйный: знаетъ много мудреныхъ исторій, обезьянку состроитъ, коле-

сомъ перевернется и охочъ попугать, инда страшно, — да на то онъ Аука, чтобы пугать.

Ливмя лилъ дождикъ и лишь ввечеру по закату поднявшимся вѣтромъ разволокло сердитыя тучи, и свѣтло за угоръ сѣло солнце.

Сбились съ пути. А дороги не знаемъ. Лѣсъ незнакомый. И ночь. Сосны и ели шумятъ, какъ въ погоду.

А звѣзды — а звѣзды большія!

Выручилъ кустъ, пустилъ ночевать.

Хорошо еще лѣтомъ; всякій кустъ тебя пуститъ, а зимой пропадешь, когда инеемъ-стужей всю землю покроетъ.

— Тише, Лейла! Тутъ, кромѣ насъ — какъ и мы, безъ дороги — одноухій заяцъ съ усомъ. Какъ продрогъ! И всего ужъ боится, бѣдняга.

И правда, заяцъ насъ не узналъ: принялъ за что-то да за такое, не на шутку струхнулъ и сейчасъ улепетывать — куда тамъ!

Ну, потомъ все разъяснилось. И подъ кустомъ осталось насъ трое ночь коротать.

Разсказалъ намъ сѣрый о лисицѣ: которая лисица пѣсни поетъ! — и о лютомъ звѣрѣ: который звѣрь самый страшный! — и о птичьей ногѣ: которая нога сама вездѣ ходитъ! Отогрѣлся усатый и задремалъ.

Мы и сами не прочь. Въ сонъ голову клонитъ, да язычекъ у кого-то — все бъ ему разговаривать! и ушки такія — все бы имъ слушать! и глаза такіе — все бы имъ видѣть! Вотъ и не спимъ.

— Зайчикъ заснулъ?

— А то какъ же, второй сонъ, поди, видитъ.

— Звѣзды большія!

— Большія.

— А самыя большія?

— Въ пустынѣ — тамъ — гдѣ верблюды.

— А если на дерево залѣзть, можно ухватиться за звѣзды?

— А вотъ какъ заснешь, влѣземъ на елку и ухватимся.

— А ты мнѣ про птицу-то разсказать обѣщался.

— Про какую про птицу?

— Да про ту... ты же мнѣ говорилъ... первая птица такая.

— А, про ремеза — первую пташку!

— Ну, и что жъ она, Алалей, маленькая?

— Такъ себѣ, не очень великая, сама коричневатая, горлышко бѣлое. А когда-то цвѣтнѣе и громче не было птицы... Носъ у нея — другого такого не найти у птицъ, и лапки особенныя. Суетливая, все ремезитъ. А гнѣздо вьетъ — лучше всѣхъ гнѣздъ: гнѣздо у нея кошелемъ. За то и слыветъ первой у Бога. Вотъ и все.

— Нѣтъ, ты хотѣлъ разсказать много!

— Ну, любитъ ремезъ гдѣ рѣки и озера, иву любитъ, за море летаетъ. Кто хранитъ гнѣздо ремеза въ домѣ, въ тотъ домъ громъ не бьетъ. И величаютъ ремеза въ колядкахъ — приноситъ счастье! А погибаетъ въ бурю — береговая птичка. И большая пѣвунья: голосъ не великій — только что для дѣтей.

— Въ родѣ кукушки?

И глаза засыпаютъ.

Ночь все тѣснѣе, ночь все ближе. Весь лѣсъ обняла.

А звѣзды — а звѣзды — большія.

БѢЛУНЪ

Заковали студеному вѣтру колючія губы, не велѣли холодомъ дуть. И морозъ-трескунъ, засыпанный снѣгомъ, сѣлъ отдыхать въ холодномъ царствѣ на полночи.

Пришло теплое лѣто. Забыто ненастье. Все у земли копошится, кустомъ разростается.

Медвѣдь-пыхтунъ зашатался по лѣсу, и кузнечику воля: стрекочи, хоть всю ночь.

Пошли люди съ косами съ вострыми: поспѣлъ сѣнокосъ.

И куда ни заглянешь, все словно бъ въ первые, невиданное: къ каждому цвѣтку наклоняешься, тронулъ бы всякую травку!

Хороша погода, украслива.

Подлѣ ржи проходитъ Бѣлунъ — —

Какой бѣлый! и отъ солнца не застится: оно ему любо. Изъ лѣса идетъ. Безъ него, говорятъ, темно въ лѣсѣ. А заблудишься, только спроси: онъ дорогу покажетъ.

— Дѣдушка, на сѣнокосъ?

Не слышитъ. Гдѣ тутъ услышать!

Ступилъ на межу — улыбнулся: и ему хорошо. Идетъ по межѣ — идетъ лѣсною дорогой, ударяетъ клюкою: вспоминаетъ ли стародавнее бусово время, или далось на раздуму другое... наша русская доля?

Лязгъ косы звонче. Стрекочетъ кузнечикъ.
Такъ до бѣлаго мѣсяца лязгъ косы звонокъ.

Ходитъ по нивѣ Бѣлунъ
— надѣляетъ добромъ —

СОБАЧЬЯ ДОЛЯ

За Могильною горою стоитъ бѣлая избушка.

Съ разсвѣтомъ отправлялся Бѣлунъ въ поле. И ходилъ все утро по росистой межѣ: охранялъ каждый колосъ. Въ полдень шелъ на пчельникъ, а, когда спадала жара, опять возвращался на поле. Только позднимъ вечеромъ приходилъ Бѣлунъ въ свою избушку.

Мы не отставали отъ дѣда, такъ и ходили за нимъ — и въ поле и на пчельникъ.

Всѣ его любятъ и медвѣдь не трогалъ.

— Страннаго человѣка медвѣдь никогда не тронетъ: онъ знаетъ! Встрѣтишься съ медвѣдемъ, ты ему скажи: «Иди, иди, Миша! Я странникъ». И медвѣдь уйдетъ.

А собака у Бѣлуна — Бѣлка. Станетъ старикъ къ ужину хлѣбъ рѣзать, Бѣлкѣ горбушку — первый кусокъ. И всегда такъ: Бѣлкѣ первый кусокъ.

— Мы ѣдимъ Бѣлкину долю, — сказалъ какъ-то дѣдъ, — у человѣка доля собачья.

— Какъ такъ — собачья?

И не отстали, пока дѣдъ не разсказалъ намъ про Бѣлку.

«Раньше все не такъ было, не такое. И земля была не такая: ржаной колосъ начинался съ земли отъ самаго корня и былъ метлистый, какъ у овса; ни косить, ни жать нельзя было, а чтобы не растерять зерна, подрѣзали колосья каменнымъ шиломъ; и хлѣба было всѣмъ вволю. И вотъ вышелъ Богъ странникомъ на поле посмотрѣть, какъ живутъ на землѣ его люди. А какъ людямъ жить? Извѣстно, и хлѣба по горло — сыты, такъ другимъ чѣмъ возьмутся другъ дружку корить.

Идетъ странникъ по полю, радуется: зерна много, колосъ полный отъ земли до верхушки. И весь день ходилъ до вечера, а вечеромъ на ночлегъ собрался: туда постучитъ, сюда попросится — никто не пускаетъ, гонятъ странника: «еще стащитъ чего!» Вотъ у каждаго что на умѣ: страшно за добро, хоть и дѣвать-то его некуда, добра-то всякаго. Вошелъ странникъ въ богатый домъ, ужъ не просится на ночлегъ, проситъ кусокъ хлѣба — милостыню. А пекла хозяйка блины, увидала странника, разругалась, на чемъ свѣтъ стоитъ, турнула за дверь. Да вгорячахъ, схватя блинъ, вытерла блиномъ грязную лавку — кошкинъ слѣдъ, да этотъ блинъ вдогонку за нимъ. Поднялъ странникъ блинъ, положилъ въ котомку и пошелъ въ поле — въ ночь. «Нѣтъ, сытаго ничѣмъ не проймешь!» И ставъ среди поля, позвалъ тучу. И поднялась на его зовъ страшная туча. Загремѣла гроза — палило огнемъ, било градомъ, смывало дождемъ. Ужъ не кричатъ, не вопятъ — остолбенѣли: все хозяйство пропало, весь хлѣбъ погибъ, всѣ колосья ощипаны. И лишь одинъ остался колосъ на длинной соломѣ. Черно, пусто, голо — голи голѣй на вольготной богатой землѣ. Тутъ-то вотъ Бѣлка и вышла изъ конурки, видитъ, дѣло плохо: съ голода подохнешь! — да въ поле, выбѣжала на поле да какъ завоетъ. «Ты чего, Бѣлка, воешь?» — «Ѣ-ѣ-ѣсть хочу!» И тронули Бога собачьи слезы, снялъ Онъ грозную тучу. Засвѣтило солнце. На пустой голой землѣ одиноко торчалъ колосъ — собачій, что Бѣлкѣ за слезы ея пришлось отъ Бога, на длинной соломѣ. Съ той поры и ѣдятъ люди эту долю собачью. Наша доля собачья!».

ПЧЕЛКА

На нашъ дворъ залетѣли пчелы — это къ счастью. И остались жить. Въ цвѣту липа. Липовымъ цвѣтомъ золотится весь душистый садъ.

Частый сильный рой отъ неба до зёмли.

То-то хорошо, ну весело.

Вотъ теплый день уплылъ, восходитъ звѣзда-вечерница, а онѣ, сѣрыя-ярыя, жужжатъ — собираютъ медъ:

много будетъ меда — бѣлаго.

И по гречишнымъ полямъ и въ поемныхъ зеленыхъ лузьяхъ, вдоль желтой дремы, въ пестрой кашкѣ и въ алой зорѣ съ цвѣтка на цвѣтокъ вьются пчелы.

Частый сильный рой отъ неба до земли.

То-то хорошо, ну весело.

Вотъ на смѣну дню распахнется вечерняя заря, а онѣ, сѣрыя-ярыя, жужжатъ — трудятся:

много будетъ меда — краснаго.

Густы меды — бѣлый воскъ.

Хватитъ всѣмъ сотовъ на Спасовъ день: Богу свѣчка, ломоть дѣду, и въ улей довольно на зиму.

— А скажи намъ, пчелка, откуда вы такія зародились?

Выбирала пчелка изъ Богородичной травы сладкаго меду.

— А не велѣно намъ сказывать, — отвѣтила пчелка, — Водяной не любитъ, кто не умѣетъ хранить тайну, а Водяной надъ нами главный.

— Мы только дѣду скажемъ.

— А дѣдъ самъ пчелу водитъ, мудрый, онъ и безъ васъ знаетъ.

— Ну, мы большимъ никому не скажемъ.

— Ну-что-жъ, — прожужжала пчелка, — вамъ-то я и такъ бы разсказала, только некогда мнѣ долго разсказывать.

И мохнатая сѣрая запѣла:

— А поссорился Водяной съ Домовымъ, все бъ имъ ссориться! заѣздилъ сѣдой фроловскаго коня. И валялся конь въ сыромъ затрясьѣ. Въ кочкорье, небось, никто не заходитъ. Вотъ отъ этого коняги мы къ веснѣ и отродились. Разъ закинули рыбаки неводъ и вытащили насъ изъ болота, пчелиную силу. И разлетѣлись мы, пчелы, на всѣ цвѣты по всему бѣлому свѣту. Смотритъ за нами Зосима и Савватій, насъ и охраняютъ. Мать наша Свирея и Свіона, бабушка — Анна Судомировна.

И полетѣла пчелка, понесла съ поля меду много на сонъ грядущій.

Горѣло небо багрянымъ вечеромъ.

Тамъ по раздолью небесному будто рой золотыхъ пчелъ посылалъ на землю медвяную росу, обѣщая зарю, солнце да ведро.

ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ

Баба-Яга собирается хлѣбы печь: задумала старая жениться — взять въ мужья рогатаго чорта — верхового; онъ, извѣстно, галчонокъ, всѣмъ верховодитъ.

Взгомозилась на радостяхъ банная нежить: банная нежить въ сырости заводится изъ человѣчьихъ обмылковъ, — а потому страсть любопытна. Вотъ заберется она за Гіенскія горы къ Ягѣ въ избушку: всѣхъ перемутитъ, такая ужъ нежить!

А! какъ ей весело: Домовой на бобахъ остался — показала Яга ему носъ; тоже задумалъ на Ягѣ жениться. Но Домовой спуску не дастъ, самъ подшутилъ!

— Бить тебя надо, безпутый, да и обивки-то всѣ въ тебя вколотить! — плачетъ Яга, ходитъ у печи.

— Бабушка, чего же ты плачешь?

— А какъ мнѣ, Бабѣ-Ягѣ, не плакать, не могу посадить хлѣбы: Домовой укралъ лопату.

И плачетъ. Не унять. Ягѣ слезы: скиснутся хлѣбы — прибьетъ верховой.

— Бабушка, не плачь такъ горько, мы тебѣ отыщемъ лопату.

А слезы такъ льются — полна капель натекаетъ.

— Эй, помогите! Найдемъ мы лопату да бросимъ на крышу: Яга улыбнется — и дождь перестанетъ.

КОЛОКОЛЬНЫЙ

Проводилъ насъ Бѣлунъ до Сухого Каратыга. Шли по Самохваткѣ вдоль улицы въ конецъ.

Золотое солнцево яблоко, покатившись по лѣсу, закатилось въ оврагъ. Красный вечерній край неба погасъ.

Всѣ пестрехи, чернохи, бурехи вернулись съ поля домой, а Бурку-коня и Лысьяна повели въ ночное на травы. И Жучекъ и Бѣльчикъ и Рябчикъ — всѣ поросятки заснули въ хлѣву, и свинья, сивобрысая Хавронья, глядя на ночь, задумалась. Закрыли и заперли закуты и загоны, и муха-шумиха и комаръ-пискунъ угомонились. А Чубаръ, Лысько, Соколъ, Зорька и Пустолайка, ночь почуя, завозились въ конуркѣ.

Хоронясь по чужимъ огородамъ и заднимъ воротамъ, проползла на четвереینькахъ, какъ тапыга-медвѣдь, Мамаишна-бабушка: надулись кровью губы, заострился жаломъ оговорчатый языкъ — будетъ подоконницѣ что подслушивать, будетъ что и разсказывать; голосъ у ней гладенькій, слова масляныя. А въ мѣшкѣ у Мамаишны одномедные пряники.

И пролетѣла надъ Самохваткой Лунь-птица — засвѣтилъ вдоль улицы мѣсяцъ.

У моста подъ вербой мы остановились — подъ вербой ночь ночевать.

— Звѣзды-сестрицы!

— Серебряныя.

— Я буду звѣзды считать, Алалей.

— Ты видишь: тянутся гуси?

— Небесные гуси — какъ много!

— А твоя звѣзда, Лейла ?

— А вонъ — та вонъ, самая серебряная...

Проскочилъ по мосту Заяцъ — голова лисичья.

— Что задумано, то исполнится! — проговорилъ Заяцъ-голова лисичья и закидался по ельнику, заметался по березнику, по горькому осиннику.

На луну нашло облако — вѣтеръ пахнулъ холодкомъ.

Глухо и грустно шумѣло въ лѣсу.

Семь сестеръ Водяницъ на болотѣ мѣсили зыбунъ.

Заблудящая Коза стукнула копытомъ о бревно:

— Вамъ бы пучокъ лыкъ да дровъ костеръ: будетъ свѣжо!

— Мы звѣзды считаемъ, Коза.

— Ну, считайте. Будетъ свѣжо.

Вылѣзъ изъ-подъ дыряваго моста сухоногій вылыглазъ Окаяшка — птичій носъ. Щелкалъ косматый бобы — подвигался на лугъ: тамъ на лугу на лужайку собирались въ хороводы вѣдьмины дѣтки — куцыя курочки въ острыхъ хохолкахъ. И, сцѣпившись ногами-руками, катились клубкомъ, какъ гаденыши, за Окаяшкой вслѣдъ одноглазыя Песьи-головы.

Прошла трепущая рыба Сбухта-Барахта: хвостъ, какъ у лебедя, голова козлиная; лукаво поглядывая, какъ волкъ на козу, шла трепущая по-тиху, по-долгу на зеленый лугъ: тамъ на лугу на лужайкѣ вѣдьмины дѣтки — куцыя курочки въ острыхъ хохолкахъ, кружась, запѣвали жалкія, жуткія пѣсни. А на липѣ блестѣлъ стоведерный пузанъ-самоваръ: будетъ полунощный чай, угощеніе.

— Охъ, ну тебя! — отбивался воробьенышъ отъ земляного зуды: полоротъ изъ гнѣзда выпалъ, прозябъ, а жуку игра.

— А правда, Алалей, по звѣздамъ все можно знать?

— Кому какъ.

— А что такое все, Алалей?

Шибко промчался Конь-вихрогонь — стукнулъ сивъ-чубарый копытомъ — и далеко звенѣли подковы, звякала сбруя, сіяло сѣдло.

Подулъ полунощникъ.

Глухо и грустно шумѣло въ лѣсу. Тяжко вздыхалъ Лѣсной Охъ.

Семь сестеръ Водяницъ на болотѣ мѣсили зыбунъ.

И молчкомъ коркуны-воронье разносили съ дороги бѣлыя кости, косточки, костки въ лѣсъ-рѣдколѣсье, не грая, не каркая.

— Одномедные пряники! — Лейла бросила звѣзды считать, — у Мамаишны сколько ихъ, пряниковъ?

— Да съ сотню, поди, а можетъ, и тысяча.

— Намъ бы, Алалей, этихъ пряниковъ одномедныхъ тысячу!

— Хоть бы одинъ и то хорошо.

— А почему, Алалей, у Мамаишны тысяча пряниковъ, а у насъ ни одного, никакихъ?

— Такъ ужъ Богъ далъ.

— А почему такъ Богъ далъ?

— А Ему виднѣе: кому дать, а кому ничего. Будутъ зубки портиться съ пряниковъ, что хорошаго?

— А я бы всѣмъ дала пряниковъ много одномедныхъ, всѣмъ тысячу. А бобы Окаяшкины сладкіе?

Изъ каменныхъ овраговъ вышли Еретицы — это тѣ, что за-живо продали душу чорту! — и гуськомъ потянулись къ провалившимся могиламъ проводить свою ночь въ гробахъ.

— Кто насъ увидитъ, тому на свѣтѣ не жить! — ворчали ягія.

— А мы васъ не видѣли! — зажмурившись, крикнула Лейла.

Кто-то всплеснулъ ладонями и застоналъ.

Водяной котъ Мурлышка на луну мурлыкалъ.

И вылетѣли Древяницы и Травяницы изъ травъ и деревьевъ на водопой.

Глухо и грустно шумѣло въ лѣсу.

Колотиломъ подпираясь, шелъ по дорогѣ Коло-

кольный: ушатый, въ бѣломъ колпакѣ трясъ бородою, — сидѣть ему ночь до пѣтуховъ на колокольнѣ!

— За что тебя, дѣдушка? — окликнула Лейла.

— И самъ не знаю, — пріостановился мертвецъ на мосту, — и набожный я былъ, хоть бы разъ на посту оскоромился, не потерялъ и совѣсть Божью и стыдъ людской, а вотъ поди жъ ты, заставили всякую ночь до пѣтуховъ сидѣть на колокольнѣ! Видно, скажешь лишнее слово и угодишь...

— У тебя языкъ, дѣдушка, длинный?

— Нѣтъ, нерѣчливый! Не зазорно я жилъ, не худо, не про такъ говорилъ и колокольному звону я вѣровалъ.

— А ты бы лучше въ колокольню не вѣровалъ, дѣдушка!

— Нѣтъ ужъ, видно, за слово: скажешь лишнее слово и угодишь.

— А какъ ты узнаешь, дѣдушка: которое лишнее, которое не лишнее?

— То-то и дѣло, какъ ты узнаешь.

— А если который нѣмой?

— А нѣмой, попадетъ за другое.

— А кому же не попадетъ, дѣдушка? тебѣ скучно?

— Да что за веселье! Изъ любыхъ любую выбралъ бы муку! Девять денъ я въ самомъ пеклѣ пробылъ и ничего: свыкнешься и кипишь. А тутъ, посиди-ка: знобко и вѣтеръ гуляетъ. Пришла мнѣ на вѣкъ колокольня, да видно и по-вѣки: тамъ мое мѣсто и упокой.

И колокольный, колотиломъ подпираясь, потащился на свою колокольню, трясъ бородой — и блестѣлъ по дорогѣ его бѣлый колпакъ.

Брякнули звонко ключи, щелкнулъ колокольный замокъ: тамъ его мѣсто и упокой.

Вѣдьма-чаровница сѣяла любовныя зелья — чаровала землю.

Глухо и грустно шумѣло въ лѣсу.

Тихія подошли тучи — покропилъ дождь.

Длинноногій журавль сталъ на крутомъ берегу, закрылъ глаза. За колючимъ кустомъ булькало по ежиному.

— А я журавлей не боюсь! — прижимаясь, шепнула Лейла.

Тихо разбрелись тихія тучи: облако за облакомъ. Утренникъ-вѣтеръ, перелетая, обтрясалъ дождинки.

Бѣлый свѣтъ развѣтился.

— — —

Сѣя чистымъ серебромъ, всходило солнце — и золотыя солнцевы метлы смели съ земли черную сажу ночи.

ЗАДУШНИЦЫ

Предразсвѣтныя сумерки стянулись «лисьей темнотой». Вѣтеръ вѣяніемъ обнялъ весь свѣтъ и унесся на бѣлыхъ коняхъ за тонко-бранныя облаки къ матери вѣтровъ, оставивъ землѣ тишину.

Унылый предразсвѣтный часъ.

Бѣлая кошка — она день въ окно впускаетъ — лежитъ брюшкомъ вверхъ, не шевельнется. Синіе огни, тая въ туманѣ, горятъ на могилахъ. По молодому повитью дубовъ лѣзутъ русалки, грызутъ кору. И пыль подымая по полю, плетется на истомленномъ конѣ изъ ночной поѣздки Домовой.

Унылый предразсвѣтный часъ.

Ангелы растворили муки въ преисподнихъ. И сошлись всѣ усопшіе — всѣ родители, и другіе прибрели изъ-за лѣсовъ, изъ-за горъ, изъ-за облаковъ, изъ-за моря съ острововъ незнакомыхъ и съ береговъ небывалыхъ, на предразсвѣтное свиданіе въ весеннюю долину.

Въ тяжкомъ молчаніи — рѣчь ихъ загадка — внятенъ плачъ безъ надежды, грусть безъ отрады, печаль безъ утѣхи.

А глаза прощаются съ свѣтомъ — съ землею, гдѣ когда-то въ этотъ день Зеленой недѣли, справивъ поминки, они веселились, гдѣ когда-то въ этотъ день Зеленой недѣли, надѣясь, вспоминали. Но разлучница, тайно подкравшись незнаемой птицей, пресѣкла нить жизни и, уложивъ въ домовище, опустила въ могилу.

И прошлое — безвозвратно.

Надзвѣздный міръ! — туда не провѣиваютъ вѣтры и звѣрье не прорыскиваетъ, туда не пролетываетъ птица, не приходятъ, не пріѣзжаютъ, сторона безызвѣстная, путь безповоротный.

АНГЕЛЪ

Звѣздной ночью неслышно по полетному облаку прилетѣлъ тихій ангелъ.

— А куда дорога лежитъ? — взмолились мы къ ангелу, — третій день мы въ лѣсу, Лѣшій отвелъ намъ глаза, кругомъ обошелъ: то заведетъ насъ въ трущобу, то оставитъ плутать.

— Вы его землянику поѣли, вотъ онъ и шутитъ.

И ангелъ повелъ на дорогу.

А тамъ, на прогалинѣ, гдѣ трава утолочена, у кряковистаго дуба, Лѣшій — дѣдъ сивобородый, выгля-

нувъ, шарахнулся, а за нимъ стреконулъ звѣрь прыскучій — сошла бѣда съ рукъ!

Лѣсъ истяжный — ровный, безъ сучьевъ. Много въ ночи по небу Божьихъ огней. Корни ногъ не трудятъ. Ходовая тропа. Путь способный.

— Помнишь ты или не помнишь, — сказалъ ангелъ безугрозницѣ Лейлѣ, — а когда родилась ты, Богъ прорубилъ вонъ то оконце на небѣ: черезъ это оконце всякій часъ я слѣжу за тобой. А когда ты умрешь, звѣзда упадетъ.

— А я хотѣла бы... мученицей!—задумалась Лейла.

Рѣже лѣсъ становился. Открывалась поляна. Ночь уходила и звѣзды. Падала роса на цвѣты.

И разомкнулась заря.

— Мнѣ пора, — сказалъ ангелъ, — насъ триста солнце поворачиваемъ, а ужъ заря.

И неслышно по быстролетному облаку отлетѣлъ тихій ангелъ.

Разсыпались просомъ лучи по травѣ.

СПОРЫШЪ

Съ первымъ цвѣтомъ, опавшимъ съ яблонь, опало съ пѣсенъ унывное «лелю», и съ лѣнивыми тучами знойное уплыло купальское «ладо».

Порастерялъ соловей громкій голосъ по вишеньямъ, по зеленымъ садамъ. Прошумѣло пролѣтье. Отцвѣли хлѣба. Шелковая, разстилая жемчужную росу, свивалась день-ото-дня трава съ травой. Покосили на сѣно траву. Стоитъ теплое, стожено въ стоги — въ ширь широкіе, въ высь высоки — у веселой околицы. Прошла страда сѣнокосная. Затупилась коса, стрекотомъ — звонкая! — разбудила за лѣсомъ красное лѣто.

Въ красномъ золотѣ солнце красно — лѣто-огненно пышетъ. Облака, набѣгая, полднемъ омлѣли: не одолѣть имъ полдневнаго жара. И тѣ бѣлыя ввечеру — алы, и тѣ темныя ввечеру — розы. Лишь въ лѣсной одинокой тѣни листьями шумитъ береза, бѣлая, вѣетъ, нагибая вѣтви.

Буйно ядрено колосистое жито. Усатъ ячмень. Любо глянуть, хорошо посмотрѣть. Урожай вышелъ полонъ.

Стоя, поля задремали.

Пришла пора жатвы.

Тихо день коротается къ вечеру. Къ западу двинулось солнце — и померкаетъ. Затихаютъ багряны шаги.

Поле проходимъ, другое проходимъ.

Надъ дремлющимъ полемъ во всѣ пути по небеснымъ дорогамъ разсыпаетъ ночь серебряный звѣздный горохъ.

— Здравствуйте, звѣзды! —

Видная ночь. Земля растворяется.

— Ты Ночку-темную видѣлъ: гдѣ ея домъ?

— За лѣсами, Лейла, за тиковой рѣчкой Стугной — тамъ, гдѣ боръ шумитъ.

— Она — что же?

— Она въ черномъ: перевивка на ней золотая, пересыпана жемчуговъ. Она легче пера лебединаго.

— А гдѣ буря живетъ?

— Буря въ пещерахъ: ее, когда надо, вызываютъ крикомъ хищныя птицы.

— А хищныя птицы, какія?

— Черноперыя — красные когти, а прилетаютъ изъ подземнаго царства.

— А радуга?

— Радуга сбираетъ воду.

— А откуда тучи?

— Тучи...

— Вотъ и не знаешь!.. а дырка-то на небѣ, развѣ ты не замѣтилъ?

Такъ птичкой говорунья Лейла дѣлитъ со мной дружную ночь. Зорко смотритъ, разбираетъ дорогу: запали пути — заросла дорога.

Поле проходимъ, другое проходимъ.

Не сномъ коротается ночь.

Такъ и есть, это — Спорышъ! Тамъ — въ колосьяхъ-двойчаткахъ. Какъ онъ выросъ: какъ колосъ! А въ майскихъ поляхъ, когда скачетъ онъ скоки по цѣлой верстѣ, его отъ земли не видать.

— Что онъ дѣлаетъ тамъ въ огонькѣ?

— А ты не пугайся: онъ вѣнокъ вьетъ.

— Изъ колосьевъ?

— Золотой — колосяный — «жатвенный». А кладутъ его въ засѣкъ, чтобы было все споро, хватило зерна надолго.

— Самъ онъ его понесетъ?

— Нѣтъ, онъ отдастъ его самой пригожей — и она, какъ царевна, понесетъ вѣнокъ людямъ.

— Мнѣ бы... хоть одинъ колосокъ!

Погасаютъ звѣзды — звѣзда за звѣздою — робко бродятъ, разливая лучи. Потянулъ зорька-вѣтеръ. Тонкій вихорь обиваетъ росу.

И разомкнулась заря — свѣтъ разсвѣтаетъ.

Ой, какъ звонко смѣется!
Лейла смѣется звонко.

Крѣпко держитъ она свое счастье: Спорышъ ей отдалъ вѣнокъ. Веселы будутъ дни! Въ колосяномъ вѣн-

кѣ, а изъ колосьевъ, какъ два голубыхъ василька, свѣтятъ глаза.

— Ну, а ты, Алалей?

— А я старымъ козломъ за тобой: пусть завиваютъ мнѣ бороду.

— А пѣсни ты не забылъ?

— Съ этой дудкой какъ позабыть!

— Да ты погульливѣй!

— Безъ пѣсни свѣтъ обезлюдитъ.

Ой, какъ звонко смѣется!
Лейла смѣется звонко.

Какъ весной изъ-за моря слетаются птицы, такъ потянулся съ серпами народъ на поле. Чуть надносится голосъ жатвенной пѣсни, а за пѣсней хоронится пляска.

И солнце высоко восходитъ — далеко свѣтитъ черезъ лѣсъ, черезъ поле.

— Здравствуйте, солнце! —

ЛЮТЫЕ ЗВѢРИ

Лѣтніе дни короче — холоднѣе солнце. Не чирикаютъ птицы, не щиплетъ коростель колосья; пчелы состроили соты и не блеститъ листъ на березѣ. Рябина зеленая — въ ожерельѣ поникшая — красная ягода.

Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, куда ночью водилъ меня сонъ!

— Отчего жъ ты меня не покликала?

— Да мнѣ не страшно.

— Нѣтъ, ты боялась.

— Только немножко.

— А что тебѣ снилось?

— — — я попала на поле, поливанское поле! Не сухой тростникъ — стоитъ войско, не сѣрыя пчелы — летаютъ пули, валятся тѣла, что лѣсные стволы, падаютъ головы, что листья, и течетъ кровь — стремнистая рѣчка. А изъ-за горъ грозою идутъ на насъ... И вдругъ будто ночь, я скачу на конѣ — сивый конь, красное сѣдло; лучатся шпоры, свѣтятся подковки. Степью скачу — вѣтеръ шумитъ, наступлю на камышъ — огонекъ сверкаетъ; черезъ рощу скачу — въ рощѣ падаетъ роса; вышла на поле — солнце взошло. Солнце взошло!

— А мнѣ снилось, будто ты въ колыбели маленькая. Взялъ я тебя на руки, вотъ такъ и понесъ.

— Не урони, Алалей.

Не замѣтили, на зайца наткнулись.

На межѣ сидѣлъ заяцъ, навостря ухо, чесалъ себѣ спинку.

«Въ рощѣ рубили деревья, — разговаривалъ самъ съ собою усатый, — — возлѣ рощи тесали, увезли на большую дорогу: будутъ строить новую лодку — по угламъ у лодки будетъ по кукушкѣ!»

— А мы будемъ кататься! — обрадовалась Лейла, соскочила на землю, да къ зайцу.

А зайца, не видать ушей.

Тихо. Тихая погода. Безвѣтріе. Земляной зеленый лягушонокъ свиститъ свою пѣсню комарикомъ тонко.

Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, къ намъ идетъ тигръ.

— Постой, ты гдѣ его видишь?

— Да вонъ! рыжій, лапы медвѣжьи... онъ насъ не тронетъ?

— Да это росомаха, сѣверный тигръ: онъ легокъ, какъ заяцъ, уменъ, какъ дроздъ.

Росомаха не мало была удивлена, слыша нашъ разговоръ: росомаха догадалась, что намъ понятенъ языкъ звѣрей и птицъ — «ѣли, значитъ, змѣиную кашу!» И, не собираясь насъ трогать, близко подошла къ намъ:

— Путники, куда вы идете?

— Къ Морю-Океану, — отвѣтила Лейла.

— Къ Морю-Океану? — переспросила росомаха.

— Да, тигръ, насъ отпустилъ самъ котъ Котофей Котофеичъ.

— Вѣдь, это не очень далеко: за медвѣжьей берлогой?

— У! куда ваша берлога, дальше!

Росомаха немного смутилась.

— А вы Слона видѣли?

— Какого Слона?!

— А тутъ неподалеку — вы никому не сказывайте! — живетъ одинъ Слонъ Слоновичъ. Мы, звѣри, скрываемъ Слона.

— Покажите намъ вашего Слона!

— Ужъ и не знаю, — сказала росомаха и пожалѣла, что сболтнула.

— Мы его трогать не станемъ.

— Ну, ладно, идите за мной! — и росомаха повела насъ Слона показывать.

Долго шли лѣсомъ, пробирались сквозь чащу, проходили по грядамъ, по гривамъ и серебрянымъ мхамъ, перепрыгивали черезъ пни и колоды — черезъ защер-

бившійся пень ели, черезъ поблѣднѣвшій пень березы, черезъ позеленѣвшій пень ели, черезъ поблѣднѣвшій пень ольхи — и вышли въ орѣшникъ.

— Я сейчасъ, я васъ догоню! — сказала росомаха и грѣшнымъ дѣломъ завернула за кустикъ.

И ужъ одни мы шли безъ тигра, щипали орѣхи.

За орѣшникомъ открылась поляна.

И тутъ на полянѣ стоялъ старый-престарый Слонъ съ клыками, весь съ головы обросшій длинною, рѣдкою шерстью.

— Здравствуйте !— сказалъ вдругъ Слонъ и, помахавъ хвостомъ, сталъ медленно подымать хоботъ.

И, не то чтобы испугавшись слонова пальца, а скорѣе отъ неожиданности, воскликнула Лейла:

— Насъ привелъ къ вамъ тигръ, вонъ и самъ онъ!

Росомаха подошла, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Не надоѣдайте долго Слону, — шепнула росомаха, — Слонъ смирный, какъ рябчикъ, а осердится, живо въ клыки.

— Разскажите намъ что-нибудь, Слонъ Слоновичъ!

— Да, раскажите что-нибудь, Слонъ Слоновичъ! — поддакнула росомаха и опять шепнула: — не дергайте Слона за хвостъ: Слонъ не любитъ.

— Про мышь и сороку, хотите? — Слонъ улыбнулся и, взвивъ высоко хоботъ, пожевалъ нижнею длинной губой.

Мы, усѣвшись подъ самый хоботъ на разбросанные кругомъ по полянѣ старые слоновые зубы, приготовились слушать; съ нами на зубы примостилась и росомаха.

— Жили-были мышь да сорока, — разсказывалъ Слонъ, — сорока соръ메тетъ, мышь огонь добываетъ. Такъ и жили. Разъ ушла мышь за сѣномъ, наказала сорокѣ щи мѣшать. Сорока стала щи мѣшать и упала въ

горшокъ. Вернулась мышь, стучитъ: «Сестрица сорока, отвори-отвори!» А ужъ гдѣ отворить: ни лапокъ — ничего, все во щахъ сварилось. Мышь отыскала щелку, пробралась во дворъ, отворила сарай, втащила возъ сѣна, сѣно опростала и вошла въ избу. Вошла мышь въ избу, вынула изъ печки щи, принялась за ѣду. Попалась ей сорока. Обгладала она сороку до-чиста, сдѣлала изъ хребта лодку — —

— По угламъ по кукушкѣ! — перебила Лейла.

— Не мѣшайте Слону разсказывать: Слонъ спутается! — замѣтила росмаха.

А Слонъ ужъ спутался и началъ совсѣмъ про другое: то про какой-то хвостъ закорючкой, то про какую-то свинью да мерина, какъ пріятели чуть было не съѣли другъ дружку.

Росомаха долго наводила Слона на умъ и, наконецъ-то Слонъ опомнился.

— Тутъ ничего нѣтъ смѣшного и смѣяться нечего, смѣются одни индѣйскіе пѣтухи, — сказалъ Слонъ Слоновичъ и продолжалъ сказку: — ну, сдѣлала мышь лодку, спустилась къ рѣчкѣ, усѣлась въ лодку и поѣхала: у песчанаго берега шестомъ отпихивается, у крутого берега весломъ правитъ. А шестъ у нея изъ хвоста выдры, а весло у ней изъ хвоста бобра. Идетъ заяцъ: «Сестрица мышка, пусти меня!» — «Не пущу: лодка мала!» — «Я на заднихъ лапкахъ постою». — «Что съ тобой дѣлать, иди!» А потомъ и лиса, а за лисой волкъ: всѣ просятся въ мышкину лодку. Мышка всѣхъ пустила. Идетъ медвѣдь: «Сестрица мышка, пусти меня въ твою лодку!» — «Насъ самихъ много: ты, косолапый, не помѣстишься!» — «Я на одной ножкѣ постою». — «Иди, что съ тобой дѣлать!» Медвѣдь усѣлся — лодка опрокинулась — и всѣ потонули.

Слонъ опустилъ хоботъ, пощекоталъ пальцемъ слушателей и, махнувъ хвостомъ, сказалъ:

— Ужъ солнце садится, завтра будетъ вѣтрено.

— Поблагодарите Слона и идемте, Слонъ спать хочетъ. Я васъ на дорогу выведу, — шепнула росомаха.

Мы встали, поблагодарили Слона, погладили хоботъ — хоботъ у Слона Слоновича маягкій! — и тихонько пошли за росомахой.

Солнце скрылось, и только на холмахъ все еще лежалъ красноватый закатъ — «солнце мертвыхъ» — словно разбрызгалась свѣтлая кровь, какъ земляника.

— Болотомъ будетъ итти вамъ страшно, повернемте-ка лучше къ рѣчкѣ, тамъ я и распрощусь съ вами.

— Почему будетъ страшно?

— А Лобаста.

— Какая Лобаста?

— Да развѣ вы никогда ее не встрѣчали?

— Нѣтъ — не встрѣчали.

— А корову съ шишкой на лбу видѣли?

— Нѣтъ.

— А коня: ноги безъ шерсти?

— Вы, тигръ, намъ про Лобасту...

— А-а! испугались! Вотъ она какая Лобаста — попадете къ ней въ болото, не спуститъ! Ростомъ, какъ эта осина, тѣло бѣлое, что заячій пухъ, а ручищи... и, грудь, какъ крылья, съ краснымъ коґтемъ, словитъ да этимъ коготкомъ, хоть и нѣженъ онъ, что костяника, а защекочетъ до смерти.

— А мы тише тѣни пройдемъ, она насъ и не словитъ.

— А жеребенокъ: соломенныя ноги?

— Вы, тигръ, все нарочно! Мы жеребенка вашего не боимся!

— Вонъ и рѣчка, — остановилась росомаха, — ишь, берегъ то — хвоя, когда виситъ на ней соболь.

— Вы, тигръ, такъ много знаете, научите насъ чѣму-нибудь!

— Чему жъ я васъ научу: мы тигры — звѣрь лютый. Ну, учитесь играть, какъ играетъ плотва, плескаться, какъ плещется сигъ, метаться, какъ мечется щука, широко гулять, какъ гуляетъ лещъ, и будьте бодры, какъ язь!

И, сверкнувъ бѣлымъ зубомъ, побѣжала росомаха въ лѣсъ.

А мы пошли берегомъ.

Подулъ вѣтеръ. Гудѣло въ рощѣ. Сѣрыя улитки подымали рога — смеркалось.

У ивы гусь стоялъ, вытягивалъ по-змѣиному шею.

— Прощай, гусь лапчтаый, ты улетаешь?

— Улетаю, — прокрякалъ гусь.

— Въ теплый край!

— За синее море.

— Кланяйся, лапчатый, не забудешь?

— Буду кланяться, буду.

Гусь полетѣлъ: пора собирать гусиную стаю да въ путь отправляться — путь длинный, за синее море.

Вышли звѣзды, полетѣли по небу. Небо усѣяно бѣлымъ серебромъ — гулянью конца нѣтъ. Падаютъ звѣзды.

Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

— Лейла, дочь горностая, куда ты все смотришь?

— Ахъ, Алалей, наша лодка плыветъ.

— Ты гдѣ ее видишь?

— Да тамъ — —

— Нѣтъ, это не наша, это мышкина лодка: вонъ сама мышка, вонъ заяцъ, лиса, волкъ и медвѣдь.

— А наша тамъ — тамъ — по угламъ по кукушкѣ.

Мы поднялись на холмъ. Развели огонекъ.

Подъ кленомъ въ огонькѣ коротаемъ ночь.

Мышкиной лодки больше не видно — она потонула. И нашей лодки больше не видно — она уплыла въ море.

«Тихо дуй, вѣтеръ,
не качай клена,
не буди Лейлу!»

Наша лодка плыветъ теперь по морю. Выпадетъ ли счастье на нашу долю, или придется намъ плыть посередкѣ, не видя конца, не видя берега — итти отъ волны до волны, не видя конца, не видя берега.

«Тихо дуй, вѣтеръ,
не качай клена,
не буди Лейлу!»

Тихо спитъ Лейла, руку прижала къ сердцу. Разсыпались русыя косы; ей снится: она въ бѣломъ, невѣста, сидитъ за бѣлымъ столомъ, цвѣтетъ алою розой.

«Тихо дуй, вѣтеръ,
не качай клена,
не буди Лейлу!»

А вѣтеръ-голубь хлопаетъ крыльями, а глаза его полны слезъ: скоро онъ останется въ полѣ одинъ.

Минуло лѣто, приходитъ милая осень.

ВѢДОГОНЬ

Заболотѣла рѣка. Дерномъ покрыты въ полѣ распашистыя полосы. Скошенъ лугъ, убранъ хлѣбъ, конченъ сѣвъ, отошла брусника.

И срывалъ вѣтеръ листья съ деревъ, несъ ихъ, колебля; и, просушивъ, откатывалъ, шурша, посторонь осиротѣлаго дерева.

Загружалось листьями озеро.

Золотой кудрявый лѣсъ, рудѣя съ каждымъ утренникмъ, рѣдѣлъ съ каждымъ солнышкомъ. Летала паутина вдоль по лѣсу, подымалась цѣпкая до маковки и, скатясь по вѣтвямъ, обскочила вкругъ пустыннаго дерева. По утру на зарѣ, промерзая, она становилась прозрачнѣй и легче и, свившись червемъ, качалась въ дырявыхъ покинутыхъ гнѣздахъ.

Доступила на пѣгой кобылѣ дождливая осень. Ушли прощальные ясные дни. Дождливая сонная осень.

По берлогамъ звѣри заснули — имъ тепло мохнатымъ: имъ все будто лѣто.

Вѣтеръ, гуляя по полю и лѣсу, шумитъ на просторѣ.

И поднялись у берлогъ Вѣдогони — у всякаго звѣря свой Вѣдогонь — караулятъ звѣрей.

Караулить подъ дождемъ у берлоги скучно. И зябко. Отъ нечего дѣлать дерутся. Бѣда: не осилишь! — кончитъ свой вѣкъ Вѣдогонь, и звѣрь того Вѣдогоня кончитъ во снѣ звѣриные дни.

> Не мало звѣрей погибаетъ въ осеннюю пору неслышно.

Вѣтеръ все глуше. Ночи длинѣе. Зазимье.

Счастливый, кто родился въ сорочкѣ, — у того тоже есть свой Вѣдогонь.

Вотъ ты, счастливый, заснулъ, а твой Вѣдогонь вышелъ мышью, бродитъ по свѣту. И куда-куда не зайдетъ — на какія на горы, подъ какія звѣзды! Погуляетъ, всего наглядится и вернется къ тебѣ. И ты встанешь, счастливый, послѣ тонкаго сна: сказочникъ сказку сложитъ, пѣсельникъ пѣсню. Это все Вѣдогонь — Вѣдогонь насказалъ и напѣлъ.

Счастливый, ты родился въ сорочкѣ, берегись, если дрема крѣпко уводитъ: твои дни сочтены. Вѣдогони драчливы — задѣнутъ другъ друга и пойдетъ потасовка, а послѣ, смотришь, и нѣтъ одного: кончилъ свой вѣкъ. А ты не проснешься, ты счастливый, ты сказочникъ, кончишь во снѣ свои дни.

Не мало счастливыхъ гибнетъ въ осеннюю пору неслышно.

ЛЕТАВИЦА

Плывучія — ой, нелюдимыя — пасмурно замкнуты тучи.

Сѣя, что ситомъ, тихо падаетъ сѣвень — осенній обложный дождь.

Окончились румяные закаты. Обноситъ вихорь хвои съ сосенъ. Дрожатъ обломанныя вѣтви. Обиты, пріопали листья. Печальны поздніе отлеты птицъ. Отошло веселье. Попрятались за тучи звѣзды.

Беззвѣздна хмурая ночь.

Глядя на ночь въ такую погоду, недалеко уйдешь. Вѣтеръ — всѣ, сколько есть, поднялись и звенятъ. Нѣтъ

отъ вѣтра затулы. И сама терпѣливая Найда, хвостъ поджавши, забилась въ конурку, забыла, какъ тявкать.

Постучались въ избушку.

— Что вамъ тутъ надо? — высунулъ морду двуголовый конь съ золотыми ушами, конь Унеси-голова.

— А чья тутъ избушка?

— Какъ чья избушка?! — замоталъ головой двуголовый, — это замокъ стараго Вія.

— Вія! — голоса у насъ стали, какъ струнки: пропадемъ, тутъ намъ живу не быть! — того самаго Вія: «подымите мнѣ вѣки, ничего не вижу!»

— Того самаго о желѣзномъ пальцѣ. Нынче Вій на покоѣ — зѣвнулъ конь двуголовый, а другой головой облизнулся, — Вій отдыхаетъ: не мало народу погубилъ своимъ глазомъ, а отъ странъ-городовъ только пепелъ лежитъ. Накопитъ Вій силы, примется снова за дѣло.

— Пусти, конь, обогрѣться!

— Пустишь васъ... ужъ сидитъ одинъ колобродникъ. А вы кто такіе?

— А мы перехожіе люди, бродимъ по свѣту отъ дерева до дерева, отъ каменья до каменья, а идемъ мы въ дальне-далече, къ Морю-Океану.

— Да вы не съ Буръ-болота отъ Кукураковны? Прошлымъ лѣтомъ такіе шатались.

— Нѣтъ, мы не такіе...

— А съ Латымиркой-вѣдьмой знаетесь?

— Про Ауку мы знаемъ.

— Ну идите! Да осторожнѣй. Глядите подъ ноги. Тутъ лежатъ вилы. Не наткнитесь. Это вилы самого Вія: вилами Вію подымали вѣки!

И конь, колесомъ завивая гриву, разстилалъ долгій хвостъ по землѣ, свѣтилъ золотыми ушами дорогу.

И мы очутились въ избушкѣ у Вія.

Конь Унеси-голова, пока столъ накрывали, взялся показывать хозяйство.

Большое хозяйство у Вія:

первая горница: золото; живутъ муравьи: день-деньской только и дѣла имъ — тащутъ со всѣхъ концовъ къ Вію червонное золото;
вторая горница — конья: коню принадлежитъ — убранство богатое;
третья горница — за столомъ сидятъ семеро, и всѣ они сини, синѣе котла, и всѣ, какъ одинъ, безъ головъ.

А въ другія — скрытыя конь не повелъ: небывалому страшно. И только позволилъ разокъ черезъ щелку взглянуть:

тамъ жаръ — огни горятъ, мигуны тамъ помигиваютъ, свистуны тамъ посвистываютъ, стукъ, брякотня, безурядица, тамъ громы ильинскіе, морозы крещенскіе, пѣтухи съ вырваннымъ краснымъ хвостомъ, козьи ноги, пауки, злыя собаки — хвостатое, хоботастое, тамъ говоръ, гулъ, шипъ и покрикъ — нежеланные.

Не оторваться отъ щелки, любопытство такъ и беретъ —

Но конь уводитъ къ столу: ужинъ готовъ.

Сѣли за столъ. Служила собачка: подавала миски, мѣняла тарелки. У собачки личико острое, ровно у мальчика, только ушами собачка все пошевеливала.

Позвали къ столу и странника. Послушалъ, слѣзъ съ полатей, повертѣлъ ложкой, покаталъ изъ хлѣба катушекъ, а ѣсть не ѣлъ, отказался.

А кормили, чѣмъ Богъ послалъ. И все какъ слѣдуетъ. И только за кашей подползли три муравья, покусали немного и тихонько опять отползли.

На загладку конь разсказалъ: какой онъ былъ конь! —

когда-то стоялъ не простой: за двѣнадцатью замками, за двѣнадцатью дверями, на двѣнадцати цѣпяхъ; а держалъ поскоки горностаевы, повороты зайца, полеты соколиные.

И ужъ сталъ было конь представлять свои горностаевы поскоки, до что-то въ ногу ступило. И пошелъ себѣ въ свою горницу.

И собачка за нимъ.

Конь-то конемъ и собачка собачкой, только Богъ съ ними! — все какъ-то жутко.

Вій спитъ за перегородкой, только носомъ посапываетъ. Да мыши подъ поломъ бѣгаютъ, сѣрыя, скребутся въ углахъ — у мышекъ хвостики длинные!

— Эй, странникъ, ты тоже не спишь?

— Во всю ночь не засну.

— Страшно?

— Нѣтъ, я не боюсь.

— Что же ты?

— Воли мнѣ нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ.

— А ты разскажи!

— А вы забоитесь.

— Не забоимся, разсказывай!

Странникъ подвинулся ближе, посупился.

— Я не помню, какъ пришла она и взяла мою волю, мои печальные дни: пристала ко мнѣ Летавица. Слы-

шали вы о Летавицѣ? — — Красота ея краше всѣхъ, лицо ея дѣвичье, золотые волосы до самой земли. Всякую ночь она приходитъ: или ложится въ ногахъ или станетъ и смотритъ всю ночь и, лишь вѣтеръ подуетъ, подъ утро исчезнетъ. Я оставилъ домъ, бросилъ все и пошелъ. И, какъ листъ въ непогоду, скитаюсь по бѣлому свѣту — только бъ изъ сердца прочь! Шатается тѣнь моя, спотыкаются ноги, а дума о ней не проходитъ. Какъ трава, сохну и вяну — не по силамъ мнѣ мука. Она всюду за мной по пятамъ: станетъ и смотритъ всю ночь...

— Постой-ка, мы ее видѣли!

— Гдѣ, гдѣ она? — задрожалъ странникъ, какъ листъ.

— А въ горохѣ мы ее видѣли.

— Въ горохѣ..?!

— Шли мы горохомъ — порхъ! — и наткнулись: лежитъ такая кра-са-вая! Золотыя волосы всю съ головою опутали, глаза — колодцы, а сапожки на ней красные.

— Она! она самая! — и странникъ подбросился, а за перегородкой у Вія заворочалось, — да вамъ бы сапоги ея красные снять съ нея и унесть, да она бы для васъ безъ сапогъ все тогда дѣлала: ей сапоги, что птицѣ легкое крылье! И меня бы избавили... экіе вы! счастье проглупали.

— А ты о Басаврюкѣ что-нибудь знаешь?

Но странникъ Басоврюкомъ не подзадорился, ничего не отвѣтилъ. Да вдругъ какъ выпучитъ глаза — не стерпѣли, налились они черною кровью, стиснулъ онъ зубы, почернѣлъ, что земля, а руки замлѣли.

Видно, пришелъ его часъ — стала Летавица: онъ навѣки ея — нерушимъ, съ нею свой вѣкъ завѣкуетъ!

Ночь смѣнилась сѣрымъ утромъ.

Изъ сырой земли, какъ изъ теплаго гнѣзда, заклубился паръ.

Красный слѣдъ Левавицы мелькнулъ въ дверяхъ.

Воронъ, перелетывая съ вѣтки на вѣтку, все усмѣхался, вѣщій, граючи, каркалъ.

Странникъ тихо лежалъ: охолонулъ, безприкладный.

Вышелъ изъ-подъ лавки Лизунъ толстомясый — пятки прямыя, животъ наоборотъ: походилъ по горницѣ, понюхалъ и спрятался.

А мы все молчкомъ обмалчивались: собирали сумки — снаряжались въ путь.

Пришла на заднихъ лапкахъ собачка: на собачкѣ зеленый колпакъ въ кружочкахъ. Напоила чаемъ, воровато сунула сухариковъ въ сумки:

— Берите!

Топъ копытомъ — конь появился самъ Унеси-голова.

Пожурилъ конь собачку, что коровы прожорливы стали: солому подъѣли, сѣно подобрали. Потомъ къ намъ обратился: подарилъ намъ сушеный «медвѣжій глазъ» на веревочкѣ:

— Станетъ страшно, — сказалъ конь, — надѣнь, и страха какъ не бывало.

Далъ подержать въ рукахъ Мечъ-самосѣкъ.

Подержали мы Мечъ-самосѣкъ, поблагодарили коня за медвѣжій глазъ, ну, и въ дорогу.

Собачка махала намъ лапкой.

— А Пузырь «съ клещами да съ жалами» померъ! — моталъ головами конь-двуголовый, провожая насъ въ сѣни.

И мы пошли себѣ дальше.

Колесиста дорога. Сиверко. Дождь мороситъ. Грѣемъ въ пазухѣ руки. По колѣно въ грязи. — Не поддавайся упорному вѣтру! — А скоро — скоро ударятъ морозы, синія крупныя звѣзды сверкнутъ. Въ звѣздахъ ночь засвѣтитъ ясной луною, весело снѣгъ захруститъ.

КОПОУЛЪ КОПОУЛЫЧЪ

Занесло всѣ дороги, всѣ лѣтнія тропинки. Замерзли болота, застыли ручьи, сравнялись рѣки, засумерился день, легла зима — санный путь сталъ.

Скрипъ ворота! — морозъ на дворѣ.

Хорошо и тепло зимовать у Копоула.

Свѣтла и просторна изба — бывшій Кощеевъ дворецъ. Много собрано всякихъ волшебныхъ диковинъ — наслѣдство Кощея: топоръ-саморубъ, палка-самобойка, гусли-самогуды, коверъ-самолетъ, санки-самокатки, сапоги-скороходы, шапка-невидимка, скатерть-самобранка.

Копоулъ, кумъ Котофея, шамшунъ: не можетъ ни скоро сказать, ни скоро пройти, то щами подавится, то лапшой захлебнется. Но никогда зря не похвалится небылыми рѣчами и по правдѣ слово разсудитъ. Носитъ отъ сглазу лапу слѣпого крота и пьетъ всякій день натощакъ настой изъ жабьей косточки.

Одиноко живетъ Копоулъ среди лютыхъ морозовъ въ Кощеевомъ царствѣ: и баранъ и гусь и пѣтухъ давнымъ-давно ушли отъ кота, и лисица.

— Что за шерсть, что за хвостъ! — вспоминаетъ Копоулъ свое прошлое житье-бытье: лису.

А неукротимые звѣри — сосѣди: куцый волкъ — который волкъ хвостомъ въ проруби рыбку ловилъ, и медвѣдь съ отрубленной лапой — который медвѣдь къ

старику и старухѣ но ночамъ приходилъ, пѣлъ подъ окномъ свою страшную медвѣжью пѣсню, оба на старости лѣтъ и недолуки и неудаковы. Волкъ еще хорошо языкомъ ищетъ соринки въ глазахъ — мелкій звѣрь къ нему ходитъ, но о хвостѣ успѣлъ позабыть, а медвѣдь, хоть и не прочь спѣть свою пѣсню, да не страшно нисколько, и не забьетъ косолапый вола, не закуситъ зайцемъ. Сойдутся изъ своихъ лубяныхъ и ледяныхъ избушекъ провѣдать сосѣда и знай одно себѣ: дружно коту подхрапываютъ.

А который воронъ летаетъ за море и приноситъ живую и мертвую воду, за все зимовье — отъ ноября до февраля просидѣлъ на вѣткѣ и даже ни разу не каркнулъ и только на Наума — въ именины Копоула — прилетѣлъ подъ окошко и черным клювомъ молча кота поздравилъ.

А который кузнецъ Требуха сковалъ Бабѣ-Ягѣ тонкій голосъ, еще третьяго года пирогами объѣлся и приказалъ долго жить.

Нѣтъ, не надо Копоулу колдовской неодолимой защиты.

Наши глаза — не сглазятъ.

— А кто васъ знаетъ! — говорилъ Копоулъ и, ухватя, крѣпко держался за лапу слѣпого крота.

Разсѣдаетъ земля отъ мороза.
Тяжки и плящи морозы.

Въ чистомъ полѣ бѣлѣютъ снѣга. И лишь ель и сосна зеленятъ бѣлую зиму. А въ метельныя ночи старый чортъ закрываетъ мѣсяцъ косматою шапкой, и метель, набравъ снѣга, размахнется комомъ и пуститъ въ окошко.

Отъ ноября до февраля — волчье темное время. Стучатъ зубомъ голодные волки.

— Копоулъ Копоулычъ, разскажите намъ сказку!

И знаетъ Копоулъ и перезнаетъ, вѣдь тысячу и одну ночь терся въ колѣняхъ у Шехеразады, когда разсказывала Шахріару сказки, да вотъ, поди жъ ты, чуфырится.

«Это ни къ чему не поведетъ!» или «это, похоже, не выйдетъ!» — вотъ и весь сказъ: и на рѣчи не ставится и на сговоръ не сдается.

Скуки ради мы слонялись изъ комнаты въ комнату, смотрѣли въ окно. И не разъ, нетерпѣливые, припоминая всѣхъ нашихъ знакомыхъ, пересчитывали лысыхъ — «тресни морозъ!» — чтобы на двѣнадцатэго, самаго лысаго, лопнувъ, пересѣлъ морозъ. Не слушалъ морозъ; нагуляется по двору, засядетъ и сидитъ трескунъ на Кощеевомъ озерѣ, выставивъ вѣтру свой красный носъ.

Разсѣдаетъ земля отъ мороза.
Тяжки и плящи морозы.
Куетъ зима звѣздный небесный сводъ.

Днемъ, какъ и ночью, норовилъ Копоулъ поспать-похрапѣть, поваляться. Но приходилъ добрый стихъ, вдругъ раздобрится, поведетъ долгимъ усомъ — и начинается сказка: ладно удуманная, хорошо улаженная.

УПЫРЬ

Не вѣдьма Дун-ду-чиха застилаетъ на ночь столъ скатертью, не ступой закостила наброжая — кроетъ землю бѣлый снѣгъ, летятъ-падаютъ хлопья надранными лохмотьями, воетъ-вьется вьюга, выбухаетъ, мететъ метель-поземелица —

за-ку-де-ли-ла!

Третій день, и грустна и печальна, коротаетъ дни въ серебряномъ теремѣ царевна Чучелка.

Третій день, и грустна и печальна, коротаетъ дни въ ревичъ Кострубъ за Лукорье: за моремъ Лукорье — тамъ рѣки текутъ сытовыя, берега тамъ кисельные, источники сахарные, а выріи-птицы не умолкаютъ круглый годъ. Полпути не проѣхалъ царевичъ, занемогъ въ дорогѣ и померъ. И въ чужомъ краю его схоронили.

Вотъ среди ночи слышитъ царевна: подъ-окномъ кто-то кличетъ:

«Чучелка-чучелка,
отвори!»

Вся зардѣлась — узнала:
«Это онъ — женихъ царевичъ: вернулся съ дороги!»
Вышла. Отворила.

«Бери свои бѣлыя платья,
жемчугъ,

— говоритъ царевичъ —
я въ чужомъ краю
завоевалъ себѣ землю:
мой подземный дворецъ
краше Лукорья».

Надѣла Чучелка бѣлое платье, жемчугъ — спѣшитъ на крыльцо. А онъ ее за руку и на коня. Взвился конь, и помчались.

Мчатся — царевичъ съ царевной. Страхъ змѣей заползаетъ на сердце: видитъ царевна, подъ нею не конь, такихъ не бываетъ, а вѣтеръ. Вѣтеръ-вихорь несетъ ихъ сквозь темные лѣсы — сквозь мхи и болота — ржавцы-болота въ шары-бары — пустое мѣсто.

Поровнялись съ церковью — повернули на кладбище. Тутъ конь исчезъ. И вдвоемъ остались они надъ могилой. А въ могилѣ изъ-подъ снѣга чернѣетъ —

«Вотъ мои земли,
тамъ мой дворецъ,
тамъ мы отпразднуемъ свадьбу:
дни будутъ вѣчны,
и пиръ нашъ веселый
безъ печали, безъ слезъ!»

— Полѣзай!

— Нѣтъ, я дороги не знаю: ты напередъ, я — за тобой.

Послушалъ царевичъ — пропалъ въ могилѣ.

Одна царевна надъ черной могилой. Сняла съ себя платье:

— На же, тяни за собой. Вотъ бѣлое платье! вотъ жемчуга!

Сбросила все до сафьяновыхъ сапожекъ. Заткнула дыру на могилѣ — да бѣжать безъ дороги по снѣгу, сама не знала куда! Вдалекѣ огонекъ мелькаетъ. Прытче бѣжитъ. Добѣжала, смотритъ: изба — одна одинока среди поля. Бросилась къ двери — да въ горницу: мертвецъ на лавкѣ лежитъ, больше нѣтъ никого, и свѣтитъ свѣча.

Со страху на печку — забилась въ уголъ. Сидитъ тихонько.

А тамъ на кладбищѣ, а тамъ на могилѣ — обманутый вышелъ изъ могилы Кострубъ. Созвалъ мертвецовъ. И полетѣлъ съ мертвецами вслѣдъ за царевной. Прилетѣлъ до избы, кричитъ подъ окномъ:

«Мертвецъ, отвори мертвецу:
будемъ съ живымъ
пиръ пировать!»

Зашевелился мертвецъ: то ногой, то рукой поведетъ. А потомъ съ лавки какъ всталъ и пошелъ —

дверь отворилъ. И нашло мертвецовъ полнымъ-полно. Окружили печь, кличутъ царевну:

«Вылѣзай, вылѣзай:
будемъ пиръ пировать!»

— У меня нѣтъ рубашки и сафьяновыхъ сапожковъ, принесите мнѣ! Тамъ они — на могилѣ.

Посылаетъ царевичъ мертвеца на могилу. И вернулся мертвецъ, принесъ и рубашку и сапожки. И опять кличутъ царевну.

А она имъ: то, говоритъ, рукавичекъ нѣтъ, то платка у ней нѣтъ, то пояса. Но мертвецы ей все изъ могилы достали: и платье и жемчугъ до послѣдней крупинки. Кличутъ:

«Вылѣзай, вылѣзай:
будемъ пиръ пировать!»

И надѣла царевна бѣлое платье, жемчугъ. Вышла. И въ кругу мертвецовъ замерла.

А! какъ обрадованъ мертвый живому:

«Я тебѣ вѣренъ
— за гробомъ!»

Цѣловалъ царевну мертвый царевичъ — и съ поцѣлуемъ живая кровь убывала: теплая текла въ его холодныя синія жилы.

Третьи пѣтухи пропѣли — мертвецы разлетѣлись по темнымъ могиламъ: тамъ, въ могилахъ, облизывали красныя губы.

И не вернулась царевна въ свой серебряный теремъ: нашли Чучелку утромъ — бѣлая, какъ бѣлый снѣгъ, безъ единой кровинки, далеко — въ чистомъ полѣ въ мертвецкой избѣ.

Вьется вьюга и воетъ — валитъ. И, опрокидывая, руша, сбиваетъ съ ногъ. Разворотила нелегкая дубья-

колодья, засыпала окна — хоронитъ серебряный теремъ.

Холодна зима —
бѣлый снѣгъ.

МОРЩИНКА

Въ чистомъ полѣ жили-были двѣ мышки: Алишка-кургузка и Морщинка-долгоуска. Старая Алишка ходила на промыселъ добывать себѣ на день пищу, а молоденькой наказывала, чтобы сидѣла себѣ дома, убирала постельки.

Постельки у мышекъ были изъ листьевъ, подушки изъ цвѣточковъ, одѣяльца изъ душистой травки.

Хорошо было Морщинкѣ въ тѣсной норкѣ, да не весело. Крошечное окошечко изъ мотыльковыхъ крылышекъ пропускало чуть маленькій желтый свѣтикъ. Темно было въ норкѣ.

Усядется мышка на сырой подоконникъ, грызетъ морковку и думаетъ, либо усикомъ по стеклышку водитъ — выводитъ тонкими буковками:

«чистое поле».

Никогда не видала Морщинка чистаго поля.

Въ теплый полдень возвращалась съ добычи Алишка, приносила ѣды, угощала Морщинку.

Сидѣли мышки, въ молчаніи кушали.

А потомъ въ постельки ложились.

— Тетушка, тетушка, разскажи мнѣ про чистое поле! — приставала Морщинка.

— Про поле? — зѣвала Алишка: трудно было кургузкѣ разсказывать послѣ обѣда, — чистое поле просторно, въ полѣ тепло и раздолье, за полемъ топкое

болото, тамъ живутъ незабудки, за болотомъ дремучій лѣсъ, за лѣсомъ быстрая рѣчка, за рѣчкой гора-курганъ, на горѣ Забругальскій замокъ.

— Ой, ой, какъ страшно, вотъ бы туда! — пищала Морщинка.

— А Носатая птица?

— Какая носатая?!

— А такая, сидитъ на болотѣ. Словитъ тебя да и скушаетъ.

— А я не поддамся!

— Одинъ такой не поддался! — отстраняла сердито сонная Алишка.

Въ щелку дверки проходилъ вѣтерокъ, приносилъ съ поля душистую пыльцу.

Мышекъ морило.

— Тетушка, а тетушка, разскажи мнѣ про Носатую птицу!

Но ужъ тетушка задавала храпъ во всю ивановскую.

**
*

Разъ замѣшкалась старая Алишка въ полѣ. Морщинка одна осталась, убрала постельки и скуки ради зубки точила. Точила-точила и выглянула изъ норки. И ей понравилось. Повела Морщинка долгимъ усикомъ да каюкъ! — въ поле.

Вотъ она, листикъ за листикъ, кустокъ за кустокъ, мимо Носатой птицы, мимо чудищъ — по болоту, по лѣсу, по рѣчкѣ на горку — и очутилась у Забругальскаго замка.

Долго ли, коротко ли — пришла Алишка домой, принесла кулекъ съ съѣдобнымъ, хвать-похвать, а Морщинки нѣтъ въ норкѣ.

Не пила старая съ горя, не ѣла, достала изъ-подъ подушки карты, стала гадать.

— На кого ты меня покинула! — плакала Алишка, утиралась платочкомъ изъ листьевъ.

Выходило по картамъ такое, что страсть: и «Клешня и Носатая птица и какіе-то раки...»

— На кого ты меня покинула! — плакала старая да такъ и проплакала до глубокой ночи.

А Морщинка походила-походила вкругъ страшнаго замка, шмыгнула въ ворота — и попала въ чистую кладовую.

А въ чистой кладовой чего-чего не было: и пирожки слоеные сладкіе, и ветчина съ горошкомъ, и мыло розовое, и разноцвѣтныя свѣчки.

Всего Морщинка отвѣдала. Досыта наѣлась, сѣла въ уголокъ, посидѣла — пѣсенки попѣла да подумала.

И уходить не охота. Не жизнь, а масленица.

Взяла мышка свѣчку подъ-мышку да за ворота.

Съ горки по рѣчкѣ, съ рѣчки по лѣсу, изъ лѣса въ болото, съ болота по полю мимо Носатой птицы, мимо чудищъ — прибѣжала домой, говоритъ Алишкѣ:

— Тетушка, тетушка, что мы въ этой въ своей противной норкѣ холодаемъ да голодаемъ. Пойдемъ-ка въ Забругальскій замокъ.

— Да что ты, съ ума спятила? — всплеснула руками Алишка.

А Морщинка на нее: разсказала ей про замокъ — какія зубчатыя стѣны и какая остроносая башня и какія ворота! — разсказала про чистую кладовую и про всѣ сладкія лакомства.

Не тутъ-то! — старую не уломаешь.

Ѣла Алишка свѣчку, похваливала, на своемъ стояла.

— А Носатая птица меня и не скушала! — хвасталась Морщинка.

— А Клешня — одноглазая?

— А какая одноглазая!?

— А такая, въ рѣчкѣ живетъ. Сцапаетъ тебя, защемитъ головку въ колѣни да всю съ косточками и проглотитъ.

— Анъ не проглотитъ! — пищала Морщинка.

Утро вечера мудренѣе.

Тихо лежали мышки въ постелькахъ.

Тихій дождикъ въ полѣ шелъ, кропилъ цвѣточки да травки да ягодки.

— Тетушка, а тетушка, разскажи мнѣ про Клешню одноглазую!

А тетушка ужъ седьмой сонъ видѣла, горы городила.

***

Еще до свѣту подняла Алишка Морщинку съ постельки. Ночью Алишкѣ сонъ снился: приходила къ ней Коза-золотые-рога, хороводилась.

Видѣть Козу во снѣ — хорошо, а Козла — непріятность.

Принарядилась старая, и Морщинка принарядилась. Долго мышки вертѣлись передъ зеркальцемъ — зеркальце у мышекъ росинка — охорашивались.

Ужъ солнце взошло, когда мышки въ путь тронулись.

Полемъ шли хорошо.

Чистое поле просторно, въ полѣ тепло и раздолье, отъ ночного дождя глазки у травокъ горѣли и развѣвались кудряжки на алыхъ цвѣточкахъ.

— Тетушка, тетушка, чистое поле! — пищала Морщинка.

Старая застилась лапкой.

— Тетушка, сколько цвѣточковъ на полѣ!

Старая думала думу: голубѣло подъ носомъ тонкое болото.

Мышки притихли — согнулись.

— Чего вы тутъ шляетесь! — окрикнула Носатая птица.

Большія были передряги въ болотѣ. Ползкомъ ползли мышки.

— Мы только въ замокъ, — шептала Алишка: колотилось у мышекъ сердечко.

— А! такъ вы въ замокъ... — разинула клювъ Носатая птица.

Едва улизнули отъ Птицы.

— Наказаніе съ тобой, — ворчала Алишка, оступалась о кочки.

Въ тревогѣ достигли мышки дремучаго лѣса.

Откуда ни возьмись Коза-золотые-рога.

— Куда, — говоритъ, — вы, мышки, путь держите?

Сѣли мышки въ холодокъ подъ кустикъ, все Козѣ разсказали.

— Ну, идите, Богъ съ вами, только моихъ козлятокъ не трогайте! — погрозила Коза пальчикомъ.

— Да ужъ не тронемъ, что ты, Коза! — въ голосъ сказали мышки, попрощались съ Козой и пошли дальше.

А дальше лелѣялась быстрая рѣчка.

Сѣли мышки въ лодочку, поѣхали. Ѣхали, мочили въ водѣ лапки, перемигивались съ рыбками.

Хорошо на рѣчкѣ, вода студеная, любо поплавать подъ солнышкомъ.

Непремѣнно рѣшили мышки выкупаться.

И только что хотѣли причалить къ берегу, какъ Клешня цапъ-царапъ! прямо на мышекъ, защемила имъ хвостики.

Восплакались мышки :

— Пусти, — говорятъ, — пусти насъ, одноглазая!

— Не пущу, — говоритъ, — откупитесь.

Мышки и серебра ей и золота и яхонтовъ.

— Не надо, — говоритъ, — мнѣ ни серебра вашего, ни золота, ни яхонтовъ.

Насилу отъ Клешни отбоярились, пообѣщали ей полцарства отдать.

Цѣлое полцарство — мышиное!

Сѣла Клешня на рака, нырнула въ рѣчку, а мышки на горку полѣзли.

— Песъ ее знаетъ! — оправлялась Алишка: закрутили раки ушки у старой, — съ тобой еще и послѣднiй хвостъ потеряешь.

А Морщинка торопитъ, тараторитъ:

— Тетушка! тетушка, вонъ замокъ бѣлѣется, вонъ остроносая башня — !

Карабкались, карабкались — влѣзли помаленьку.

Обошли вокругъ страшнаго замка, изловчились — шмыгнули въ ворота и въ чистую кладовую попали.

А въ чистой кладовой чего-чего не было.

— Вонъ, тетушка, пирожки слоеные сладкiе, вонъ ветчина съ горошкомъ, вонъ мыло розовое, вонъ разноцвѣтныя свѣчки...

И только что Морщинка успѣла сказать про разноцвѣтныя свѣчки, вдругъ замокъ — «дрынъ-дрынъ!»

— — «чикъ-чикъ!»

И гдѣ-то надъ самой головой съ трескомъ распахнулась ставня, а изъ дыры съ потолка стало вываливаться маленькими колбасиками что-то ужасное: змѣя не змѣя, ракъ не ракъ, Богъ знаетъ что.

Вывалилось чудовище — скалило зубы.

— Опять эти противныя мыши! Ищи ихъ, Фингалъ, раздави, растопчи!

— Хорошо, раздавлю, растопчу.

Алишка въ миску, Морщинка подъ миску — сѣли ни живы, ни мертвы, сидятъ.

Вываливалось чудовище -- колбаска за колбаской, кусокъ за кускомъ.

— Ну, пойдемъ, Фингалъ, мыши ушли.

Съ трескомъ захлопнулась ставня.

— «дрынъ-дрынъ!»

— — «чикъ-чикъ!» — защелкалъ замокъ.

Часъ и другой и десятый высидѣли смирно ошарашенныя мышки, не пискнули.

Первая вылѣзла Морщинка изъ-подъ миски:

— Тетушка, тетушка, пойдемъ скорѣе. Хоть бы намъ сахарную голову сулили — больше никогда не пойдемъ сюда.

А старая завязла въ вареньѣ, трясется: хвостикъ у бѣдняжки отвалился отъ страха.

Кое-какъ выбрались, и давай Богъ ноги.

Бѣжали, бѣжали, а какъ скатились съ горки, прямо въ лужу и сѣли.

Ѣдетъ Клешня на ракѣ, ракомъ погоняетъ. И защемила Клешня между колѣнокъ головки мышкамъ.

— Подавайте, — говоритъ, — мнѣ полцарства сію минуту — мышиное!

А на мышкахъ лица нѣтъ, на все соглашаются.

Видитъ Клешня, что и безъ нея попало, пощипала, попіявила и выпустила.

Покупаться бы теперь мышкамъ, да не до того ужъ.

Сѣли мышки въ лодочку, поѣхали. Переплыли рѣчку благополучно, въ лѣсъ вступили.

Хотѣли съ Козой поговорить — Коза козлятокъ кормила, только глазами поздоровалась.

А Носатая птица ужъ кричитъ съ болота:

— Давайте мнѣ ваши головы на отсѣченіе или полѣзайте немедленно въ клювъ!

Струхнули мышки пуще прежняго, съежились комарикомъ, закрыли глазки да драла, куда попало.

Бѣжали онѣ, бѣжали, бѣжали-бѣжали, прибѣжали въ норку общипанныя, обглоданныя, облупленныя. Сѣли.

И ужъ тамъ и сидятъ, Бога благодарятъ.

Въ чистомъ полѣ есть норка.
Въ норкѣ дверка.
Подъ дверкой полъ. Подъ поломъ подполье.
Въ подпольѣ мышъ.
Тутъ всей сказкѣ
шишъ.

МАКА

Сашѣ въ апрѣлѣ минуло три года. Три года, какъ владѣетъ она старымъ Ильменьевскимъ замкомъ славныхъ Задоръ и всей землей Ватагинской со степью, полями, лугами и лѣсомъ до бабушкиной вишневой Меженинки, которую тоже считаетъ своей.

И вотъ ужъ три года, какъ впервые послѣ многихъ лѣтъ въ одной изъ башенъ затеплился свѣтъ, а днемъ по саду зазвенѣлъ дѣтскій голосъ, а на закатѣ выглянула изъ окна башни Саша въ красной, шитой золотомъ, шапочкѣ.

И всѣ отъ мала до велика — и бабушка Наталья Ивановна и дядя Миша и тетя Ирина и тетя Лена и дѣ-

вочка-нянька Галька и вся дворня съ Надеждой-ключницей, коровницей Ѳедоской, старой горничной Полей до молодыхъ поденщицъ — Марьи, Варвары, Ѳимы, Катерины, и кучеръ Давыдъ и сторожъ Тарасъ и землемѣръ Бектеръ и докторъ Коротокъ и сосѣдъ Брюхъ и Брюхова дочка — гимназистка Маня, — и учитель ея, студентъ Михаилъ Петровичъ, и батюшка о. Евдокимъ со всѣмъ церковнымъ причтомъ, и старая охотничья собака Кадошка и двѣ другія дворняшки, Буцикъ и Мишка, и подтишковая собачонка Дранка и, наконецъ, коза Машка — всѣ обитатели замка и сосѣди на много верстъ до желѣзной дороги признали въ Сашѣ свою королеву и подчинились ея капризной волѣ.

Единственная «тетушка» Евгенія Алексѣевна — сестра прабабушки Татьяны Алексѣевны, властолюбивая и поперечная, упорно не хотѣла сдаваться, но и та въ концѣ-концовъ покорилась и о Рождествѣ подарила Сашѣ старинную золоту ложку.

И Саша крѣпко берегла эту драгоцѣнную игрушку, запрятавъ ее въ самый уголъ краснаго шкапчика подъ охрану лысаго Зайца и двухъ золотыхъ волошскихъ орѣховъ, сохранившихся отъ первой елки. И ходила за ложкой, ухаживала: купала ее въ ванночкѣ вмѣстѣ съ голышками бѣлымъ и чернымъ, и верблюдомъ, заводною зеленой лягушкой, велосипедистомъ, волчкомъ и «красавицами» куклами: безглазой Катюшкой съ пробитымъ черепомъ, безрукой Алексѣвной со стертымъ лицомъ, и самой нѣжной и самой любимой Вѣрой, въ тряпочкахъ, безголовой — выкидывала ложку изъ окна козѣ поиграть, какъ выкидывала тетушкины звонкіе ключи отъ безчисленныхъ, набитыхъ добромъ, сундуковъ: «чтобы имъ травки на волѣ поѣсть и по травкѣ побѣгать!»

Красный шкапчикъ, доверху полный, хранитъ мно-

го сокровищъ: много тамъ всякихъ любимыхъ игрушекъ. Если спросить Сашу: какъ она любитъ? — она крѣпко обниметъ какого-нибудь картоннаго медвѣдя или вындрика-звѣря — безухаго стремящагося зайца:

— Вотъ какъ любу!

Всякій день съ утра до вечера осаждается замокъ: всѣ хотятъ посмотрѣть на Ватагинскую королеву.

Саша охотно всѣхъ принимаетъ, со всѣми здоровается, разговариваетъ, а въ знакъ своей особенной милости отдаетъ весь свой красный шкапчикъ... но потомъ все отбираетъ.

Такова воля этой бѣленькой въ красной, шитой золотомъ, шапочкѣ, Ватагинской королевы.

***

Саша — толстенькая, и щечки у нея и губки такія же, а надъ ними носикъ торчитъ и не простой, а съ защипкой: и потрогать манитъ и тронуть страшно. Саша говоритъ: «онъ мяконькій». И когда его трогаютъ, она морщится и звѣркомъ кажется — такимъ звѣркомъ съ синими прелукавыми глазками.

А волоса у нея, хоть по времени и не маленькіе, ростутъ какъ по-настоящему, да косу все-таки не заплетешь никакъ, развѣ такую самую коротенькую — съ хвостикъ.

Завелась дурная привычка: выдергивать волоски. И сколько разъ Арапъ навѣдывался и, скаля бѣлые зубы, черный, про выдранные волоски справлялся. Но Саша Арапа ничуть не забоялась, напротивъ, сдѣлала его своимъ первымъ приближеннымъ, и конечно, выдергивать волоски не перестала. Такой оказался у нея пальчикъ — большой на лѣвой рукѣ — «дерукъ». Дальше да больше — и полысѣла головка. Пришлось тетѣ

Ленѣ по совѣту того же Арапа остричь Сашу подъ гребенку. И очутилась Саша совсѣмъ голенькая съ овсяными пенушками на лобастой головкѣ — татарченокъ. Да не тутъ-то, и онѣ, пенушки, дались ей, какъ самыя долгія: безпрестанно деруномъ дотрагивается, и такія крохотныя, вырываетъ.

Ручки у Саши маленькія, какъ у мамы и у бабушки, а ноготки — жемчужинки. И опять бѣда: большой палецъ на правой рукѣ нехорошій — замуслеванный: кладетъ его Саша себѣ въ ротикъ и сосетъ, какъ медвѣдюшка. Вотъ почему одинъ онъ «сосунъ» нехорошій. Пробовали отучать: мазали пальчикъ горчицей, мазали хиной. И ни злая горчица, ни горькая хина не имѣли никакого дѣйствія: оближетъ, поплюетъ и опять въ ротикъ. Звали Арапа, думали: повліяетъ, — а вышло совсѣмъ другое. Оказалось, что и самъ Арапъ сосетъ да и превкусно — «потому что, какъ тутъ же расколковала Саша, пальчикъ гораздо вкуснѣе шоколадки». Оставалось послѣднее средство: призвать Индѣйцевъ. Эти «Индѣйцы нападеніе дѣлаютъ на тѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые одни въ садъ забираются и тамъ клубнику съ молочкомъ ѣдятъ». И пока Индѣйцы нападеніе дѣлали, Саша пальчикъ не сосала. Но вотъ Индѣйцы пропадали, появлялся какой-нибудь Великанъ-Волшебникъ или Египетъ или Зеленый котъ — опасность кончалась — принималась Саша снова за пальчикъ.

Дерунъ да Сосунъ — сущая бѣда.

А какая Саша веселая, просто такъ — очень ужъ ей весело. И когда она улыбается, надъ верхней губой темное родимое пятнышко нѣжитъ улыбку. И глядѣлъ бы и цѣловалъ бы да въ самое пятнышко, чуть-чуть влажное, когда жарко.

— Саша, я тебя съѣмъ.

— Что?

— Съѣмъ, говорю, потому что... что жъ я съ тобой сдѣлаю, такая ты...

— Макая! — и ротикъ зубастый улыбается.

— Такое точно родимое пятнышко, — замѣчаетъ тетушка Евгенія Алексѣевна, пристально вглядываясь въ плутоватую правнучку, — было у бабушки Елисаветы Михайловны, а покойная Лидія Петровна на этомъ мѣстѣ мушку носила, что означало «вѣтренность», такъ и скончалась.

О мушкахъ тетушка вспоминала съ особеннымъ чувствомъ. А Саша требовала подать ей немедленно «мушку» и кричала, не успокаивалась, пока не ловили ей настоящую живую муху.

— Вылитая мать, — говорила тетушка и ужъ сама съ собой продолжала нить дорогихъ воспоминаній о далекихъ временахъ, богатыхъ, не теперешнихъ.

Своевольная — своевольнѣй и настойчивѣй, обойдешь всѣ земли, а такой не найти: что Саша захочетъ, все на своемъ поставитъ.

Да и такой разбойницы врядъ ли сыскать. Возьмется разбойничать — ни на что не посмотритъ, озора: то помчится мыть руки и, прежде чѣмъ успѣютъ поймать, вымочится до локтей, то стащитъ у дяди Миши табакъ и примется набивать папиросы, весь табакъ на полъ!

Саша любитъ въ церковь къ обѣднѣ ходить. И какъ только заслышитъ звонъ, сейчасъ же торопитъ. Ходитъ Саша съ мамой. И съ тетей Леной. Зимой рѣже, лѣтомъ чаще. Лѣтомъ носитъ она цвѣточковъ на цвинтаръ къ дѣдушкѣ на могилу.

Всякій знаетъ, что съ батюшкой о. Евдокимомъ Саша пріятельница. О. Евдокимъ ей просвирку присылаетъ, а на Троицу цвѣтовъ далъ отъ жертвенника. И

за то, какъ пріѣхалъ батюшка съ крестомъ на первый день Рождества, она ему все «Рождество Твое» пропѣла и нигдѣ, кажется, въ словахъ не ошиблась.

Когда Сашу причащаютъ, всегда какія-нибудь исторіи: либо на всю церковь разговаривать примется, либо требуетъ, чтобы поскорѣе, либо ужъ запоетъ, да такъ — совсѣмъ другое.

Пѣніе вообще любимое занятіе Саши. Она и сама поетъ и другимъ велитъ, чтобы пѣли.

И весь домъ зиму и лѣто соловьемъ заливается. Поетъ бабушка Наталья Ивановна, поетъ мама, поетъ тетя Ирина и тетя Лена. Ну, а кто дѣйствительно поетъ и съ удовольствіемъ, такъ это дядя Миша. Бывало, чуть ротъ раскроетъ и всѣ, какъ одинъ, напустятся на него, просятъ перестать, а теперь не то: теперь пой во всю, пожалуйста, потому что Саша не въ примѣръ другимъ очень одобряетъ да еще и требуетъ всякій разъ повторенія.

А что дѣлается на Святкахъ, когда зажигается елка, въ печкахъ ухаетъ солома, а за окномъ метель, застилая окна бѣлоснѣжною плахтой, своевольная, носится въ дикой охотѣ. И долгій припѣвъ, заунывнѣй всей пѣсни, сливается съ метелью:

— Свя-а-тый ве-ечоръ —

Саша сидитъ среди дивчатъ, не шелохнется. Она все понимаетъ и видитъ: и какъ Богородица въ шинкѣ повиваетъ Сына, и какъ Христа распинали, и какъ соколъ-конь прощается...

— Свя-а-тый ве-ечоръ —

— Еще! — требуетъ Саша, не давая передышки.

Дивчата изъ послѣднихъ орутъ, но властное «еще и еще» не прекращается.

Казачокъ смѣняетъ колядки. Танцуетъ Ѳедоска.

Танцуетъ до упада — пока не околотитъ себѣ Саша всѣ руки, хлопавши въ ладошки.

На елку приходятъ сосѣдскія дѣти — Брюховы дѣти: всѣхъ ихъ съ гимназисткой Маней цѣлая дюжина. Саша вертитъ ими по-свойски: заставляетъ пѣть и плясать, и сама первая поетъ и пляшетъ, потомъ даритъ и съ подарками отпускаетъ домой.

Подъ Новый годъ Саша щедруетъ:

Щедрикъ-ведрикъ!
Дайте вареникъ,
грудочку кашки
кольцо колбаски.
Щей того мало,
дайте сала,
щей того трошки,
дайте лепешки,
або дайте колбасу,
я до дому донесу!

А на Новый годъ, когда Саша «засѣваетъ», тоже несчетно разъ повторяется новогодній стихъ:

Сій Боже, роди Боже
жито, пшеницу
всяку пашницу.
Съ праздникомъ, съ новымъ годомъ!

Шумно проходятъ Святки — «макое» время.

Бабушка много за долгую зиму играетъ съ Сашей. По утру онѣ возятъ куколъ по залу кататься, заѣзжаютъ въ столовую, въ спальню, въ кабинетъ и въ диванную, потому что все время «дождикъ идетъ». И въ каждой комнатѣ выгружаютъ пассажировъ и опять

всѣхъ усаживаютъ. Потомъ готовятъ кукламъ обѣдъ, кормятъ. Куклы танцуютъ, ходятъ въ школу, хвораютъ, бѣгаютъ. И за всѣмъ надо глазъ, и все надо сдѣлать, чтобы куклы были довольны.

Еще чуть только повѣетъ тепломъ и снѣгъ въ саду загрязнится, а Саша ужъ просится на сѣнокосъ погулять и все говоритъ о лѣтѣ, когда даже бабушка «будетъ молодая и станетъ бѣгать по саду».

Но вотъ дни прибываютъ, жарче играетъ солнце.

Съ тетей Леной чаще игра въ сѣнокосъ: усадитъ Лену на полъ, будто на копицу, а сама около ходитъ, сгребаетъ сѣно. И всякій день увѣряетъ Саша, что куклы ходили гулять и говорятъ, что просохло, что вѣтеръ обѣщалъ не шумѣть, а дождь — не итти.

Снѣгу все меньше, такъ кое-гдѣ бѣлѣетъ, а на желтыхъ нарцисахъ надулись большіе бутоны. Гуляя по саду, Саша вспоминаетъ, какъ было прошлымъ лѣтомъ, какъ ходила купаться мама, какъ играли съ Леной и уронили кружку въ колодецъ.

— Когда снѣгъ сойдетъ, — говоритъ Саша, — мы ее достанемъ: привяжемъ палку, къ палкѣ тряпку и будемъ доставать.

Ждутъ не дождутся весны. И весна, наконецъ, пріѣзжаетъ въ Ватагино — на сошечкѣ, на бороночкѣ, на ржаномъ колосу красна-«макая» — съ тепломъ да съ Пасхою.

Старый да малый — тетушка Евгенія Алексѣевна и Саша — не разберешь.

Сталъ у тетушки костыль пропадать — тетушкѣ подъ сто, безъ костыля ей не въ мочь двигаться. Хватится пройти прогуляться, а костыля нѣтъ. Вотъ и

ищутъ — и Саша ищетъ, и хоть бы улыбнулась, плутовка!

Ну, и тетушка въ долгу не осталась: стали у Саши игрушки пропадать.

Тетушка любитъ проводить время въ уединеніи. Въ сумеркахъ, въ закатный часъ одна садится гдѣ-нибудь въ углу портретной и, глядя на черноглазую жеманницу въ завиткахъ и бантикахъ, передвигаетъ палочки — игрушку «Козло-барановъ». Козлы-бараны мѣрно стукаются деревянными лбами, изъ золотой рамы улыбается жеманница — и улыбается тетушка: на какихъ только веселыхъ балахъ она ни танцовала, а какіе были тогда кавалеры... И вдоволь наигравшись, тетушка прячетъ игрушку, достаетъ другую — любимыя палочки — какого-нибудь Мужика-Медвѣдя: и Мужикъ-Медвѣдь куетъ ей золотое стародавнее время. И ей не кажется, что ужъ скоро ей наступитъ срокъ, нѣтъ... вѣдь ей всего шестнадцать лѣтъ, а, можетъ быть, и меньше.

Встаетъ Саша спозаранку вмѣстѣ съ бабушкой и тетушкой, только одна горничная Поля встаетъ раньше.

Всякое утро тетушка проходитъ въ залъ къ чудотворной иконѣ Ильменьевской Божьей Матери. Лѣвой рукой тетушка строитъ кукишъ — «на отогнаніе бѣса» и, крѣпко держа кукишъ за спиной, принимается молиться. Саша въ однихъ чулочкахъ и лифчикѣ бѣжитъ въ залъ тоже молиться и, неумѣло, по-чудному крестя себѣ лобъ, кланяясь, ловитъ лѣвой рукой трясущійся тетушкинъ кукишъ.

Со страхомъ, путая молитву, озирается тетушка: не отпорхнулъ бы ангелъ хранитель. И часто ей кажется, что отпархиваетъ: день не удается, всѣ тетушку обижаютъ, тетушкѣ не даютъ любимаго пупочка.

Нѣтъ милѣе изъ всѣхъ кушаній, какъ вареный куриный пупокъ. Имъ можно многое сдѣлать: можно заставить Сашу съѣсть супу и говядины, а не кушать одно молоко и безъ хлѣба, можно заставить переодѣться, умыть мордочку — хоть за мытьемъ дѣло не останавливается и другой разъ требуетъ Саша, чтобы и всѣ умывались и безъ всякой нужды, но часъ-на-часъ не приходится, а самое главное — этимъ пупочкомъ можно заставить Сашу не гулять подъ дождемъ.

Тетушка таскаетъ у Саши пупочки и такъ это ловко, что услѣдить невозможно. Хватятся, а отъ пупка только одна жилка тянется.

— Надо откладывать на другое блюдо! — скажетъ тетя Ирина.

Ирина — старшая, и это выходитъ строго.

А тетушка и вида не подастъ. Съѣла.

Съ обѣдомъ вообще не легко. За обѣдомъ всегда что-нибудь да неладное выходитъ.

Сашу усаживаютъ на высокій раскладной стульчикъ, подвязываютъ подъ шейку салфетку. Тетя Лена начинаетъ разсказывать длинныя повѣсти. Содержаніе повѣстей изъ обыденной жизни и съ такою несложной завязкой и съ такими очевидными подробностями, которыя если и бываютъ такъ ясны, то только во снѣ. Разсказывается, напримѣръ, какъ Брюхова Маня въ гимназію уѣзжала. Маня, дядя Миша, сосѣдъ Брюхъ и землемѣръ Бектеръ — безъ нихъ въ повѣстяхъ дѣло не обходится. И подъ такія разсказы Саша кушаетъ. Не дай Богъ тетѣ Ленѣ запнуться и не отвѣтить на прерываемые разсказъ: «почему? гдѣ? сколько? когда? — и на постоянныя поднукиванія: «а дальше?» Тутъ подымется такой крикъ и такія польются слезы, что ни Маня, которая лѣтомъ аккуратно появляется за пер-

вымъ блюдомъ, ни самъ «пупочекъ», никакой коржикъ не утѣшитъ ни слезъ, ни отчаяннаго крика.

А то бываетъ и такъ: садиться за столъ, а Саши нѣтъ; видѣли ее сію минуту тутъ вотъ, и нѣтъ нигдѣ, изъ-подъ носа скрылась. Ума не приложатъ, искавши. Обѣгаютъ садъ, заглянутъ на клунѣ, въ амбарахъ, обыщутъ дровотню, возовню, хлѣвъ, конюшню, а она, какъ ужъ совсѣмъ обезножатъ, при всѣхъ тутъ возьметъ да изъ печи и вылѣзетъ, черная, измазанная — арапъ-арапомъ и такъ смѣется — мертвый въ гробу разсмѣется, и такъ отъ смѣха весело станетъ — до-умора смѣешься.

На кухнѣ тоже осматривайся. Станутъ раскатывать тѣсто, чтобы въ печь хлѣбы ставить, ужъ какъ хоронятся, Надежда ключница и дверь припретъ и табуреткой заставитъ, а Галька примется пѣсни пѣть казацкія и разбойничьи, такъ нѣтъ же, Саша сквозь щель проберется и обязательно своими ручками булку возьмется дѣлать. И покатится тѣсто по полу и уваливается грязное и пыльное, а потомъ — «чтобы печь!»

Одному Кадошкѣ въ удовольствіе — этотъ Кадошка! — ни тронуть, ни выгнать изъ комнаты — Кадошкѣ все и идетъ.

Изъ поколѣнія въ поколѣніе славились Задоры большимъ хлѣбосольствомъ, а съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтъ появилась Саша, и того больше. Не только Кадошку, но и всякаго, хочешь-не-хочешь, подвернулся, Саша напоитъ и накормитъ, прямо напичкаетъ: пей, ѣшь до отвала, только, чуръ, не отказываться. Суетливая дѣвочка.

Сашѣ все хочется, чтобы всякое дѣло самой дѣлать собственными руками. У нея есть своя маленькая метелка изъ бурьяна и всякое утро она полъ мететъ. Метелка больше соритъ, чѣмъ соръ собираетъ, но за

то сколько старанія: подъ каждую кровать залѣзетъ и около каждаго дивана разъ десять нагнется. Порядокъ прежде всего!

Послѣ обѣда Саша играетъ съ Маней въ «калечину-малечину», въ пряталки и въ песочекъ.

Въ «калечину-малечину» играютъ такъ: гдѣ-нибудь у стараго плетня выбираютъ палочку, уставляютъ палочку на указательномъ пальцѣ и, проговоривъ обращеніе: «Калечина-Малечина, сколько часовъ до вечера?» — считаютъ вприпрыжку, пока палочка не свалится, — на какомъ числѣ счетъ оборвется, столько часовъ и осталось до вечера.

У Саши число наибольшее, потому что счетъ у нея свой и ведется по своему: разъ, два, три — десять, двадцать да десять, двадцать да и обсчелся, притомъ Саша хитритъ — большимъ пальцемъ «сосуномъ» палочку придерживаетъ.

Въ пряталки игра всѣмъ извѣстная. Прятаться можно вездѣ: и въ хлѣву и у Дранки въ конуркѣ, только не подсматривать! Саша прячется за дверью — просто, а не догадаешься.

Все это игры мирныя, а вотъ съ песочкомъ всегда неудовольствія. Саша не допускаетъ, чтобы кто-нибудь, кромѣ нея, могъ сдѣлать «канетку». И когда Брюхова Маня подноситъ ей песочную конфетку — да лучше бы не подносила!

Надоѣстъ играть, идутъ въ комнаты. Саша «читаетъ» книжки — ей читаетъ тетя Лена. И многое ужъ знаетъ Саша на память и слушаетъ такъ, будто сама она и Степка-растрепка и Мальчикъ Гоша и Барбосъ, и гримасничаетъ: и гдѣ только такихъ гримасъ подсмотрѣла! Нынѣшнимъ лѣтомъ мама подарила Азбуку съ «Арапомъ», «Индѣйцами», «Египтомъ». Эта Азбука — любимая книга.

Во всякое время любитъ Саша смотрѣть картинки. За много годовъ «Нива» вся пересмотрѣна. Каждая картинка подводится къ жизни въ домѣ, а если ничего нѣтъ общаго, то сочиняются исторіи тоже будто Ватагинскія, но которыя на памяти что-то ни у кого не происходили.

И все Саша разспрашиваетъ и, хоть сама на все свой отвѣтъ и по своему дастъ, не оберешься вопросовъ. Поется ли пѣсня, разсказывается ли сказка или просто такъ что-нибудь говорится, ужъ жди:

— Зачѣмъ осень? зачѣмъ надо ѣсть? зачѣмъ быть здоровой?зачѣмъ Богу молиться?

Итакъ на все безъ конца.

Саша знаетъ Пушкина и Лермонтова. Она показываетъ на портретъ Пушкина и называетъ его «Пушскинъ», а Лермонтова, хоть и показываетъ, а выговорить не можетъ.

Послѣ чтенія книжекъ и разсматриванія картинокъ и безконечныхъ вопросовъ, Саша усаживается за старинное фортепьяно, ей кладутъ на пюпитръ ноты и игра начинается. Ноты необходимо перевертывать, тетради мѣнять, а то Саша сердится.

Она страсть какая сердитая, сердитѣе самого землемѣра Бектера, который слыветъ въ Ватагинѣ «огненной строкой». А «строка», извѣстно, по сердитости первая.

Такъ въ занятіяхъ, и не увидишь, какъ проскочитъ время и день идетъ къ вечеру. Пора на прогулку. Тетя Лена, Маня и Саша отправляются въ поле.

Въ домѣ водворяется тишина. Тетушка съ бабушкой играютъ въ «зѣваки»; въ саду или на кухнѣ варятъ варенье — тамъ тетя Ирина.

И только что мухи войдутъ въ самую сласть поджаристыхъ пѣнокъ, какъ снова шумъ врывается въ

комнаты. Съ поля приносятъ цвѣты, вѣночки и разсказы: кто-нибудь непремѣнно попадется на дорогѣ въ полѣ и больше тѣ изъ знакомыхъ, которыхъ видитъ и знаетъ только Саша и ея неизмѣнный вѣрный спутникъ изъ Азбуки, Арапъ.

Станетъ закатываться солнце, готовится Саша въ кроватку.

Объ эту пору въ капризахъ открываются непостижимыя болѣзни. Чаще заболѣваетъ ножка — и Саша прихрамываетъ. Одно время очень забезпокоились, но ни студентъ Михаилъ Петровичъ, ни докторъ Коротокъ ничего не нашли опаснаго: если и болѣла нога, то у бабушки, у которой всегда къ погодѣ ломитъ ногу.

Прежде чѣмъ уложить Сашу, надо уложить всѣхъ ея куколъ. Куклы готовы, чередъ за Сашей.

Передъ сномъ на горшочкѣ сонными губками разсказываетъ Саша тетѣ Ленѣ, что узнала она новаго на свѣтѣ, и кого нынче встрѣтила, и что-нибудь про Сонъ и какъ собаки лаютъ.

Если была днемъ гроза и гремѣлъ громъ, Саша разсказываетъ о громѣ; если дождикъ шелъ, о дождѣ и еще что-нибудь такое, что большому трудно понять и тетѣ Ленѣ тоже, хоть и привыкла она къ Сашѣ, спитъ съ ней въ одной комнатѣ, ни на шагъ отъ нея не отходитъ.

— Громъ живетъ за небомъ, — разсказываетъ Саша, — тамъ же и тучи; дождикъ живетъ на крышѣ, тамъ же и птички.

Засыпаетъ Саша, а съ нею бабушка Наталья Ивановна и коза Машка, чтобы за ночь Сашѣ молочка приготовить.

Понемногу весь домъ и кругомъ на Ватагинѣ все засыпаетъ.

Не спитъ одна тетушка Евгенія Алексѣевна. Тетушка гадаетъ на картахъ. У нея карты свои — Сведенборга — никогда не обманываютъ. Она гадаетъ на «Амазонкѣ» и «Гишпанцѣ» — кладетъ карты въ четыре ряда по девять въ рядъ. И каково огорченіе, когда какого-нибудь «Астролога» или «Сфинкса» или «Пушки» не хватаетъ въ колодѣ — Сашины проказы.

Изъ караулки выходитъ сторожъ Тарасъ съ колотушкой — стучитъ. И Буцикъ и Мишка и Дранка то залаютъ, то затаятся, то завоютъ въ три голоса — гулко.

— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

Днемъ Сонъ спитъ, а оживаетъ вечеромъ. Съ вечера подымается онъ и къ ночи приходитъ въ домъ. Онъ прямо проходитъ по лѣстницѣ въ башню къ Сашѣ и часто не одинъ. Онъ разсказываетъ сказки или беретъ Сашу за руку и выводитъ изъ башни въ поле — зимой по бѣленькой травкѣ, лѣтомъ по краснымъ цвѣточкамъ. Онъ, какъ и мама, въ саду изъ мальвы дѣлаетъ «барышень»: сорветъ розовый цвѣтокъ, перевернетъ чашечкой вверхъ, перевяжетъ лепестки травой, вотъ вамъ и барышня!

Разъ шли они по полю къ татарскимъ могиламъ, такъ въ Ватагинѣ зовутся курганы, а навстрѣчу имъ волкъ.

— Возьмите, — говоритъ, — меня съ собой погулять, сѣраго!

Вотъ и пошли. Гуляли-гуляли, все по-хорошему — мѣста волку знакомыя, ведетъ гдѣ по-краше. А потомъ у волка ни съ того, ни съ сего хвостъ и отвалился и началъ волкъ убиваться: безхвостому-то непріятно.

А Саша всякую ночь стала кричать: страшно ей — не отвалился бы у нея хвостикъ!

Тетя Лена слышала крикъ и такъ думала, что у Саши животикъ болитъ — погрѣшила на козу, будто это отъ ея молочка сладкаго. Приходилъ студентъ Михаилъ Петровичъ, осматривалъ докторъ Коротокъ, оба микстуру прописали пить черезъ два часа по столовой ложкѣ. Саша микстуру пила и по ночамъ кричала.

Да спасибо Бойчихѣ. Жила-была на селѣ старая-престарая старуха — Бойчиха, хата прямо подъ домомъ. Говорили, что вѣдьма: и портить и пользовать можетъ. Вотъ къ ней и обратились.

— Волка испугалась, — сказала старуха, — можно поправить!

Рано пришла Бойчиха въ домъ, только что затопили печь. Пошептала, поносила Сашу, жесткими земляными пальцами гладила по розовой грудкѣ и по спинкѣ, потомъ взяла галунъ-траву да на галунъ-траву испугъ прямо въ огонь и вывела. Сгорѣла трава и какъ рукой — хоть бы разъ одинъ за ночь крикнула Саша: у волка хвостъ приросъ, теперь и Сашѣ бояться нечего.

А то разъ Сонъ привелъ Монашка. Такого монашка Саша на картинкѣ видѣла: въ черной шапочкѣ, руки сложены такъ. Поставилъ Сонъ Монашка въ ногахъ у кроватки, а самъ вдругъ и пропалъ.

Раскрыла Саша глаза, покликала тетю Лену. Встала Лена, зажгла лампочку: никакого монашка! А Монашекъ-то стоитъ, какъ стоялъ, смотритъ на Сашу: въ черной шапочкѣ, руки сложены такъ.

Въ башнѣ съ тѣхъ поръ по ночамъ горитъ огонекъ.

А Монашекъ, должно быть, свѣта не любитъ: не приходилъ больше.

Зато Сонъ привелъ ей Маку.

Мака Сашѣ понравилась и Саша Макѣ. И привязалась Мака къ Сашѣ, такъ, что даже въ любое время од-

на безъ Сна близко подходитъ къ ней и разговариваетъ. Макина голоса никто не слышитъ, одна Саша, а то, что говоритъ съ Макой Саша, хоть и всѣмъ слышно, но ни слова понять нельзя, слова какія-то... не-русскія.

Если что Сашѣ очень по-сердцу, про то она говоритъ, что оно «макое»: мама — макая, тетя Лена — макая и коза Машка — макая и дядя Миша, если поетъ и когда привозитъ изъ города шоколаду, тоже макой.

Дружба съ Макой, водой не разольешь. Свиданія часты.

— Лена, — говоритъ Саша, прекращая игру или прерывая какой-нибудь занятный разсказъ, — я пойду къ Макѣ.

И подымается на другой конецъ дома въ другую башню, гдѣ хранится фамильный архивъ и библіотека, и гдѣ жилъ когда-то дѣдушка Александръ Павловичъ.

Тамъ живетъ Мака.

***

Сашѣ три года — три тысячи, а можетъ, трижды три тысячи, годами свой вѣкъ Саша не мѣряетъ.

Она думаетъ, что испоконъ вѣку жила въ башнѣ, что она внучка не бабушки Натальи Ивановны, а тети Лены, и считаетъ себя большой и старой, старѣе всего рода Задоръ и старше тетушки, а тетушкѣ не подъ сто, а шеснадцать, а можетъ быть, и меньше.

Саша часто подымается въ Макину башню.

Башня ветхая, мышей много: и въ библіотекѣ и въ архивѣ есть что погрызть, и онѣ днемъ и ночью скребутся.

Тамъ разговариваетъ Саша съ Макой, тамъ караулитъ сѣренькихъ мышекъ и радуется, когда, не боясь

ея глазъ, подходитъ какая-нибудь совсѣмъ близко и умывается лапкой.

Въ дѣдушкиномъ кабинетѣ висятъ портреты: одинъ, когда дѣдушка былъ молодой — въ военной формѣ, и потомъ совсѣмъ старымъ, сѣдой съ большой бородой, а глаза синіе, какъ у Саши.

Саша дѣдушку знаетъ, она дѣдушку видѣла: однажды Сонъ приводилъ его ночью къ кроваткѣ. Дѣдушка сказалъ Сашѣ, что черезъ полтора года совсѣмъ къ ней придетъ. И, забѣгая въ кабинетъ, Саша все ждетъ: не придетъ ли дѣдушка?

Мама разсказываетъ Сашѣ чудесныя сказки: про старика и старуху и про золотую рыбку — про старика и старуху, которые жили у самаго синяго моря; про кота въ сапогахъ, про мальчика-съ-пальчика, про лисичку-сестричку и про царевну-лягушку.

— Хочешь, мама, я разскажу тебѣ сказку! — вызывается Саша, когда мама кончитъ.

— Ну, разскажи.

И Саша разсказываетъ свою коротенькую:

Жили мужики,
ловили рыбку,
ничего не поймали
и спать легли.

Вотъ и вся сказка.

Есть и другая — хитрая «о пѣтушкѣ и медвѣдѣ»: какъ пѣтушокъ съѣлъ медвѣдя.

Саша часто проситъ маму разсказать ей, какая она была, когда была маленькая.

— Когда я была маленькая, я была большая шалунья, — въ сотый разъ разсказываетъ мама, — поставили однажды самоваръ на табуретку и всѣ ушли. От-

крутила я кранъ и задѣла за самоваръ, и самоваръ весь на меня перекувырнулся. Стала я страшно кричать: ошпарила себѣ ноги. Прибѣжала бабушка, прибѣжалъ дѣдушка, прибѣжала тетушка, прибѣжала прабабушка. Уложили меня въ кроватку, послали за докторомъ. Пришелъ докторъ, стали снимать чулочки — а съ чулочками вмѣстѣ и кожа слѣзла. Я плакала: больно мнѣ было, очень плакала. Долго пролежала я въ постели, ноги поправились, другая кожа выросла.

— А третья? — перебиваетъ Саша.

— А третьей не было. Сначала я ползала, разучилась ходить, а потомъ опять ножками стала бѣгать.

Сдвинувъ брови, слушаетъ Саша любимую повѣсть, и когда подходитъ къ концу — «ножки поджили и мама опять стала бѣгать» — Саша вся прояснится:

— Еще!

И мама разсказываетъ сызнова.

— А когда я была маленькая, — вспоминаетъ Саша, — лежала я съ тобой въ колясочкѣ, а потомъ одѣвала тебя...

Но это было давно, такъ давно, когда Саша была маленькая. И, вспоминая свое дѣтство, Саша увѣряетъ, что и опять она будетъ маленькая.

— Кто тебя приласкаетъ, когда я умру, — сказала однажды Саша въ минуту своихъ воспоминанiй и крѣпко обняла маму, будто какъ Медвѣдюшку.

Всякiй день обычно послѣ утренней молитвы съ тетушкой Саша приходитъ маму будить и подымается дымъ коромысломъ: ходятъ медвѣдями на четверенькахъ, бодаются, представляютъ грозу, вѣтеръ, громъ, молнiю, дождикъ. А Саша любитъ еще попугать: она надуваетъ щеки и, крехтя, толстымъ голосомъ говоритъ, что она не Саша, а лягушка-квакушка. Потомъ

мама чешетъ Сашѣ спинку и плечико: очень ужъ Саша любитъ, чтобы ей спинку чесали.

— Пройдись по всей! — проситъ Саша и жмурится.

Мама сказала какъ-то Сашѣ:

— Знаешь, Саша, я видѣла Маку.

Саша погрозила пальчикомъ и, взобравшись на колѣни, сказала на ухо:

— Тише ты, мама, не надо говорить громко.

— Почему же не надо?

— Не надо! — настойчиво и хмуря брови повторила Саша.

— А ты знаешь, какая она, твоя Мака?

— Ты не говори громко, мама, ты никому не говори, — шопотомъ сказала Саша, — Мака... она старая... все проситъ шоколадку, а ѣсть не можетъ, потому что рта у нея нѣтъ, а только два языка.

И, разсказывая такъ о своей таинственной любимой Макѣ, Саша улыбалась — темное родимое пятнышко нѣжило ея улыбку.

СОНЪ — ТРАВА

Дождались весенней поры — а была зима долгая и суровая, снѣгъ по пазуху! — наступили первые теплые дни.

Ясныхъ дней еще нѣтъ, грозный Яръ не отомкнулъ еще неба, огненный, разбудилъ онъ черную землю. И пусть свиститъ въ полѣ вѣтеръ, пусть свистомъ зоветъ зима снѣгъ на помощь — снѣгъ таетъ въ полѣ и по-

темнѣлъ ледъ на рѣкѣ. Вздуется ледъ, поплыветъ рѣка, зашумитъ широкая — —

«Руки наши крѣпки, глаза видятъ ясно и мы поплывемъ!»

Какъ печаленъ и грустенъ первый весенній цвѣтокъ! Синеглазая звѣздочка — сонъ-трава — печально глядитъ и на тяжкихъ рѣсницахъ огонекъ-слеза. Что огорчаетъ ей сердце или ждетъ кого — не дождется, или нѣтъ никого, кто бы утѣшилъ печальное сердце? У цвѣтовъ есть мать, а у сна-травы мачеха. Разбудитъ Яръ землю — проснется земля, но еще спятъ и трава и цвѣты. «Просыпайся, — скажетъ мачеха нелюбимой синеглазкѣ, — выходи на землю, тамъ свѣтло — тамъ давно всѣ твои братья и сестры, тамъ играютъ птицы, а ночью поютъ весеннія звѣзды!» И, послушная, робко выйдетъ она на землю — одна — она одна, еще спятъ подъ землей всѣ ея братья и сестры, трава и цвѣты. Ее въ колыбели никто не баюкалъ, ее на рукахъ никто не няньчилъ. Одна. Оттого и печаленъ и грустенъ первый весенній цвѣтокъ — синеглазая звѣздочка сонъ-трава —

Солнце-солнышко,
выгляни-высвѣти!

Въ тихомъ вечерѣ тихимъ полетомъ плывутъ по теплому небу перелетныя птицы: онѣ всѣ прилетятъ въ свои гнѣзда. Выйдетъ изъ лѣса медвѣдь. И закукуетъ горькая кукушка — —

«Руки наши крѣпки, глаза видятъ ясно и мы полетимъ!»

ВЕРБА

Ужъ заря, золотясь, осыпается розами въ рѣку. Отошли дни-потемы, погасли всполохи. Ужъ по зарѣ златорукое солнце возноситъ руки надъ міромъ, зарное, нѣтъ ему облака, чтобы закрыться — захватитъ все небо. Небо обняло землю — горячо обнимаетъ. И земля принялась за свой родъ.

Первая — верба.

Верба, еще изъ-подъ снѣга, распушивъ алыя гибкія лозы, тихо подымаетъ вѣки — и сѣдыя пушистыя віи озолотились слезами. И куда ни пойдешь и куда бъ ни взглянулъ, встрѣтишь вѣстницу мая — печальную вербу.

«Я — послѣдній и самый любимый, рожденный въ Купальскую ночь, разскажу о моей матери Вербѣ. Моя рѣчь невнятна — я долго молчалъ; мои слова странны — я очень старъ. Я не помню, какъ это было — — мои руки сухи, мои пальцы вялы, а у моей матери руки были влажны, пальцы крѣпки. У меня было много братьевъ, сестеръ, сестеръ-братьевъ; всѣ они были старше и разбрелись по землѣ, кочуя до самаго края. Ихъ было такъ много — ихъ было больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ. Я помню: мои ноги быстры и легки, а во лбу свѣтицвѣтъ купалы. «Ты засвѣти свой цвѣтъ, Купало!» — сказала мнѣ мать. Мы шли, искать новую землю: на старой намъ стало тѣсно. Мы шли долго въ ночи, разскапывали пальцами землю — гадали о будущихъ дняхъ. Черная, сбросивъ бѣлые снѣги, земля лежàла подъ нами и тая, дымилась, а въ ея черномъ сердцѣ завист

свивала гнѣздо. Моя мать сильна и всѣхъ прекраснѣй. И пускай послѣ мая знойные дни и жгучіе вихри, и пускай по болотамъ въ полночь, заманивая путниковъ, сверкаютъ огни-одноглазы, и полднемъ Полудницы летятъ въ пыли вихрей, и пускай, чуя мертвыхъ, вопитъ Корина, и пускай несетъ темная Желя погребальный пепелъ въ своемъ пылающемъ рогѣ — моя мать сильна и всѣхъ прекраснѣй. И на землѣ цвѣтовъ было меньше, чѣмъ моихъ братьевъ, и на землѣ было лѣсу меньше, чѣмъ моихъ сестеръ, и на землѣ рѣкъ-озеръ было меньше, чѣмъ моихъ сестеръ - братьевъ. Я помню — какъ всходить денницѣ на гору, на разсвѣтѣ — мы вступили въ болото: и вотъ черныя руки вдругъ поднялись изъ земли и крѣпко охватили мать подъ грудь сзади, и, обнявъ, повлекли ее въ топь за собою — — Я не помню, какъ это было — я стою на краю трясины и кличу и зову мою мать: «Гдѣ найду я новую землю!» — И кличу братьевъ: «Гдѣ найду я мать!» — — А подъ землей глубоко — вижу — горятъ, какъ свѣчи, глаза. А мать стоитъ — не мать, печальная верба.

РАДУНИЦА

Къ намъ! — торопитесь весенніе вѣтры!

Грачи прилетѣли, пробила ледъ щука, вскрылись рѣки, идутъ, говорливыя, и распушилася верба.

Эй, ты — весна!
Ой, лелю,лелю, весна!

Ужъ прошумѣли грозолетныя тучи, неразгонныя дождемъ пролились студеницы. И ударило молотомъ въ камень — въ зеленый дубъ прямо подъ корень.

Эй, ты — весна!
Ой, лелю,лелю, весна!

По теплому небу алымъ развоемъ наливается роза-заря. Алый вечеръ угасъ. Темная Стрига тьму собираетъ для ночи.

Ночь — кипитъ, распущены темныя косы. А куда ни взглянешь — звѣзды.

Но душа полнѣй печалью.

Эй, ты — весна!
Ой, лелю,лелю, весна!

Къ намъ! — торопитесь весенніе вѣтры!

Ужъ восходитъ изъ нѣдръ ночи Солнце, разрываются тяжкія цѣпи — низвергается Стрига.

И несутся весенніе вѣтры изъ вѣчнаго лѣта, несутъ, колыхая на крыльяхъ — сѣмена лѣсу и полю, а сердцу — любовь. И навѣваютъ горячую въ сердце.

Эй, ты — весна!
Ой, лелю, лелю, весна!

КАМЕННАЯ БАБА

Ушла зима съ морозами, съ трескучими. Взошло солнце — согнало снѣги. Рѣка — полноводная подмыла сучки, вѣтки, отросточки. Весна пріѣхала.

Весна-красна въ аржаномъ колосѣ
на сохѣ, на овсяномъ снопу веселая,
привезла ясные дни, зеленую траву.

Пріударилъ дождь.

И раскинулись кусты, вошли ручьи въ русла, зазеленѣли луга.

Пойте, птицы, и вечеромъ и утромъ —
всѣмъ намъ веселье!

Мы качались на качеляхъ, умылись громовой водой, прыгали черезъ костеръ — вѣтеръ, вода и огонь насъ сохранятъ!

Не сидится въ Кощеевомъ царствѣ: манитъ дорога.

— Будемъ помнить твою ледяную горку, блины и вечера — твои сказки, прощайте!

— Моряну не забудьте: ей въ волнахъ видно! — прокурлыкалъ котъ Копоулъ на прощанье: усатый на огородѣ копался, капусту сажалъ да лукъ.

И снова пошли мы въ путь.

Отъ кургана къ кургану насъ вела ковылевая степь, шелковая, колыхалась волной. И, разлившись широкимъ-широко, улетала, какъ лебедь.

Угрюмо шли верблюды: верблюдъ за верблюдомъ. И стада бѣлыхъ овецъ, пробѣгая, порошили, какъ снѣгъ, зеленую степь.

Ночью мѣсяцъ свѣтилъ, освѣщалъ намъ дорогу.

Эту ночь не пойдемъ, заночуемъ тутъ у кургана, возлѣ той вонъ Каменной бабы.

Вышли звѣзды и въ снѣ замолкла земля.

Баба смотритъ въ ночь — мы на Бабу.

— Что ты, Баба? — что ты смотришь? — что ты знаешь?

— Я Баба не простая, я Каменная баба, — провѣщилась Баба, — много вѣковъ стою въ вольной степи. А прежде у Бога не было солнца на небѣ, одна была тьма, и всѣ мы въ потемкахъ жили. Отъ камня свѣтъ добывали, жгли лучинку — трудно, Богъ и выпустилъ изъ-за пазухи солнце. Диву дались, смотримъ, ума не приложимъ. Повыносили мы рѣшета, давай набирать свѣтъ въ рѣшета, чтобы нести въ ямы. Ямы-то наши земляныя безъ оконъ. Подымаемъ рѣшето къ солнцу, наберемъ полнымъ-полно свѣту, черезъ край льется, а только что въ яму — и нѣтъ ничего. А солнце все выше, припекать стало. Притомились мы сильно, а не удержать свѣта. А солнце жжетъ, хоть полѣзай въ воду. Схватило за сердце, и начали мы плевать на солнце. И вдругъ превратились въ камни. Все видимъ и ничего не можемъ: камни.

Высокая шапка на Бабѣ закачалась и руки, сложенныя на животѣ, поднялись къ каменной груди.

— Да вотъ тоже, все-то бродите, знаю васъ, не въ первой вижу, съ Волхомъ рыскали въ степи, помню... Въ Зеленый великъ-день земля именинница, не скачите, не кувыркайтесь, не стучите, а встаньте по-раньше да поцѣлуйте мать-землю, поздравьте! Да еще животныхъ, скотовъ не обижайте, коней, оленей кормите, поите, приглядайте...

— Баба! Скажи намъ, ты насъ видѣла, ты насъ знаешь: дойдемъ мы до Моря-Океана?

Но Баба ничего не сказала — смотрѣла въ ночь: камень.

А по небу звѣзды серебромъ висли — искали золотые ключи отъ зари.

СКРИПЛИКЪ

Я не знаю, слыхали ли вы или кто изъ васъ видѣлъ — — идете вы лугомъ, вьются-рекозятъ стрекозы, вы наклонились — тише! въ стрекозьемъ кругѣ на тоненькихъ ножкахъ, сухой, какъ сушка, самъ согнулся, въ лапочкахъ скрипка —

Или на теплой вечерней зарѣ, когда жундятъ жуки, идете на жундъ — въ жуковомъ вьюнѣ мордочку видите? Тшь! — скрипочка пилитъ жукомъ и въ тактъ хохолятъ два хохолка —

И въ лѣсу посмотрите, откуда? — пичужки чувырчутъ — листъ не шелести! — въ листьяхъ межъ птичекъ со своей скрипкой, узнали? — да, это скрипликъ.

Всѣ его знаютъ — и звѣри и птицы, всякій жукъ зоветъ:

— скрипликъ —

Учитъ скрипликъ на скрипкѣ пѣнію птицъ, стрекозъ рекози, ремезовъ ремези, жуковъ жунду, кузнечиковъ стрекоту, а зайчатъ мяуку, а лисятокъ лаю, а волчатъ вою, а медвѣдевъ рыку.

Въ лугахъ всякая травка ему шелковитъ, въ лѣсу свѣтитъ свѣтлякъ.

Хорошо по веснѣ, когда птицамъ слетаться въ старыя гнѣзда — идетъ мордочкой къ солнцу со своей со скрипкой, не забудетъ, обойдетъ онъ всѣ гнѣзда, кочки, норы, норки, берлоги: скоро пойдутъ у звѣрья и птицъ дѣти, надо учить.

Я не знаю, слыхали ли вы кто изъ васъ видѣлъ — — учатся звѣри и птицы и всякій муръ и стрекоза, какъ учится и человѣкъ.

ЛУЖАНКИ

Три сестры — бѣлоснѣжныя — Буря, Вьюга, Метель простились съ любимымъ братомъ Вихремъ и ушли за море въ скалы до студеныхъ дней.

Громъ прогремѣлъ, ударилъ въ источникъ — до дна. Трубили небесныя трубы, блистали мечи, летѣли стрѣлы.

И пролился теплый дождь.

До сыта полилъ хлѣбородицу — землю, до-верху наполнилъ рѣки, луга и озера. И грозою — громомъ туго натянулъ литыя серебряныя струны отъ береговъ до береговъ.

Рѣки шумѣли, какъ гусли,
со звономъ половодья звонко
по литымъ серебрянымъ струнамъ
била волна, бѣжала говорливая, несла намъ счастье.

Зазорились ясныя зори, разлистился лѣсъ, зацвѣли всѣ лужайки и рощи, запорошились душистой черемухой сады и погосты, полетѣла изъ улья по цвѣту Ефрея-пчела и затѣснились пчелки-подружки у огорода вкругъ Фелины да Аросиды, старшихъ пчелъ, перекликнулся выпью Водяной съ Лѣшимъ, и на красныхъ холмахъ отъ зари до зари застонали свирѣлью веснянки.

Рѣки шумѣли, какъ гусли,
со звономъ половодья звонко
по литымъ серебрянымъ струнамъ
била волна, бѣжала говорливая, несла намъ счастье.

Ключомъ закипала жизнь въ обогрѣтомъ ожившемъ сердцѣ — и ужъ плещетъ горячая, льется, кипитъ: и тамъ въ небѣ, и тамъ на землѣ, и тамъ въ водѣ, и тамъ въ огнѣ. И какъ просторна, какъ необъятна — и далеко покажется и широко поглянется! — необъятна необозримая весенняя земля съ солнцемъ, мѣсяцемъ, зорями и звѣздами.

Всѣмъ своя воля — до-вольная
разволица —
разволье —
и раздолье!

Чуть заря занялась и по зарѣ запѣла сизая птица, мы ужъ на волѣ — въ пути.

— Лейла, а куда улетѣли, какъ два голубыхъ голубка, твои глаза — голубки?

— Ты ихъ не видишь?

— Гдѣ они?

— Лужанки! Лужанки проснулись!

На лугу въ полой водѣ — я увидѣлъ — купались Лужанки. Подымали брызги — и брызги летѣли, разсыпаясь дробнѣе маку. Такъ весело, такъ рады были зарѣ Лужанки. Кудрились ихъ золотыя кудряшки.

— А мнѣ, Алалей, можно? Я имъ скажу: вы мои братья, Лужанки, я ваша сестрица. И ты тоже скажешь...

— Лейла, смотри, солнце встаетъ!

И загорѣлось — и подъ солнцемъ загорѣлась земля.

И въ первыхъ лучахъ скрылись Лужанки.

— Гдѣ лужанки?

— Улетѣли въ лучахъ.

— А на лугу?

— На лугу ихъ ночь: на лугу они спятъ. На лугу ихъ утро: на лугу они умываются, чтобы къ солнцу летѣть.

— Какіе — золотые... Алалей, я — не Лужанка?

— Ты... ты ихъ сестрица.

Лейла подъ солнцемъ — вся золотая: какъ два голубыхъ голубка, ея глаза-голубки улетали съ лучами — за первыми лучами — за золотыми лужанками — къ солнцу.

Рѣки шумѣли, какъ гусли,
со звономъ половодья звонко
по литымъ серебрянымъ струнамъ
била волна, бѣжала говорливая, несла намъ счастье.

КРѢСЪ

Эна какая — разливная весна!

Повытаялъ снѣгъ съ полей — повынесло ледъ съ рѣки. Разошлась вода со льдомъ — разлились рѣки съ горъ. Протекли мелкія рѣчки, бьютъ ключи и, круглыя полныя съ берегомъ, катятъ озера.

А по розсыпи волнъ на волѣ Водыльникъ. И лишь одна голова — куча сѣнная — торчитъ надъ водой. Ничѣмъ не заманишь чумазаго въ темень на остудное дно, довольно зимой наклевался ершей! — и плыветъ, охмелѣлъ —

— Водыльникъ —

Суховерхое дерево грѣется — веселѣетъ еловая роща — оживаютъ дыбучіе мхи.

Вотъ облако къ облаку — пушистыя облачки сходятся. Пугливо за облако теряется солнце. И ужъ дви-

жется туча хмуро и грузно — заждалась, свистучая, шатаетъ подоблачье.

Горностай тягу далъ подъ малиновый прутикъ — черкнула ласточка.

Да какъ заторандитъ, да какъ загрохочетъ — съ грохотомъ-громомъ катитъ гремящій Громовникъ: съ уклада складено сердце, съ желѣза скованы груди! Торокомъ-вихремъ рѣжетъ Громовникъ небесные снѣги, подымаетъ тугой лукъ — нацѣлилъ — спускаетъ стрѣлу:

— к р ѣ с ъ —

— —

—

И всполонулся отъ искры небесный сводъ — весело-весело горитъ. И земля — подъ топотъ толкучаго грома — просверленная мѣткой стрѣлою, горитъ.

Пробудились! Встаютъ клевучія змѣи, встаетъ все звѣрье и всѣ птицы: и привѣтливыя и догадливыя, хищныя — жалобныя — горегорькія — скоролетныя — златокрылыя — говорящія — касатыя, соколъ, орелъ, соловей, и гусь заблудущій и поскакунья сорока, ворона полетучая, загнанный заяцъ.

Любуясь — по синимъ дорогамъ — уплыло солнце. А за солнцемъ теплая ночь поднялась надъ теплой землей.

На пробойномъ сыромъ берегу вѣщая Мокуша — охраняя молнійный огонь — щелкала всю ночь веретеномъ: пряла горящую нить изъ священныхъ огней.

— Мокуша —

Кузнецы стояли въ кузницахъ, разжигали булатъ-желѣзо: ковали желѣзные обручи на любое сердце.

И водныя Бродницы, плавая тихо, волновали сонныя воды и, чаруя глубокія нѣдра, призывали навовъ изъ темныхъ могилъ.

— Бродницы —

«Проснитесь!
«Наступило всему воскресенье!
«Начинайте весеннюю пляску!

Въ землѣ копошилось — раскатывались камни — разсыпались пески — разступалась земля. А тамъ — ненаглядныя звѣзды! И до зари — какъ всходить ей на небо — звѣзды, играя, свивали тоску, ненаглядныя.

Эна какая — разливная весна!

НЕЖИТЪ

Вотъ пришелъ ярецъ съ ясными днями, поднялъ и слилъ яроводье. Лили дожди и пролились. Канули сиверы.

Съ теплымъ вѣтромъ изъ-за теплаго моря прилетѣли птицы. И текутъ безуемно гульливыя рѣки.

Гуляй, поколь воля!

Выгнана вербой въ поле скотина. Засѣяна черная пашня. Въ полѣ и въ лѣсѣ ночью и днемъ заливаются-свищутъ птицы: перелетныя, не обошли, не забыли наши края — Русь сторона родимая, жить она веселая!

Падаютъ бѣлой зарей большія Егорьевы росы. Рано солнце играетъ. Соловьиные дни.

Гуляй, поколь воля!

Все оживаетъ, все пробудилось. Прогремѣлъ первый громъ, и земля очнулась.

Выглянули мавки съ красныхъ горъ и высокихъ буяновъ — стало не въ мочь имъ въ зимнихъ вершинныхъ могилахъ. Тихо вѣютъ горные вѣтры. Паритъ на солнцѣ.

Встала чуя-змѣя, вывивается: чуетъ снѣдь. Вылѣзъ изъ-подъ коневой головы и самъ неприкаянный Нежитъ, ей встрѣчу идетъ.

Гуляй, поколь воля!

Торна, бойка дорога.

Вотъ обогнулъ онъ старую ель и бредетъ — колыбаются сивыя космы. Подвигается тихо — толчетъ грязи по мху и болоту — хлебнулъ болотной водицы, поле идетъ, другое идетъ, неприкаянный Нежитъ — безъ души, безъ обличья. То переступитъ медвѣдемъ, то утишится тише тихой скотины, то перекинется въ кустъ, то огнемъ прожигаетъ, то какъ старикъ сухоногій — берегись, исказнитъ! — то разудалымъ, и опять, какъ доска, пугало-пугаломъ.

Доли не чаять и не терять — Нежитова доля!

Далѣетъ день. Вечерѣетъ. Въ теплыхъ гнѣздахъ ладятъ укладываться на ночь. Ночь обымаетъ. Ночь загорѣлась.

Затянули на буйвищахъ устяжныя пѣсни. Вѣетъ съ жальниковъ медомъ и сыченой брагой.

Легкая лодка скользнула въ ракитникъ. Раздвинула кустъ Волосатка — пустилась по полю ко двору къ Домовому.

Гуляй, поколь воля!

Въ ночникѣ кони въ полѣ кочуютъ, зоблютъ.

Сѣлъ Нежитъ въ мягкую траву, закатилъ болотныя пялки, загукалъ весну. А на позовъ изъ бора отукаетъ Дивъ.

Гуляй, поколь воля!

Подливаетъ вода — колыхливая рѣчка, подплываетъ къ самымъ воротамъ.

Разъяренилась пѣсня.

А тамъ за рѣкой старики стали въ кругъ — изогнулись — трогаютъ землю: гадаютъ — «пусть провѣщаетъ Судина!» И волшанскіе жеребья кинуты. — Слышитъ ярое сердце, чуетъ судьбу, похолодѣло. — Рѣзвый жеребій выпалъ: злая доля выпала ярому сердцу!

Яромъ туманы идутъ. Поникаетъ потокъ. Пѣтуха не добудишься! Дубъ развертываетъ листья. И матерь-земля родитъ буйную зель.

КОЛОВЕРТЫШЪ

Широкая, уныла день и ночь, Булатъ-рѣка, тиноватая, въ обсыпчатыхъ крутыхъ берегахъ съ пугливой рыбой.

Мы умылись въ рѣчкѣ, переѣхали Соловьинымъ перевозомъ, и вошли въ густой лѣсъ. И всю ночь до зари по темнымъ, тайнымъ дорогамъ: всю ночь то сквозь трущобы, то пропастями.

Трижды далеко пѣтухи пропѣли — трижды клевуны пропѣли: взошла заря. И на зарѣ въ подсвѣтѣ девять кудрявыхъ дубовъ остановили нашъ путь.

У девяти дубовъ, между двѣнадцатью корнями избушка на курьей ножкѣ.

Тихо обошли вокругъ избушки, заглянули въ три окна: не повернулась къ намъ избушка. И въ окнахъ ни души — ни крика, ни шума, ни суетни.

На крышѣ сѣрая сова — чортова птица, а у курьей ноги, у дверей, пригорюнясь, трусикъ не трусикъ, кургузый и пестрый, съ обвислымъ, пустымъ вялымъ зобомъ.

— Какой печальный!

— Слѣпой, какъ птица сова?

— Сова не сова, днемъ и ночью разбираетъ дорогу.

— А это что за мѣшокъ?

— Это зобъ: въ него онъ все собираетъ, что вѣдьма достанетъ — масло, сливки и молоко, всю добычу. Наберетъ полонъ зобъ и тащитъ за вѣдьмой. А дома все вынетъ, какъ изъ мѣшка. Вѣдьма и ѣстъ: масло, сливки и молоко.

— Коловертышъ!

— Да, коловертышъ.

Поднялись по ступенчатой лѣстницѣ къ двери, прiотворили на мышиный глазокъ.

— Нѣтъ вѣдьмы, — остановилъ Коловертышъ, — нѣтъ хозяйки: парившись въ печкѣ, задохнулась ужъ тридцать три года.

— Эко несчастье!

— Тридцать три года! — взгрустнулъ Коловертышъ, — а бывало-то, мѣсяцъ старѣетъ и вѣдьма старѣетъ, мѣсяцъ молодѣетъ и вѣдьма молодѣетъ, вчера она старая кваша — и не посмотришь, а завтра посмотритъ — и вынетъ всю душу. А горька, какъ сажа, сладка, какъ медъ, надменна, какъ вепрь, язвительна, какъ слѣпень, ядовита, какъ змѣя. Разрывала оковы, что нитку, захочетъ — змѣя уйметъ, его ярое жало, а

захочетъ — суше вѣтра изсушитъ, суше вихря, суше подкошенной травы. Вотъ она какая!

— Латымирка!

— Ужъ тридцать три года.

— А какъ тебя сдѣлала вѣдьма?

— Изъ собаки — мудреное дѣло: ощенилась наша Шумка — Шумку волки съѣли! — взяла вѣдьма «мѣсто», гдѣ щенята у Шумки лежали, пошептала, перетащила въ избу въ задній уголъ подъ печку, а черезъ семь дней я на бѣлый свѣтъ и вышелъ. Я — Коловертышъ, въ родѣ собачьяго сына. Съѣшьте меня, ради Бога, мнѣ скучно!

— Что ты... мы не сѣрые волки! Да чего горевать: ты другую найдешь... Шумку!

Трусикъ не трусикъ, кургузый и пестрый, съ обвислымъ, пустымъ вялымъ зобомъ — бултыхалъ Коловертышъ пустымъ, вялымъ зобомъ:

— Кого нѣтъ, того негдѣ взять... Съѣшьте меня, ради Бога, мнѣ скучно! — капали крупныя слезы изъ собачьихъ вѣрныхъ глазъ.

Туркнулись въ дверь — и попали въ избушку.

У самыхъ дверей ступа, и изъ нея, какъ заячье ухо, торчалъ залежанный войлокъ: видно, въ ступѣ свилъ себѣ прочно ночное гнѣздо Коловертышъ. Рядомъ со ступой помело — длинное, подъ потолокъ, и кочерга. По угламъ пустая посуда: въ эту посуду Коловертышъ когда-то выкладывалъ изъ зоба добычу: масло, сливки и молоко. А на стѣнѣ, въ красномъ углу болтался замызганный лысый воловій хвостъ, и ожерельемъ висѣли вкругъ хвоста сушеныя змѣи, кузнечики, песьи кости, ящерицы, акулье перо и оленьи рога. А на треногомъ столѣ — корки, крошки и черепки. А у печки — громовый камень, угли, кремень, кресало, горшокъ

золы: знать, у печки распоряжалась сова. И вездѣ паутина — по щелямъ, по потолку, по угламъ.

Вотъ гдѣ жила вѣдьма Латымирка: старѣла, какъ мѣсяцъ старѣетъ, и молодѣла, какъ молодѣлъ старый мѣсяцъ, а горька, какъ сажа, сладка, какъ медъ, надменна, какъ вепрь, язвительна, какъ слѣпень, ядовита, какъ змѣя, захочетъ — змѣя уйметъ, его ярое жало, а захочетъ — суше вѣтра изсушитъ, суше вихря, суше подкошенной травы.

— Съѣшьте меня, ради Бога, мнѣ скучно! — кряхтѣлъ Коловертышъ за дверью у курьей ноги.

Вотъ гдѣ живетъ Коловертышъ, оголодалый, ничѣмъ не утѣшенъ и никогда — ни днемъ подъ солнцемъ, ни ночью подъ мѣсяцемъ, ни ранними росами, ни вечерней зарею — безъ вѣдьмы, безъ своей хозяйки, вѣрный вѣдьминъ помощникъ, который въ родѣ собачьяго сына.

Постояли мы въ избушкѣ, поглядѣли, подумали — и за порогъ.

И у девяти кудрявыхъ дубовъ опять постояли, поглядѣли, подумали и, напившись ключевой воды у обожженнаго молніей мокрецкаго дуба, дальше въ недальній - неближній путь по тернистой тропинкѣ за унылую Булатъ-рѣку.

— Прощайте! Прощай, Коловертышъ!

Коловертышъ не тронулся съ мѣста, и лишь сова вспорхнула на окликъ.

— А вѣдьмины кости, косточки, костки воронъ въ поле унесъ, — Воронъ Вороновичъ, ужъ тридцать три года, а Шумку волки съѣли! — кричала вдогонку сова, чортова птица.

ХОВАЛА

Наволокло — небо нахмурилось.

Подымалась гроза, становилась изъ края въ край, закипала облакомъ — и вдругъ поднялись вѣтряницы, полетѣли съ горъ, нагнали вѣтеръ и вихорь — вихри воюютъ! — и, гремучая, угрюмо прошла стороной.

Не пропустило дождемъ — и осталась земля не умытая, не напоена.

Не переможешь жары, некуда спрятаться.

Ходило солнце по залѣсью, сушило въ саду шумливую яблонь, а въ полѣ цвѣты. И жаркое сѣло.

Угрѣвный день смѣнился душной ночью. По топучимъ болотамъ зажглись свѣтляки, а не небѣ красная звѣзда — одна — вечерняя.

Поднялся Ховала изъ теплой риги, поднялъ тяжелыя вѣки и, ныряя въ тяжелыхъ склоненныхъ колосьяхъ, засвѣтилъ двѣнадцать каменныхъ глазъ, и полыхалъ.

И полыхалъ, раскаляя душное небо.

Тамъ пожаръ — тамъ разломится небо — и покончится бѣлый свѣтъ! Пустить бы голосъ черезъ темный лѣсъ — не заслышатъ. Да и нѣтъ такого голоса.

И куда-то скрылся Вындрикъ-звѣрь — Вындрикъ-звѣрь мать звѣрямъ. Или землю забылъ? А когда-то въ засуху копалъ рогомъ колянную, выкопалъ ключи, пустилъ воду по рѣкамъ, по озерамъ.

Или пришло послѣднее время: хочетъ звѣрь повернуться?

И куда-то улетѣла Страфиль-птица — Страфиль-птица мать птицамъ. Или свѣтъ забыла? А когда-то, какъ нашла грозная сила и міръ содрогнулся, одолѣла она силу, схоронила свѣтъ подъ правое крыло.

Или пришло послѣднее время: хочетъ птица встрепенуться?

И куда-то нырнулъ Китъ-рыба — Китъ-рыба мать рыбамъ. Или покинулъ землю? А когда-то, какъ строили землю, легъ Китъ въ ея основу, и съ той поры держитъ ее на своихъ плечахъ.

Или пришло послѣднее время: хочетъ рыба ворохнуться?

Грозятъ каменныя очи, полыхая, ныряетъ Ховала — съ пути его не воротишь!

И омлѣла красная вечерняя звѣзда.

МАРА-МАРЕНА

Охватила заря край земли — вечерѣется день — вечерняя тихо поблекаетъ заря.

Смородина дремлетъ: голубыя, огрѣтыя солнцемъ, отлились ея вешнія воды.

Прошли къ берегу по-воду: зноятся лица, поизмята шитая рубаха, примучились плечи. Не за горами горячей порѣ, довольно морозу пугать съ перезимья — полегли и заснули морозы въ стрекучей крапивѣ. Пойдутъ хороводы — заиграютъ пѣсни — полетятъ за густымъ бѣлымъ облакомъ сквозь зарю, съ вечерней зари и до бѣлаго дня, купальскія «лелю».

По край болота жили лягушки — квакчутъ.

И тихо разсыпались звѣзды, ну — свѣчи, повитыя золотомъ нелитымъ, нетянутымъ.

Идетъ по луговьямъ, по нивѣ Мара-Марена, кукуетъ тихо и грустно, изнимаетъ тоскою дорогу — шумятъ на шатучей осинѣ листья безъ вѣтра, клокочетъ кипучъ-ключъ гремучій.

Идетъ — не топчетъ травы, не ломаетъ цвѣтовъ.

Съ полпути оглянулась — заглядѣлась печально — и далеко звѣздой просвѣтила — — зеленѣютъ луговья, наливается колосомъ нива, боровая ягода зрѣетъ.

Брякъ подъ окошкомъ! — Тамъ кто-то клянется.
— Зачѣмъ ты кланешься Землею и Солнцемъ? Положу ни во что твою клятву. Мара-Марена взглянетъ: просвѣтитъ — скраситъ весь свѣтъ; и она же погубитъ: все пойдетъ по ея, все погибнетъ! Въ одной рукѣ серпъ, въ другой зеленый вѣнокъ: она сердце изсушитъ, подкоситъ вѣковое, разорветъ неразрывное, вздуетъ вѣтры, засыплетъ сыпучимъ снѣгомъ и самое яркое солнце, размахаетъ крѣпкіе дубы — затмится на радости день и не увѣдаетъ милый о милой, забудетъ.

Идетъ — — замутила Смородину, открываетъ кувшинки и дальше — на гору; горы толкутся; и дальше — долиной по большому полю.

И вздымала во слѣдъ непогожая туча съ большимъ дождемъ, непроносная.

Камнемъ шибается къ звѣздамъ Могуль — и счастье-перо, кипя смолой, падаетъ счастливому.

Стой! — не пріунять, не укротить безповиннаго сердца, бьетъ черезъ край.

Тамъ волкъ, зачуявъ свою смерть, завылъ —

И смыкается небо съ землею.

МАРУНЪ

Заморилась ильинская муха, заросла путь-дорога. Озимое поле вспахали — счастливо засѣяли. Не оттянуться осенней порѣ, падаетъ желтый листъ.

Вихорь, прогнавъ полевые вѣтры, сталъ на полетѣ.

И мглистое утро окуталось тихимъ дождемъ.

Или съ моря ужъ вышли бѣлоснѣжныя вѣтровы сестры — Буря, Вьюга, Метель, идутъ черезъ озера по бѣлому камню, по чернымъ корнямъ, по мхамъ и болотамъ, несутъ стужу съ ненастьемъ, по пути подымаютъ погоду — желтые листья.

Вихорь-олень у сосны: увядала сосна, разломанная молніей въ щепы.

— Скажи намъ о сестрахъ: ты знаешь о морѣ, и островъ, гдѣ проводятъ бѣлыя сестры красные лѣтніе дни.

«На морѣ — не на Студеномъ, на Варяжскомъ острова Оланда — скалистый островъ Бурь-бурунъ. Четыре рыбы держатъ островъ: одноглазыя флюндры и крылатыя симпы. Царь Буръ-бурана, властитель Оланда, Марунъ. Тронъ его изъ алаго мха, царскій вѣнецъ изъ луннаго ягеля, мечъ и щитъ изъ гранита. Онъ сидитъ на острой скалѣ высоко надъ моремъ, слушаетъ волны. А вкругъ его — змѣи, а надъ нимъ — альбатросы, и по морю мимо печальные бѣлые бриги и шкуны. А онъ неподвиженъ на своемъ аломъ тронѣ, лунный, какъ мохъ-ягель, пасть раскрыта — онъ слушаетъ волны. Никто не взойдетъ на скалы, никто не ступитъ на берегъ, никто не обойдетъ островъ, и толь-

ко безстрашный, вызывающій смерть, викингъ Сталло, закованный въ сталь, бросаетъ безстрашно якорь. А царь Бурь-бурана, властитель Оланда, Марунъ не видитъ ни печальнаго бѣлаго брига, ни альбатросовъ, ни змѣй, ни викинга Сталло, онъ слушаетъ волны. На морѣ — не на Студеномъ, на Варяжскомъ острова Оланда — скалистый островъ Бурь-Бурунъ».

— Тамъ и лѣтуютъ бѣлыя сестры — Буря, Вьюга, Метель.

Куталось мглистое утро — тихій дождь — желтые листья.

ДОЛЯ

Укатилось солнце за горы. Зажглись на облакахъ звѣзды — ясныя и тусклыя по числу людей, рожденныхъ отъ вѣка. А отъ Косарей по Становищу души усопшихъ — изъ звѣздъ свѣтлѣе свѣтлыхъ, охраняя пути солнца, повели Денницу къ восходу. И сама Обида-Недоля, не смыкая слезящихся глазъ, грохнулась на землю подъ терновый кустъ.

Родимая звѣзда, блеснувъ, украсила ночное небо.

«Мать пресвятая, позволь положить тебѣ требу: вотъ хлѣбы и сыры и медъ — не за себя, мы просимъ за Русскую землю.

«Мать пресвятая, принеси въ колыбель ребятамъ хорошіе сны: они съ колыбели хирѣютъ, кожа да кости, галчата, и кому они нужны, уродцы? А ты постели имъ дорогу золотыми камнями, сдѣлай такъ, чтобы вѣкъ была съ ними, да не съ кудластой рваной Обидой, а съ красавицей Долей, измѣни нашъ жалкій удѣлъ въ счастливый, нареки на ново участь безталанной Руси.

«Посмотри, вонъ растерзанный лежень лежитъ — это наша бездольная Русь: ее повзыскала Судина, добралась до головъ — тамъ, отчаявшись, на разбой идутъ, тамъ много граблено, тамъ хочешь жить, какъ тебѣ любо, а самъ лѣзешь въ петлю.

«Или благословеніе твое насъ миновало или родились мы въ бѣдную ночь и вѣкъ останемся бѣдняками, такъ ли намъ на роду написано: быть несуразными, дурнями — у моря быть и воды не найти?

«Огонь охватилъ нашу жатву, пылаютъ нивы, на морѣ бурей разбило корабль, разорены до послѣдней нитки.

«Смилуйся, Мать, посмотри, вонъ твой сынъ съ кускомъ хлѣба и палкой бросилъ домъ и идетъ по катучимъ камнямъ — куда глаза глядятъ, а злыдни — спутники горя, обвиваясь вкругъ шеи, шепчутъ на уши: «мы отъ тебя не отстанемъ!»

«Вѣщая, лебедь, плещущая крыльями у синяго моря, Мать земли — Матерь-земля! Ты читаешь волховную книгу, попроси творца міра, сидящаго на облакахъ Солнце-Всевѣда, онъ мечетъ сѣмена на землю, и земля зачинаетъ и міръ весь родится, попроси за насъ, за нашу Русскую землю!

«Нѣтъ намъ мѣста, и не знаемъ, куда дѣваться отъ Кручины и Лиха?

«И если бы нашелся изъ насъ хоть одинъ, кто бы ударилъ ее топоромъ или спустилъ въ яму и закрылъ камнемъ или бросилъ бы въ рѣку или, защемивъ въ дерево, забилъ бы въ дупло или запряталъ бы ее подъ мельничный жерновъ, худую, жалкую, черную долю — нашу злую судьбу.

«Мы отупѣли — и горды, мы не разрѣшили загадокъ — и спокойны, всѣ письмена для насъ темны — и мы возносимъ свою слѣпоту... Мать, повели имъ,

всѣмъ празднымъ, всѣмъ забывшимъ Тебя — забывшимъ родину, твою землю и долгъ передъ ней, и пусть они своимъ потомъ и кровью удобряютъ худородную, истощенную, заброшенную ниву...

«И неужели Русской землѣ Ты судила Недолю — и всегда растрепанная, несуразная, съ дикимъ хохотомъ, самодовольная, униженая и нищая, будетъ она пресмыкаться, не скажетъ путнаго слова?

«Мудрая, вѣщая, знающая судьбы, равно распредѣляющая свои удѣлы, подай намъ счастье! Не страшна намъ смерть — мы клянемся тебѣ до послѣднихъ минутъ жизни отдать всѣ наши силы и умереть, какъ ты захочешь — намъ страшно твое проклятіе.

«И посмотри, вонъ тамъ молодая счастливая Доля, въ свѣтѣ зари словно говорящая солнцу: «не выходи, солнце, я уже вышла!» — она намъ бросаетъ свою золотую нить.

«Мать пресвятая, возьми эти хлѣбы и сыры и медъ съ нашихъ полей и свяжи нашу нить съ нитью Доли, скуй ее съ нашей, свари ее съ нашей нераздѣльно въ одной брачной долѣ на вѣкъ.

БОЛИ-БОШКА

Тихо идемъ по послѣдней тропинкѣ. Заторъ за нежданнымъ заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу. Въ темную ночь намъ зоритъ зарница. А далеко за осѣкомъ зрѣютъ хлѣба.

Держимся крѣпко — рука съ рукою. — Кто-то немножко боится. — Глухо, заказано мѣсто, зарочна тропинка. Трудно, пройдя черезъ степь, черезъ поле, черезъ рѣку и рѣчку, черезъ болото, выйти изъ темнаго лѣса!

Ватажится лѣшая сворь: не хочетъ пускать — такъ не отпуститъ!

А ягодъ, грибовъ — обору нѣтъ. Полонъ кузовъ несемъ.

Лѣсовикъ насъ не тронетъ: лѣсовикъ пріятель водяному и полевому — водяной съ полевымъ намъ, какъ свои — лѣсовикъ насъ пропуститъ.

— Лѣсовикъ-лѣсовикъ, на тебѣ ягодъ: ты — съ лѣса, мы — въ лѣсъ!

А завтра, когда забрежжитъ и, алѣя, дикая роза — другъ-поводырь — пойдетъ, осыпая, прощаться, раннимъ рано расколыхнется Мое — Море-Океанъ.

Тихо идемъ по послѣдней тропинкѣ. Валежникъ и листья хрустятъ.

Тише! вонъ и самъ Боли-бошка! Почуялъ, подходитъ: весь измодѣлый, карла, квелый, какъ палый листъ, птичья губа, востренькій носикъ, самый рукастый, а глаза, будто печальные, хитрые-хитрые.

Была-не-была, чуръ, не поддаваться! Заведетъ этотъ лѣшка въ зыбель-болото, гдѣ самъ чортъ ощупью ходитъ: и позабыть намъ про Море.

— Не видали ли, гдѣ я сумку потерялъ? — кличетъ Боли-бошка.

— Нѣтъ, не видали.

— Поищите!

— Что ты! — шепчу встрепенувшейся Лейлѣ, — не знаешь его? У этого лѣшки отродясь никакой и не было сумки. Это нарочно. Вотъ ты нагнешься, искавши, а онъ тутъ-какъ-тутъ, да на шею къ тебѣ, да петлей и стянетъ. И позабыть намъ про Море.

Тѣсна, узка тропинка. Путаетъ папоротникъ. Вспыхиваетъ свѣти-цвѣтъ — волшебный купальскій цвѣтокъ.

— Хочешь, Боли-бошка, ватрушку?

— Поищите! — тянетъ свое Боли-бошка: то пропадаетъ, то станетъ — ничѣмъ его не прогнать, ничѣмъ не расшухать.

Тихо идемъ по послѣдней тропинкѣ. Заторъ за нежданнымъ заторомъ встаетъ въ заповѣдномъ лѣсу. Въ темную ночь намъ зоритъ зарница. А далеко за осѣкомъ зрѣютъ хлѣба.

Держимся крѣпко — рука съ рукою.

— А Море, — бьется сердце у Лейлы, — Океанъ не замерзаетъ?

— Нѣтъ, никогда не замерзнетъ, не проволнуетъ волна: море и лѣто и зиму шумитъ. Непокорное, пескомъ его не засыплешь, не перегородишь. Необъятное — глубину не извѣдаешь и слезой не наполнишь. Море бездонно, безкрайно — обкинуло землю. А разыграется — топитъ. А какія въ морѣ водятся рыбы, какія по морю летаютъ бѣлогрудыя птицы! И береговъ не видать. А корабли одинъ за другимъ уплываютъ неизвѣстно куда...

— И мы поплывемъ?

— И мы поплывемъ, Морского царя увидимъ, Крылатаго змѣя...

— А ежикъ — онъ насъ не съѣстъ? — и глаза-ненагляды синѣютъ, что море.

Скоро-скоро забрежжитъ. И пойдетъ, осыпаясь, прощаться дикая роза — другъ-поводырь.

Легкій вѣтеръ ужъ вѣетъ. Тамъ Моряна волны колышетъ. И, ровно колоколо, бьетъ Море — непокорное, необъятно, необозримое Море-Океанъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ

ОБЪЯСНЕНІЯ

Посолонь — по солнцу, какъ ходитъ колесо года — съ весны на зиму. Церковно-славянское: слънь (слонь) — слънь-це (слоньце); древне-русское сълънь (солонь) — сълънь-це (солоньце); по-сълънь (посолонь). На Спиридона-поворота (12 декабря) солнце поворачиваетъ на лѣто — зимній солоноворотъ, съ Ивана-Купала (24 іюня) идетъ на зиму — лѣтній солоноворотъ.

стр. 14 — **Красочки.** Игра. Выбираютъ считалкой Ангела и Бѣса. (Примѣръ считалки: «Федя-Медя. Съѣлъ медвѣдя. Продалъ душу. За лягушу. Родивонъ. Выди вонъ»). Остальные называютъ себя какимъ-нибудь цвѣткомъ; названія цвѣтовъ объявляютъ Ангелу и Бѣсу. Ангелъ и Бѣсъ должны разобрать цвѣты. Сначала приходитъ Ангелъ, звонитъ, спрашиваетъ цвѣтокъ, потомъ приходитъ Бѣсъ, стучитъ, спрашиваетъ цвѣтокъ. Такъ, чередуясь, разбираютъ цвѣты. Играющіе составляютъ двѣ партіи: цвѣты Ангеловы и цвѣты Бѣсовы. Ангелъ приступаетъ къ исповѣди, а Бѣсъ съ своей партіей искушаетъ — разсмѣиваетъ. Вся игра въ томъ и заключается, чтобы разсмѣять: кто разсмѣется, тотъ идетъ къ Бѣсу.

стр. 14 —**красочки** — цвѣты. Говорится: итти по красочки, собирать красочки. Хлѣбъ въ краскѣ — время цвѣтенія.

стр. 14 — **вертушка** — непосѣда.

стр. 16 — **юлой юлятъ** — егозятъ; юла — волчокъ.

стр. 16 — **гуготня** — хохотъ, пискъ, шушуканье, прыскъ сорвавшагося, долго сдерживаемаго смѣха, все вмѣстѣ.

стр. 16 — **рогача-стрекоча задавать** — выверты вывертывать. Тутъ дѣло идетъ о бѣсенятахъ: извѣстно, бѣсенята отскочатъ да боднуть — такая у нихъ игра. Рогачъ — ухватъ; рогачи — вилы. Стрекоча — стреконуть.

стр. 18 — **Кострома.** Игра. Выбираютъ считалкой Кострому или кто изъ большихъ разыгрываетъ ее, остальные берутся за руки, дѣлая кругъ. Въ середку круга сажаютъ Кострому и ходятъ вкругъ нея хороводомъ. Изъ хоровода коноводъ или хороводница допытываетъ у Костромы, что она дѣлаетъ? Кострома отвѣчаетъ — она дѣлаетъ все, что обыкновенно дѣлается: встаетъ, умывается, молится Богу, пьетъ чай, занимается дѣлами, гуляетъ, въ баню идетъ, опять пьетъ чай и, какъ всякій, въ свой чередъ, умираетъ. И когда она померла, ее несутъ хоронить, но дорогой она внезапно оживаетъ. Окончаніе игры — веселая свалка.

«Похороны Костромы», какъ обрядъ, совершался когда-то взрослыми. Въ Русальное заговѣніе на Всесвятской недѣлѣ (воскресенье передъ Петровками) или на Троицу и Духовъ день дѣлалось чучело изъ соломы и съ причитаніями хоронили: топили въ рѣкѣ или сжигали на кострѣ. Въ Купальской обрядности рядомъ съ куклой-женщиной (Кострома, Мара-Марена) употреблялась и мужская (Ярило, Кострубонько). Миѳъ о Костромѣ-матери вышелъ изъ олицетворенія хлѣбнаго зерна: зерно, похороненное въ землю, оживаетъ на волѣ въ видѣ колоса. См. проф. **Е. В. Аничковъ,** Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. Спб. 1903-5.

стр. 18 — **кострома** — костерь — жесткая кора конопли, костеръ.

стр. 18 — **лепуны** — прозвище дѣтворѣ: лепетать, лопотать.

стр. 19 — **чувыркаютъ-чивикаютъ** — воробьиное щебетанье: «Какъ на крышѣ, на повѣти воробей чувыркалъ»... (Пѣсня).

стр. 20 — **бросаются всѣ взахлестъ** — одинъ за другимъ безостановочно: насѣдая, вцѣпляются въ Кострому удавкой — такъ, что ей ужъ никакими силами не выбраться изъ петли дѣтскихъ рукъ.

стр. 20 — **калиновый мостъ** — символъ молодости и счастья. «Ой, нагнала лѣта мои на калиновомъ мосту; ой, вернитеся, вернится, хоть на часокъ, въ гости»! (Пѣсня).

стр. 21 — **зеленей зеленятся:** зеленя, зель — озимь въ противоположность яровому, яри.

стр. 21 — **по чернымъ утолокамъ:** толока — паръ, пустое поле.

стр. 21 — **по пробойнымъ тропамъ** — по торнымъ тропамъ; пробой — выбоина.

стр. 21 — **гиблое болото** — губящее.

стр. 21 — **Лѣснь-птица** — миѳическая: живѐтъ въ лѣсу, поетъ безпросыпу. Въ заговорѣ «отъ зубъ денной»: «лѣснь-птица умолкаетъ, умолкни у раба твоего зубы ночные, полуночные, денные, полуденные».

стр. 21 — **Егорій кнутомъ ударяетъ:** св. Георгій — скотопасъ, всѣ звѣри у него подъ началомъ. Егорій вешній — 23 апрѣля.

стр. 22 — **Кошки и Мышки.** Игра. Выбираютъ считалкой Кошку и Мышку. Остальные берутся за руки и дѣлаютъ кругъ. Въ кругъ — на конъ пускается Кошка, а за кругомъ бѣгаетъ Мышка. У Кошки и у Мышки имѣются условленныя свои ворота, черезъ которыя можно имъ входить и выходить: однѣ пары играющихъ подымаютъ руки только для Кошки, другія только для Мышки. Вся игра въ томъ, чтобы Кошка поймала Мышку.

стр. 222 — **тащили кулекъ съ костяными зубами:** когда у дѣтей выпадетъ зубъ, его надо бросить подъ печку мышкамъ — «на тебѣ мышка зубъ костяной, а дай мнѣ желѣзный».

стр. 22 — **заячьи ушки** — ландыши.

стр. 22 — **Громовая стрѣлка** — чортовъ палецъ, сплавъ, который образуется отъ удара молніи въ песчаную почву. Эта Громовая стрѣлка ведетъ мѣну съ мышками: за зубъ костяной даетъ зубъ желѣзный. А мышки потомъ дѣтямъ раздаютъ. Вотъ почему мышки къ Громовой стрѣлкѣ и пробираются съ кулькомъ.

стр. 22 — **свистуха** — непосѣда.

стр. 22 — **Котъ-котонай** — Котофей. «Ужъ ты котъ-котонай, ужъ ты сѣренькій котокъ, кудреватенькій». (Пѣсня).

стр. 23 — **строковать:** строка изъ породы слѣпней, липнетъ къ котамъ и кусаетъ очень больно.

стр. 25 — **Гуси-лебеди.** Игра. Выбираютъ считалкой Мать-Гусыню и Волка. Остальные, изображая стадо, бѣгутъ на выгонъ въ поле. Потомъ, когда на зовъ матери гуси собираются домой уходить, ихъ перенимаетъ Волкъ. Мать идетъ выручать и, найдя

своихъ, нападаетъ на Волка. Топятъ баню и моютъ Волка. Развязка самая шумная.

стр. 25 — **черти бились на кулачки** — предразсвѣтный сумракъ — лисья темнота.

тср. 25 — **рай-дерево** — сирень.

стр. 26 — **древяницы и травяницы** — духи деревьевъ и травъ.

стр. 26 — **одолень-трава** — одолѣй-трава — дурманъ.

стр. 26 — **водяники** — водные духи, русалки.

стр. 27 — **Кукушка.** Игра. Крестятъ кукушку на Николу, на Семикъ или на Троицу: гурьбой отправляются дѣвочки въ лѣсъ или въ рощу, дорогой, отыскавъ траву-кукушку наряжаютъ ее дѣвочкой, а другую траву-кокуна мальчикомъ, обѣ травки кладутъ подъ березу, на сукъ вѣшаютъ крестъ-тѣльникъ, ставъ другъ противъ друга подъ крестомъ кумятся — протягиваютъ одна другой руки и, поцѣловавшись, перемѣняютъ мѣсто, такъ трижды. Потомъ раскладываютъ костеръ и готовятъ яичницу. Завиваютъ вѣнки, цѣлуются черезъ вѣнки и пускаютъ на рѣку.

Обрядовыя дѣйствія, вырождаясь у большихъ, переходятъ къ дѣтямъ въ видѣ игры. Древнія обряды «Купальскаго кумовства» съ завиваніемъ вѣнковъ, со сплетеніемъ травы, волосъ, съ поцѣлуями и пѣснями перешли въ игру «Крещеніе кукушки».

стр. 27 — **прилетѣлъ куликъ изъ-за моря** — куликъ прилетаетъ 9 марта на святые Сороки (сорокъ мучениковъ). Въ этотъ день пекутся жаворонки.

стр. 27 — **виловатая сосна** — развилистая.

стр. 27 — **на красѣ** — на басѣ, всѣ только и любуются.

стр. 27 — **гора-круча** — обрывистый холмъ.

стр. 27 — **кукушка** — символъ тоскующей и судьбы.

стр. 28 — **ворогуша** — ворогуха, ворожея — лѣсная.

стр. 28 — **въ пѣтушкахъ** — цвѣты травы, подымающіеся изъ листа, будто пѣтушиная шейка. Если взять траву и, зажавъ ее въ ладоняхъ, приложить губы къ большимъ пальцамъ и дуть, то можно прокукурекать не хуже молодого пѣтуха.

стр. 28 — **чуриканъ** — сверчокъ, кузнечикъ.

стр. 29 — **У лисы балъ.** Игрушка. Десять фигурокъ укрѣплены на скрещенiи сдвигающихся и раздвигающихся дощечекъ-дранокъ. Когда онѣ раздвинуты, получается рядъ фигурокъ: 1—2—1—2—1—2—1, а когда сдвинуты: 3—3—3—1.

Читать надо строго, любовно и важно; тамъ, гдѣ звѣри собираются и переходятъ ровъ и валъ, надо напустить страха: «самъ съ усамъ, самъ съ рогамъ».

стр. 31 — **Калечина-Малечина.** Игра. Берутъ палочку, ставятъ торчкомъ на указательный палецъ и, стараясь удержать ее, приговариваютъ: «Калечина-Малечина, сколько часовъ до вечера?» И самъ же держащiй палочку отвѣчаетъ: «Одинъ, два, три, четыре...». На какомъ часѣ палочка съ пальца свалится, столько часовъ и остается до вечера.

Калечина-Малечина — тоненькая, какъ палочка, объ одномъ глазѣ, объ одной рукѣ и объ одной ногѣ. Лѣсная. Ея братья — семь вѣтровъ, а восьмой — «вихорь витной» — ея другъ сердечный: онъ и бьетъ ее и треплетъ и невѣренъ — постылый. Ночь гуляетъ Калечина въ лѣсу, а день гдѣ-нибудь въ плетнѣ сидитъ и ждетъ вечера. И всякому, кто только ни спроситъ ее о вечерѣ, непремѣнно скажетъ: такъ сама она ждетъ съ нетерпѣнiемъ вечера.

стр. 31 — **курица со двора, Калечина въ ворота** — съ разсвѣтомъ важно выступаетъ курица изъ воротъ на улицу: ея выходъ открываетъ день. Калечина, прогулявшая ночь въ лѣсу, измызганная сигаетъ въ ворота.

«Ку-ри-ца со дво-ра»... — надо читать медленно и важно съ приподнятой головой, изображая медлительностью курицынъ утреннiй выходъ, и послѣ паузы скороговоркой: «Калечина въ ворота». Точно также и послѣднюю строчку: «Ку-ри-ца въ во-ро-та, Калечина со двора».

стр. 32 — **вихорь витной** — свивающiй, скручивающiй.

стр. 32 — **виръ** — водоворотъ, крутень.

стр. 32 — **темную нитку прядетъ** — древній образъ ночи, встрѣчающійся въ гимнахъ Ведъ.

стр. 32 — **Черный пѣтухъ.** Обрядъ опахиванія — очищенія отъ болѣзни и нечисти. Сравнительное изслѣдованіе этого обряда въ книгѣ **проф. Е. В. Аничкова,** Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. Спб. 1903-5.

стр. 32 — **черный пѣтухъ** — символъ всѣхъ золъ и напастей и самой смерти въ противоположность не черному — будиміру, который является символомъ воскресенія, солнца. Черный пѣтухъ какъ бы поглощаетъ всѣ болѣзни и нечисть.

стр. 32 — **отъ недѣли до недѣли** — съ воскресенья до воскресенья.

стр. 32 — **алтырное** — блѣдно-янтарное.

стр. 32 — **пчелка несетъ праздники** — воскъ для церкви и медъ для угощенія.

стр. 33 — **Коровья смерть** — чума на скотъ.

стр. 33 — **Веснянка-Подосенница** — весенняя и осенняя лихорадка.

стр. 33 — **носить змѣинаго выползка** — помогаетъ отъ лихорадки: носить надо мѣсяцъ, не снимая ни на ночь, ни въ банѣ; выползокъ — змѣенышъ.

стр. 33 — **Подтынница, Навозница** и т. д. — названія сорока сестеръ-лихорадокъ.

стр. 33 — **спорыши** — пѣтушиныя яйца, если, конечно, пѣтухъ возьмется нестись.

стр. 33 — **стряпаетъ изъ ребячаго сала свѣчу** — этой свѣчей можно усыпить; когда такая свѣча зажжена, бери все, что угодно, никто не проснется.

стр. 33 — **золотой грибъ** — помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней.

стр. 33 — **курникъ** — курятникъ.

стр. 34 — **мутовка** — палочка съ рожками на концѣ для паханья, взболтки и чтобы мѣшать.

стр. 34 — **шумя и качаясь** — очистительная сила звука и движенія; такое же значеніе имѣютъ качели.

стр. 34 — **съ горящимъ уголькомъ** — очистительная сила огня и дыма.

стр. 34 — **наземъ** — навозъ.

стр. 35 — **на мѣсяцѣ подымалъ на вилы Каинъ Авеля** — народное боъясненіе лунныхъ пятенъ.

стр. 35 — **дыхалъ гарнымъ пѣтушинымъ дыхомъ** — горѣлымъ, пережженнымъ, гарью: черная пѣтушиная сила воплощается въ колдунѣ.

стр. 35 — **надѣлъ на Алену хомутъ** — «испортилъ», наславъ грудную болѣзнь — одышку, удушье.

стр. 35 — **шаландать** — шататься; шаланда — парусное судно.

стр. 35 — **умора** — который можетъ уморить со смѣху; говорится: «умора да и только».

стр. 37 — **Купальскіе огни** — канунъ Ивана-Купала, съ 23 на 24 іюня.

стр. 37 — **солнце заскалило зубы** — когда свѣтитъ солнце и въ то же время идетъ дождь — «чортъ дочку замужъ выдаетъ!»

стр. 37 — **чарая** — носящая въ себѣ чары, волшебная.

стр. 38 — **навье, навы** — мертвецы, выходцы съ того свѣта; нава — смерть.

стр. 38 — **криксы-вараксы** — существа, олицетворяющія дѣтскій крикъ. Если ребенокъ кричитъ, надо нести его въ курникъ и, качая, приговаривать: «Криксы-вораксы! идите вы за крутыя горы, за темные лѣсы отъ младенца...». Крикса-плакса; варакса — пустомеля; вараксать — вахлять, валять.

стр. 38 — **зарочныя три головы** и т. д. Обыкновенно клады зарывались съ зарокомъ, чтобы, напр., погибло три человѣка и сто воробьевъ и тогда пускай дается кладъ въ руки.

стр. 38 — **кулички** — кулига — выкорчеванный лѣсъ; поговорка возникла при первомъ корчеваніи, когда стали селится на такихъ выселкахъ, и имѣла въ виду отдаленность. См. **С. Максимовъ,** Крылатыя слова. Спб. 1890.

стр. 38 — **гокнется** — гокъ, чокъ, бухъ, хлопъ, стукъ. брякъ, шлепъ — звукъ удара.

стр. 38 — **Скоропея** — скорпій. Идолъ-Скоропитъ.

стр. 39 — **гушъ-гушъ! хай-хай!** — восклицаніе на отогнаніе бѣсовъ.

стр. 39 — **обломъ** — названіе злого духа.

стр. 39 — **неподтыканный** — независимый и неприкосновенный, про котораго говорится: «Тронь-ка, попробуй, онъ тебѣ дастъ!»

стр. 39 — **съ мухой въ носу** — колдунъ. Въ Бѣлоруссіи о колдунѣ говорятъ: «у него муха въ носѣ». Нечистая сила охотно превращается въ мухъ. Выраженіе про человѣка, что онъ «съ мухой», означаетъ, что находится въ опьяненіи: водка — кровь Сатаны. Кромѣ того, словомъ «муха въ носу» передается вѣдовской шопотъ, подобный жужжанію. См. **П. Тихановъ,** Брянскій говоръ. Сборникъ Отд. Рус. яз. и Словес. Акад. Наукъ Т. LXXVI, № 4.

стр. 39 — **приходи вчера** — такъ надо говорить противъ дѣйствія живой нечистой силы.

стр. 40 — **сорока-щектуха.** Въ заговорѣ говорится: «отъ всякой злой птицы, сороки-щектухи, отъ чернаго ворона».

стр. 40 — **тихой поплыней** — тихо плывя.

стр. 40 — **Вытарашка** — олицетвореніе любовной страсти: ее ничѣмъ не возьмешь и не угнать въ чрную печь, какъ говорится въ одномъ заговорѣ на присуху. Вытарашка или вытырашка также названіе человѣка вѣчно тревожащагося и метущагося. См. **Д. Зеленинъ,** Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію. Сборникъ Отд. Рус. яз. и Словес. Акад. Наукъ Т. LXXVI, № 2.

стр. 40 — **Воробьиная ночь** — грозная ночь съ молніей, когда лишь подъ утро разражается ливень. Такая ночь представляется воробьиной свадьбой; невѣста-воробушка передъ вѣнцомъ причитаетъ.

стр. 40 — **копы** — копны.

стр. 40 — **въ заводяхъ** — заводь, затонъ — **мелкій рѣчной** заливъ.

стр. 40 — **кузнецъ** — представленіе брака ковкой.

стр. 40 — **воробушки** — олицетвореніе молніи.

стр. 41 — **узлюлекнула** — воскликнула.

стр. 41 — **до-любви** — до-сыта, до полнаго удовольствія.

стр. 42 — **засвирило** — застонало.

стр. 42 — **перекати-поле** — растеніе, иначе: бабій умъ, кучерявка.

стр. 42 — **гнѣздо ремезово** — за искусство вить гнѣздо ремезъ зовется первой пташкой у Бога; гнѣздо кошелемъ.

стр. 42 — **дорогѣла страстная свѣча** — четверговая свѣча зажигается во время грозы, чтобы оградить домъ отъ молніи.

стр. 42 — **викуны** — викать, визжать.

стр. 42 — **въ падалкахъ** — въ упавшихъ съ дерева скороспѣлкахъ.

стр. 43 — **Борода.** «Завиваніе бороды» Велесу-Волосу, Козлу, Ильѣ, Николѣ, Спасу — древній жатвенный обрядъ, справлявшійся въ послѣдній день жатвы, называемый дожинками, зажинками, обжинками. См. **А. Н. Афанасьевъ,** Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. М. 1866-69. Т. II. Связь зажинокъ съ Козломъ **А. А. Потебня** (Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, Варшава, 1887) объясняетъ тѣмъ, что по распространенному вѣрованію почти всѣхъ европейскихъ народовъ «душа нивы есть козло-или-козообразное существо, какъ фавнъ, Сильванъ, преслѣдуемое жнецами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосьевъ или въ послѣдній снопъ».

стр. 43 — **ильинскій олень окунулъ рога въ рѣчкѣ** — на Ильинъ день 20 іюня по народному повѣрью прибѣгаетъ къ рѣкѣ олень и мочитъ рога, и оттого вода холоднѣетъ и купаться больше нельзя. Нѣкоторые же увѣряютъ, что вовсе не рога, а выражаются проще... ну, это въ родѣ какъ бы олень струю пустилъ въ рѣку и оттого вода стала холодной.

стр. 43 — **на всѣ прилучья** — на всѣ случаи.

стр. 43 — **скоро-имъ-въ-путь-опять** — птичья скороговорка, какъ перепелиное: «спать-пора» или «пить-пійдемъ».

стр. 43 — **на красное годье** — на хорошее время.

стр. 44 — **пригудка** — прибаутка.

стр. 44 — **горкуя** — варкуя.

стр. 45 — **отъ четырехъ птицъ — желѣзныхъ носовъ.** Въ охотничьемъ заговорѣ: «стоитъ въ чистомъ полѣ дубъ, на томъ дубѣ четыре птицы — желѣзные носы».

стр. 45 — **изъ-за темныхъ каточинъ** — ложбинъ.

стр. 45 — **Купена-лупена** — волчья трава, сорочьи ягоды.

стр. 45 — **Вындрикъ-звѣрь.** Индрикъ - звѣрь, Индра ходитъ подъ землею, какъ солнце на небѣ. Въ «Голубиной книгѣ» разсказывается объ этомъ миѳическомъ звѣрѣ, властителѣ подземелья и и подземныхъ ключей, какъ онъ спасъ землю во время всемірной засухи: онъ рогомъ выкопалъ ключи и пустилъ воду по рѣкамъ и озерамъ. Но онъ же постоянно угрожаетъ своимъ поворотомъ всколебать всю землю — сдѣлать всемірное землетрясеніе. Такъ въ древнихъ стихахъ. Но въ болѣе позднихъ христіанскихъ звѣрь

укрощенъ, живетъ семьяниномъ, молится Богу, а отъ поворота его колышется только его родная гора. Онъ — мать звѣрямъ и прочіе звѣри ему кланяются. См. **П. А. Безсоновъ,** Калики перехожіе. М. 1861 г. Т. I.

стр. 46 — **крукъ** — воронъ.

стр. 47 — **Кикимора** — существо проказливое, озорное. На сѣверѣ любятъ Кикимору, она дурного ничего не дѣлаетъ, только озорничаетъ, тамъ она почетная гостья; безъ нея и пиръ не въ пиръ. На югѣ другое, тамъ она родная сестра Полудницы и Полдневому и не очень-то ласкова. Встрѣтишь, загадку загнетъ да такую, вѣкъ не разгадаешь, ну и пропалъ — защекочетъ до смерти. **Ѳ. И. Буслаевъ,** Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1861 г. **И. П. Сахаровъ,** Сказаніе русскаго народа. Спб. 1885.

стр. 48 — **Бабье лѣто** — начало осени съ Семенаго дня по Аспосовъ день, съ 1 по 8 сентября, вообще же бабьимъ лѣтомъ зовутся теплые ясные дни осени.

стр. 48 — **расторопица** — распутица: осеннія и весеннія грязи.

стр. 48 — **сырымъ серебромъ** — старинное народное опредѣленіе: «сыро серебро, сухо золото».

стр. 48 — **Ѣдетъ по полю Егорій.** Св. Георгій разъѣзжаетъ на бѣломъ конѣ и раздаетъ звѣрямъ наказы. Егорій-холодный — Юрьевъ день — 26 ноября.

стр. 49 — **вылынь** — вылынать, выплывать.

стр. 49 — **гомонъ** — гомъ, гамъ, громкій говоръ, крикъ, шумъ.

стр. 50 — **житье-бытье испровѣдывать** — узнать, довѣдаться.

стр. 50 — **по темному** — несправедливо.

стр. 50 — **Плачъ дѣвушки передъ замужествомъ.** См. **Г. С. Лыткинъ,** Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ. Спб. 1889 г. Съ этимъ «Плачемъ» я выступилъ въ литературѣ: напечатанъ онъ въ московской газетѣ «Курьеръ» 1902 г. въ Рождество Богородицы 8 сентября; редакторомъ литературнаго отдѣла былъ Леонидъ Андреевъ.

стр. 51 — **таратора** — тараторить — безумолку говорить.

стр. 52 — **не выведешь монашкой** — «монашка» — угольная курильная свѣчка, а зажигается, чтобы воздухъ прочистить.

стр. 52 — **пострѣлъ** — непосѣда, сорванецъ.

стр. 52 — **гулена** — праздный, шатунъ.

стр. 54 — **хвостъ зачиклечился** — если нитка или хвостъ бумажнаго змѣя за что-нибудь задѣнетъ и застрянетъ.

стр. 54 — **Троецыпленница.** — Троецыпленница — курица, высидѣвшая три семьи цыплятъ — по три года парившая. Существуетъ повѣрье, что такую курицу нужно непремѣнно зарѣзать, а ѣсть ее могутъ только «честныя» вдовы». На обѣдъ съ троецыпленницей допускается всего одинъ мужчина да и тому повязываютъ голову по бабьи. Этотъ обрядъ «моленія куръ» — троецыпленница справляется 1 ноября въ день Косьмы и Даміана въ курьи именины. См. **Д. Зеленинъ,** Отчетъ о діалектилогической поѣздкѣ въ Вятскую губернію.

стр. 54 — **съ дерва листье опало:** опаденіе листьевъ — символъ разлуки, потери.

стр. 55 — **не состояться водѣ** — не просвѣтлѣть, не успокоиться.

стр. 55 — **очертя голову** — отчаянно.

стр. 55 — **безъ прилуки** — безъ приманки.

стр. 55 — **бѣдовое время** — въ такомъ же смыслѣ, какъ говорятъ «бѣдовый человѣкъ».

стр. 55 — **въ свины-полдни** — поздно.

стр. 55 — **трубой ввалились** — разомъ.

стр. 55 — **хватавщина** — «хлѣбныя панихиды», во время которыхъ на особый столикъ кладутся блины и другія съѣстныя приношенія «на алчнаго, на жаднаго, на хватущаго». По окончаніи службы «алчные, жадные и хватущіе» устремляются къ столику и расхватываютъ приношенія, кто сколько можетъ.

стр. 55 — **Семикъ** — четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ: вся недѣля называется Русальная, Зеленая, Клечальная, Семицкая. Вдовы на Семикъ собираютъ прошлогодніе уцѣлѣвшіе цвѣты. См. **Д. Зеленинъ,** Отчетъ о діалктологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію.

стр. 56 — **разводили бобы** — канителились.

стр. 56 — **алалакаютъ** — причитаютъ.

стр. 57 — **Ночь темная.** Въ этой сказкѣ о Иванѣ-царевичѣ и царевнѣ Копчушкѣ — мотивъ о живомъ мертвецѣ очень древній, восходящій къ древне-классическому сказанію о Протозилаѣ и Лаодаміи. Въ русской литературѣ черезъ Бюргеровскую Ленору этотъ мотивъ разработанъ Жуковскимъ въ Людмилѣ.

стр. 57 — **хундры** — бѣлорусское назвнаіе лихорадки.

стр. 57 — **гавкала** — тявкала, брехала, лаяла.

стр. 57 — **Шандырь-шептунъ** — колдунъ. Имя изъ дѣтской считалки: «Шандырь-бандырь козу гналъ, нѣмецъ курицу укралъ» и т. д.

стр. 57 — **пери да мери, шуды да луды** — имена изъ считалки: «Перя-меря, шуда-луда, пята-сота, ива-дубъ, кленъ-крэ».

стр. 57 — **кокъ-кокоряшка** — тоже изъ считалки: «Свистень-перстень, кокъ-кокоряшка, сизянка-полянка, колъ-семиколъ, о полицу лбомъ».

Имена «считалокъ», часто имѣющія значеніе только звуковое, для дѣтей всегда представляются живыми существами, о которыхъ, если допытывать, можно узнать цѣлую исторію.

стр. 58 — **стрекалъ** — сшибалъ, такъ что трескало.

стр. 58 — **украла языкъ** — «испортила» Коку и Коза — «подательница плодородія» ужъ не могла ничего говорить. Чтобы украсть у кого-нибудь языкъ, нужно только хватиться (прикоснуться) безымяннымъ пальцемъ къ сучку въ половицѣ или въ стѣнѣ, говоря заклинаніе.

стр. 58 — **съ гуся вода, съ лебедя вода,** а съ тебя, мое дитятко, вся худоба на пустой лѣсъ, на большую воду! — спрыскиваніе водой отъ сглаза.

стр. 59 — **гремучъ виръ** — гремящій омутъ.

стр. 59 — **чортовъ логъ** — оврагъ.

стр. 60 — **амъ!!! — съѣлъ.** Эти слова надо произнести такъ, чтобы дѣйствительно слушатели забоялись: надо подготовить предыдущими фразами и сразу послѣ паузы: «амъ!!!».

стр. 62 — **Корочунъ** — дѣдъ-морозъ. Древнерусское названіе зимняго Солоноворота — 12 декабря, а также время отъ 15 ноября до Рождественскаго сочельника, т. е. Филипповки. Древнерусское: карачунъ-корочунь-корочюнъ; малороссійское: керечунъ отъ крачити, кракъ — шагъ, нога. Этотъ дѣдъ Корочунъ по словамъ румынской колядки, пріютилъ Богородицу съ Младенцемъ у себя въ хлѣву. См. **Акад. А. Н. Веселовскій,** Розысканія. VIX.

стр. 62 — **дунуло много** — вѣтровъ, какъ въ слѣдующемъ: **вдарило много** — морозовъ. Такія опущенія встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ.

стр. 62 — **драковитый дубъ** — развилистый.

стр. 62 — **вѣтренникъ** — шаловливый вѣтеръ, румянитъ щеки и вѣшаетъ сосульки на усы и бороду; если въ студеное время отворить дверь наружу, онъ тутъ-какъ-тутъ — заклубится паромъ.

стр. 63 — **злющія зюзи** — зюзи-морозы — морозныя существа трескучія.

стр. 63 — **безъ попяту** — не спячииваясь, не устремляясь на попятый.

стр. 63 — **безъ завороту** — не возвращаясь, не оборачиваясь.

стр. 63 — **сѣкнетъ** — лопнетъ, отскочитъ въ стороны.

стр. 64 — **на голодную кутью** — 5 января въ Крещенскій сочельникъ. Кутья еще бываетъ въ Рождественскій сочельникъ — «постная», и подъ Новый годъ — «ласая» или «щедрая» или «богатая». На «голодную» кутью чествуется Корочунъ: выбрасывая Корочуну за окно первую ложку, зовутъ кутью ѣсть, а лѣтомъ просятъ жаловать мимо — лежать подъ гнилой колодой и не губить посѣвовъ.

стр. 64 — **Зайка.** У дѣтей глаза подслѣповато-внимательные. Для нихъ нѣтъ, кажется, ни уголка въ мірѣ незаполненнаго: все вокругъ кишитъ жизнями, которыя позже, по мѣрѣ сознательности или разсѣятся или ужъ сядутъ на свои твердо опредѣленныя мѣста. Не отдѣляя сна отъ бодрствованія, дѣти мѣшаютъ день съ ночью, когда руководитъ ими не мама и нянька, а Сонъ. Всякую ночь приходитъ къ кроваткѣ и ведетъ гулять на свои поля по своимъ дорогамъ. Знакомыя лица игръ и игрушекъ ночью живутъ самой полной жизнью, и это отражается на отношеніи дѣтей къ предметамъ въ дневной жизни. Среди бѣла-дня вдругъ покажется правдашная Кострома, а станетъ солнце закатываться, глядишь, и Буроба съ своимъ мѣшкомъ тащится, а ужъ когда совсѣмъ смеркнется, невидный днемъ, зашевелился гдѣ въ углу червячокъ и ростетъ — ко сну клонить начинаетъ.

стр. 64 — **лягушка-квакушка съ отбитой лапкой** — фарфоровая лягушка съ отбитой лапкой.

стр. 64 — **гадкій Зародышъ** — такой изъ пузыря человѣчекъ «американскій житель»; когда его надуешь, распухнетъ, а когда воздухъ выйдетъ, то, пискнувъ, свернется въ гадкую раскрашенную пленку.

стр. 65 — **пупки Кощея** — бульдегомъ. Самое любимое кушанье дѣтей — вареный куриный пупочекъ и на кругленькія конфеты переносится названіе «пупочковъ».

стр. 65 — **Кучерище** — игрушка «щелкунъ». Сидитъ такое чудище съ разинутымъ ртомъ, а передъ нимъ коробка съ ручкой: если вертѣть ручку, то вылѣзаетъ изъ нея человѣчекъ и прямо въ пасть. И сколько бы ни вертѣть, человѣчекъ все вылѣзаетъ, а чудище, знай, его проглатываетъ.

стр. 65 — **Васютка, сынишка Кучерищевъ** — вѣтеръ въ трубѣ.

стр. 68 — **птица Гагана** — эта миѳическая птица даетъ «птичье молочко». Гага, гаганить — гоготать.

стр. 68 — **слѣпышка Листинъ** — въ лѣсу живетъ, весь изъ листьевъ. Есть и Листина-баба: туловище изъ мха, а вмѣсто рукъ еловыя шишки, на ногахъ настоящія лапотки, (Игрушка).

стр. 69 — **Мужикъ-Медвѣдь.** Игрушка. На двухъ палочкахъ укрѣплены Медвѣдь и Мужикъ, а между ними наковальня; если двигать палочки въ разныя стороны, то поперемѣнно Мужикъ и Медвѣдь ударяютъ молоткомъ по наковальнѣ.

стр. 74 — **мороками** — мрачно, себѣ на умѣ.

стр. 77 — **завязывать ножку у стола:** чтобы поскорѣе найти потерянное, надо завязать ножку у стола, и потерянная вещь сейчасъ же найдется.

стр. 82 — **два козла-барана.** Игрушка. Дѣлается по образцу Мужика-Медвѣдя.

стр. 83 — **заартачилась** — заупрямилась.

стр. 862 — **афта** — «краска, которой пишутся автопортреты» — по толкованію самой Зайки.

стр. 87 — **Медвѣдюшка.** По-англійскій «Her Star-Bear» въ книгѣ: Ihe Book of the Bear. Tranc. by Jane Harrison and Hope Mirrless. Ihe Nonesuch Press. London, 1926.

стр. 95 — **Зайчикъ Иванычъ.** Народная сказка о трехъ сестрахъ. Мнѣ ее разсказывали въ Сольвычегодскѣ. По-англійски « Hare Ivanich » въ той же «Медвѣжьей книгѣ» въ переводѣ Елены Карловны Гаррисонъ († 1928) и Надежды Васильевны Мирлесъ.

стр. 106 — Медвѣжья колыбельная. Древняя латвійская. Хорошо читать ее напѣвая. Однажды мнѣ приснился такой «небаюканный, нелюлюканный»: весь закованный подходилъ онъ ко мнѣ и я

слышалъ, какъ въ стукѣ шаговъ его напѣвалась медвѣжья кобыбельная пѣсня. По-англійски — «The Bear's Lullaby».

❦

Алалей и Лейла, задумавъ итти къ Морю-Океану, насушили себѣ сухариковъ, съѣли по ложкѣ «змѣиной каши», чтобы понимать языкъ звѣрей, птицъ и цвѣтовъ, вышли по весенней зарѣ въ путь. Идутъ они по землѣ странниками, надъ головой у нихъ солнце, луна и звѣзды. Ихъ путь лежитъ боромъ, калинникомъ, черемушникомъ, болотами, поточинами, водотопинами, полями, рѣчками, тропками — «мышиными норами» и «змѣиными тропами». Цѣлый рядъ приключеній ожидаетъ ихъ въ пути: то попадаютъ они къ Волку-самоглоту въ брюхо и, сидя плѣнниками въ Самоглотѣ, видятъ въ окошечко, что творится въ Божьемъ мірѣ весеннею ночью, когда пробуждаются всѣ земляныя силы и подземныя и воздушныя, и слышатъ разговоры и разныя сказки; то попадаютъ они къ Бѣлуну въ избушку и живутъ недѣлю у бѣлаго дѣда, дружатъ съ его пчелою. Наступаетъ лѣто, застигаютъ ихъ грозы, хоронятся они подъ кустикомъ и тутъ же подъ кустикомъ прячется заяцъ-единоухъ, и узнаютъ они отъ своего сосѣда о звѣриномъ житьѣ-бытьѣ, потомъ встрѣчаютъ росомаху и отыскиваютъ на полянѣ стараго Слона Слоновича. Позднею осенью забредутъ они въ избушку къ Вію. А отъ Вія въ Кощеево царство къ Копоулу Копоулычу. Копоулъ приходится сватомъ и кумомъ Котофею Котофеичу. Перезимовавъ у Копоула и наслушавшись отъ него сказокъ, идутъ они дальше по дорогамъ, глазѣя на міръ Божій — братъ и сестра, отецъ и дочь, женихъ и невѣста. Въ концѣ второго лѣта, исходивъ посолонь родную землю, добираются до завѣтной тропинки и въ звѣздной ночи среди послѣднихъ страховъ слышатъ: Море-Океанъ.

Котофей Котофеичъ — это тотъ самый котъ, который бѣленькую Зайку выходилъ. Послѣ всякихъ странствованій по бѣлому свѣту поселился онъ въ башнѣ, въ которой жили Алалей и Лейла.

Коза-лубяные глаза — та самая Коза, которая жила въ башнѣ у царевны Копчушки и у которой вѣдьма Соломина-вороми-

на «украла языкъ»: Коза Копчушкина вовсе не пропала, какъ думали, Коза, отыскавъ свой козій языкъ, и наколобродивъ, конечно, попала, какъ и Котофей Котофеичъ, въ башню къ Тигру и Птицѣ.

стр. 113 — **Волкъ-самоглотъ** — народную сказку о Волкѣ-самоглотѣ см. **А. Н. Афинасьевъ,** Народныя русскія сказки. М. 1887. Т. II.

стр. 119 — **Весенній громъ.** Когда гремитъ громъ, ангелы по мосту ѣдутъ. Народное повѣрье.

стр. 119 — **птица Главина** — главная птица; третій ангельскій чинъ — «Начала», низводящія дождь на землю.

стр. 119 — **Ремезъ.** Колядки о птицѣ ремезѣ см. въ Объясненіяхъ **А. А. Потебни.** Варшава, 1887 г. Птица очень чтимая, гнѣздо ея надѣвали подъ шлемъ, какъ ограду отъ пули.

стр. 119 — **Заяцъ-единоухъ, пѣвучая Лисица, лютый Звѣрь.** Игрушки.

стр. 122 — **Бѣлунъ.** См. **А. Н. Афанасьевъ.** Поэтическія воззрѣнія. М. 1886-69.

стр. 122 — **бусово время.** См. **А. А. Потебня,** Слово о полку Игоровѣ. Харьковъ, 1914.

стр. 123 — **Собачья доля.** См. легенду о собакѣ у **А. Н. Афанасьева,** Народныя русскія легенды. М. 1859; **П. Н.,** Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ. Этнограф. Обозр. кн. VII. 1890 г.

стр. 125 — **Пчелка** — легенды о пчелѣ у **А. Н. Афанасьева** въ Поэтическихъ воззрѣніяхъ. Кромѣ того я пользовался пчелиными заговорами по рукописи, принадлежавшей Аннѣ Алексѣевнѣ Рачинской (†1916 г.).

стр. 125 — **Вечерница** — Венера.

стр. 127 — **Проливной дождь.** Когда идетъ дождь, надо бросить лопату на крышу Бабѣ-Ягѣ и дождь перестанетъ. Народное повѣрье.

стр. 127 — **Колокольный** — легенду о колокольномъ см. **В. Н. Бондаренко,** Очерки Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губ. Этнограф. Обозр. кн. VI, VII. 1890.

стр. 130 — **ягій** — злой.

стр. 132 — **Задушницы,** — вторникъ на Зеленой недѣлѣ передъ Трицей. Въ этотъ вторникъ, а также въ троицкую субботу («Родители троицкіе») поминаютъ покойниковъ.

стр. 133 — **домовище** — гробъ. См. **Е. В. Барсовъ,** Причитанія сѣвернаго края. М. 1872-1882.

стр. 134 — **ангелъ** — «300 ангеловъ солнце поворачиваютъ», см. **И. Порфирьевъ,** Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань, 1872.

стр. 134 — **спорышъ** — духъ жатвы; стебель съ колосомъ двойчаткой, черное зерно во ржи — отъ него квашня хорошо подымается. См. **А. А. Потебня,** Объясненія; **Н. Ѳ. Сумцовъ,** Обжинки. Этногр. Обозр. 1889. № 3.

стр. 134 — **лелю** — «ой лелю!» — припѣвъ веснянокъ, начинаютъ пѣть съ Ѳомина воскресенья; **ладо** — «ой ладо!» — припѣвъ купальскихъ и петровочныхъ пѣсенъ.

стр. 134 — **пролѣтье** — время до Петрова дня.

стр. 136 — **засѣкъ** — закромъ.

стр. 144 — **вѣтеръ-голубь** — вѣстникъ любви.

стр. 144 — **Вѣдогонь** — древне-славянское повѣрье, встрѣчающееся у сербовъ и поляковъ. Вѣдогонь — духъ охранитель, зырянскій «ортъ».

стр. 147 — **затулъ** — ограда, защита.

стр. 146 — **Летавица** — Вѣтреница, Перелестница, Дикая баба — галицко-русское повѣрье. См. **Юліанъ Яворскій,** Живая старина, 1897 г. вып. I.

стр. 147 — **Кукураковна** — вѣдьма сплетница и предательница.

стр. 150 — **Басаврюкъ** — «бѣсовскій человѣкъ» у Гоголя въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала».

стр. 151 — **граючи** — граять, гаркать, каркать.

стр. 151 — **Лизунъ** — Домовой.

стр. 151 — **Пузырь** — «надъ нимъ (Хомой Брутомъ) держалось въ воздухѣ что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячью протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клоками». Вій, стр. 434-35. Полн. собр. соч. **Н. В. Гоголя.** Изд. его наслѣд. Т. I М., 1862 г.

стр. 155 — **Упырь.** Народное повѣрье.

стр. 156 — **выріи-птицы** — весеннія. Ирей — весенняя страна, Иръ — весна. Въ Поученіи Владиміра Мономаха: «И сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ ирья идутъ».

стр. 159 — **Морщинка.** Нѣмецкое изданіе: Runzel-Punzel. Die Geschichte zweier Mæuschen erzæhlt von Alexei Remisow, Pestalozzi Verlags-Anstlt, Berlin-Grunewald, 1928.

стр. 185 — **сонъ-трава.** См. **Н. Ѳ. Сумцовъ,** Этнограф. замѣтки. Этн. Обозр. III.

стр. 187 — **Верба.** Литовское сказаніе о Блиндѣ. Ей позавидовала Земля и обратила ее въ вербу. На Литвѣ верба считалась богиней чадородія, ей приносили жертвы. Святою вербою ударяютъ для здоровья: «будь великъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода!» Верба — «Перунова лоза» — ограждаетъ домъ отъ грозы и пожара.

стр. 187 — **дни-потемы** — скрытые мракомъ зимніе дни.

стр. 187 — **всполохи** — сѣверное сіяніе; полохъ-полымя.

стр. 187 — **зарное** — горячее.

стр. 187 — **свѣти-цвѣтъ** — волшебный купальскій цвѣтокъ.

стр. 187 — **Купало** — купъ-кыпъ-ярый, кипучій, горячій.

стр. 188 — **полудницы** — духи полдня, есть и «полдневой».

стр. 188 — **Карина** — плакальщица; карити — причитать.

стр. 188 — **Желя** — вѣстница мертвыхъ; жля — жалѣть. Карина и Желя — изъ Слова о полку Игоревѣ.

стр. 188 — **Радуница** — весенній праздникъ солнца для умершихъ — радостная вѣсть. Воскресенье на Ѳоминой — Красная горка, понедѣльникъ — Радуница, четвергъ — Навій день.

стр. 188 — **пробила ледъ щука** — щука пробиваетъ хвостомъ ледъ на Алексѣя — Божьяго человѣка, 17 марта.

стр. 188 — **студеницы** — дождевыя тучи.

стр. 189 — **развой** — разливъ.

стр. 189 — **Каменная баба.** См. **А. Н. Афанасьевъ,** Поэтическія воззрѣнія.

стр. 191 — **Волхъ Всеславьевичъ** — Вольга Святославовичъ родился отъ княжны и Змѣя Горыныча. Его богатырская слава основывается на хитрости-мудрости оборачиваться лютымъ звѣремъ, сѣрымъ волкомъ, яснымъ соколомъ, гнѣдымъ туромъ, щукой. Онъ совершаетъ походъ въ Индію богатую, въ Турецъ-землю. Встрѣчается съ великаномъ-пахаремъ Макулой Селянниновичемъ.

стр. 193 — **Лужанки** — луговые духи. См. **В. Н. Бондаренко,** Очерки Кирсановскаго уѣзда.

стр. 195 — **Крѣсъ** — искра, вызванная ударомъ изъ камня. Небесный свѣтъ.

стр. 195 — **водыльникъ** — водяникъ — водяной.

стр. 195 — **остудное** — постылое.

стр. 196 —**торокъ** — порывъ вѣтра.

стр. 196 — **Мокуша** — Мокошь, хранительница молнійнаго огня.

стр. 196 — **Бродницы** — духи бродъ, русалки.

стр. 197 — **Нежитъ.** См. **Ѳ. И. Буслаевъ,** Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1861.

стр. 197. — **ярецъ** — май.

стр. 197 — **яроводье** — разливъ весеннихъ водъ.

стр. 198 — **мавки** — manes — горныя русалки.

стр. 198 — **буянъ** — холмъ.

стр. 198 — **буйвище** — кладбище.

стр. 198 — **жальники** — братскія могилы.

стр. 198 — **Волосатка** — Домовиха.

стр. 199 — **гукать** — кликать, закликать.

стр. 199 — **волшанскія жеребья** — вѣщіе. Волшанъ, Волотъ — волхвъ. Волотъ Волотовичъ — собесѣдникъ премудраго царя Давыда Евсеевича въ «Стихѣ Іерусалимскомъ» и въ «Книгѣ голубиной» .См. **П. А. Безсоновъ,** Калики перехожіе. М. 1861.

стр. 199 — **рѣзвый жеребій** — рѣшительный.

стр. 199 — **зель** — озимь до колошенья.

стр. 199 — **Коловертышъ** — подрушный вѣдьмы. См. **В. Н. Бондаренко,** Очерки Кирсановскаго уѣзда.

стр. 203 — **Ховала** — духъ зарницы. Ховать — прятать. Ховалы — зарницы. См. **А. Н. Афанасьевъ,** Поэтическія воззрѣнія.

стр. 204 — **Мара-Марена** — богиня зимы и ночи. См. **А. А. Потебня,** Объясненія.

стр. 205 — **птица Могуль** — счистливая, помогаетъ «Ванькѣ Удовкину сыну» въ благодарность за сохраненіе птенцовъ. Сказка-былина.

стр. 206 — **Морунъ** — mare — духъ Моря. Изображеніе его — сучекъ съ острова Вандрока (Оландскіе острова) хранится въ Пушкинскомъ домѣ въ Петербургѣ.

стр. 207 — **Сталло** — Stahlmann — лопарскій богатырь. См. **Н. Харузинъ,** Русскіе лопари. М. 1890 г.

стр. 207 — **Доля.** См. **Акад. А. Н. Веселовскій,** Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ. Розысканія XII-XVII. Вып. 5. Спб. 1889 г.

стр. 207 — **Косари** — народное названіе головы Млечнаго пути.

стр. 207 — **Становище** — млечный путь.

стр. 208 — **злыдни** — духи Недоли.

стр. 209 — **заторъ** — задержка въ пути.

стр. 209 — **осѣкъ** — засѣка — лѣсъ съ покосомъ за изгородью.

стр. 209 — **зоритъ** — зарница зоритъ.

стр. 210 — **измодѣлый** — изможденный.

стр. 210 — **зыбель-болото** — зыбкое.

стр. 211 — **Моряна** — богиня Моря, владѣетъ морскими вѣтрами.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Взвихренная Русь. Изд. Таиръ. Парижъ, 1927.

Три серпа. Изд. Таиръ. Парижъ, 1929. I и II ч.

Imprimerie «PASCAL», 13, Rue Pascal, PARIS.

